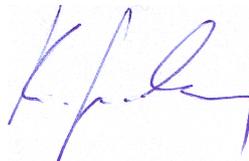

Министерство образования и науки Российской Федерации
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

На правах рукописи

Каравеева Юлия Станиславовна

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД**

Специальность 12.00.08.– Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор М.П. Клейменов

Омск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЯ О СПЕЦИАЛЬНОМ СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	16
§1. Теория социальных статусов и ролей как основа криминолого-правового анализа института специального субъекта преступления.....	16
§2. Понятие специального субъекта преступления и классификация его признаков.....	37
§3. Уголовно-правовое значение статусно-ролевых характеристик специального субъекта преступления.....	61
ГЛАВА 2. КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ О СПЕЦИАЛЬНОМ СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	75
§1. Уголовная ответственность лиц с должностным и служебным социальными статусами.....	75
§2. Учет личности специального субъекта преступления при назначении наказания.....	96
§3. Уголовная политика в отношении преступлений со специальными субъектами.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	157
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	186

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Анализ изменений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) с момента его принятия до настоящего времени выявляет тенденцию к увеличению абсолютного и относительного числа норм Особенной части со специальным субъектом преступления: если в 1996 г. оно составляло 130 (50,7% от общего количества статей УК РФ), то в феврале 2017 г. оно равнялось 181 (51,5%)¹. При этом обращает на себя внимание тот факт, что криминализируются деяния субъектов, совершающих преступления с использованием своего социального статуса или роли.

Процессы криминализации и декриминализации деяний всегда социально обусловлены², поэтому появление новых уголовно-правовых запретов с признаками специальных субъектов следует связывать с угрозами национальной безопасности Российской Федерации. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (далее – Стратегия национальной безопасности) выделены такие угрозы, как: деятельность террористических и экстремистских организаций, иностранных и международных неправительственных объединений, финансовых и экономических структур, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране; деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной

¹ Учитывались нормы Особенной части УК РФ, содержащие основные составы преступлений со специальными субъектами.

² *Прозументов Л.М.* Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 14, 16-19 и др.

стабильности в обществе; коррупция¹. Развитие уголовного законодательства в России в значительной степени связано с пресечением таких угроз путем введения новых уголовно-правовых запретов, которые включают в себя составы преступлений со специальным субъектом (ст. ст. 205. 1, 282. 1, 282. 2, 282. 3, 291. 1 и др.). На активное противодействие этим угрозам ориентируется и правоприменительная практика. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. подчеркнуто, что ни должность, ни высокие связи, ни бывшие заслуги не могут быть прикрытием для нечистых на руку представителей власти².

В то же время активно заявляет о себе и тенденция к созданию правовых привилегий лиц, совершивших правонарушения в сфере экономической деятельности. Данная тенденция подвергнута анализу и критике видными представителями юридической науки, высказывается сомнение в ее криминологической обоснованности³.

Все это указывает на актуальность криминолого-правового подхода к анализу специального субъекта преступления.

Криминолого-правовой подход в современных условиях наиболее ярко выражается в обсуждении криминологических основ уголовного права. Так, участники X Российского конгресса уголовного права, посвященного данной проблематике, дискутировали о криминологии уголовного закона, криминологической обусловленности уголовно-правовых норм, криминологических условиях криминализации и декриминализации деяний, криминологических основаниях назначения наказания и применения иных мер

¹ *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации*: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Российская газета. 2015. 31 декабря.

² *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016 // Парламентская газета. 2016. 2-8 декабря.

³ *Номоконов В.А.* Антикриминальная политика: оптимизация или радикализация // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 305-314; *Головкин Л.В.* Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business // Закон. 2015. № 8. С. 32-45; *Максимов С.В.* Двадцатилетие новейшей уголовно-правовой политики России: предварительные итоги и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 58-68.

уголовно-правового характера¹. Актуален также криминологический анализ уголовно-правовых институтов, включая институт специального субъекта преступления.

Уголовно-правовой анализ данного института ориентирован, в первую очередь, на текст уголовного закона, формализующего такие признаки специального субъекта преступления, как пол, возраст, гражданство, особый правовой статус, профессиональная принадлежность, служебное и должностное положение. Вместе с тем вне зоны внимания исследователя оказываются содержательные аспекты, превращающие формализованную фигуру специального субъекта в реального участника охраняемых законом общественных отношений, который посягает на них посредством возможностей, вытекающих из его социального статуса и роли. В результате не учитываются различия в степени криминогенности признаков специального субъекта преступления, криминологические особенности совершения преступлений со специальными субъектами, не принимается во внимание их взаимосвязь с категориями индивидуальной и групповой виктимности, реализацией мер уголовно-правового воздействия. Криминологико-правовой подход, реализующий необходимую тесную связь криминологии и уголовного права, нацелен именно на устранение таких пробелов.

Криминологико-правовой анализ уголовно-правовых запретов учитывает, что природа преступления и наказания константна в той части, которая воплощает в себе требования абсолютных нравственных императивов, «вытекающих из самой природы человека»², и относительна в другой части, обусловленной социальной реальностью и политической волей законодателя. Последний аспект особенно отчетливо проявляется именно в преступлениях со специальным субъектом, которые, согласно зарубежной криминологической

¹ *Криминологические основы уголовного права: мат-лы X Российского конгресса уголовного права.* М., 2016. 568 с.

² *Бачинин В. А.* Философия права и преступления. Харьков, 1999. С. 139.

мысли, относятся к деяниям, «преступным в силу запрещенности законом» (преступления *mala prohibita*)¹.

Статистическое множество преступлений со специальным субъектом составляет около 7% всех преступлений, регистрируемых ежегодно, при этом обращает на себя внимание тенденция к их росту. Если в 2011 г. доля таких деяний в общей массе зарегистрированных преступлений составила 6,41%, то в 2015 г. уже 7,21%.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования Исследованиями института специального субъекта преступления ранее занимались такие ученые, как С. С. Аветисян, Э. А. Бачурин, В. А. Владимиров, С. И. Захарчук, Г. А. Левицкий, В. С. Орлов, Р. Р. Орымбаев, Ш. С. Рашковская, С. А. Семенова, Ю. В. Тарасова, А. А. Тер-Акопов, В. В. Устименко и др.

Большое внимание в уголовно-правовой и криминологической науке уделяется отдельным видам специального субъекта преступления. В частности, исследованием признаков субъекта должностных и служебных, а также воинских преступлений занимались такие авторы, как А. Я. Аснис, А. Г. Безверхов, В. Н. Борков, Ю. М. Буравлев, А. Н. Варыгин, Б. В. Волженкин, С. М. Зубарев, С. В. Изосимов, А. А. Купленский, Л. В. Лобанова, Ю. А. Мерзлов, М. С. Фокин, А. В. Шнитенков, П. С. Яни и др.

Изучению преступлений в семейной сфере, совершаемых в отношении несовершеннолетних, посвящены работы Т. Н. Волковой, О. Л. Кудряшовой, О. В. Лукичева, Л. И. Мурзиной, Л. В. Сердюка, А. А. Строкова. Преступления, совершаемые субъектом в связи с профессией или родом деятельности, выступали предметом научных изысканий М. С. Гринберга, Н. М. Золотовой, Э. С. Мурадова, Т. В. Непомнящей и других ученых.

¹ Сатерленд Э. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности (современные буржуазные теории): сб. ст. М., 1966. С. 39-55.

В этих работах исследовались проблемы уголовно-правового (чаще) или криминологического (реже) характера. Комплексный криминологическо-правовой подход в них, по существу, не применялся.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений со специальным субъектом.

Предметом исследования являются нормы ранее действовавшего и современного российского законодательства, в том числе положения УК РФ, а также иного отраслевого законодательства, регламентирующие правовой статус отдельных видов специальных субъектов преступления; судебная практика применения норм Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления со специальным субъектом; статистические данные, а также научные исследования, посвященные институту специального субъекта преступления и вопросам привлечения отдельных его видов к уголовной ответственности.

Цель и задачи исследования. Основная цель исследования состоит в криминологическо-правовом анализе института специального субъекта преступления.

Среди задач диссертационного исследования можно выделить следующие:

- установить специфику криминологическо-правового подхода к изучению института специального субъекта преступления;
- адаптировать теории социальных ролей к целям криминологическо-правового анализа в качестве его методологической основы;
- уточнить дефиницию понятия «специальный субъект преступления» на основе изучения, обобщения и анализа теоретических подходов советских и российских ученых-правоведов и с позиции социально-ролевой теории;
- классифицировать специальные признаки субъекта преступления с учетом существующих в науке подходов и специфики криминологическо-правового исследования;

- проанализировать уголовно-правовое значение статусно-ролевых характеристик специального субъекта преступления;
- установить особенности уголовной ответственности лиц с должностным и служебным социальными статусами;
- установить особенности учета судом личности специального преступника при назначении наказания;
- выявить основные тенденции уголовной политики государства в отношении преступлений со специальными субъектами.

Методология и методика исследования. В диссертации использованы совокупности общенаучных (диалектический метод, анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция) и частнонаучных методов (формально-юридический, обобщение статистической информации, статистический анализ, опрос, интервью).

Теоретическая основа исследования образована трудами по философии, по теории права и государства, культурологии, социологии, уголовному праву и криминологии, исследованиями таких ученых, как А. И. Алексеев, Ю. М. Антонян, М. В. Бавсун, Ю. Д. Блувштейн, В. Н. Борков, Б. С. Волков, И. М. Гальперин, А. А. Герцензон, Ю. В. Голик, П. С. Дагель, А. И. Долгова, А. Э. Жалинский, К. Е. Игошев, И. И. Карпец, В. Е. Квашиш, М. П. Клейменов, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, С. И. Курганов, Н. С. Лейкина, Н. А. Лопашенко, Т. В. Непомнящая, А. А. Нечепуренко, В. А. Номоконов, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло, Л. М. Прокументов, А. Б. Сахаров, А. Н. Трайнин, В. Д. Филимонов, М. Д. Шаргородский, В. Е. Эминов и др.

Нормативную базу работы составляют Конституция Российской Федерации; уголовное законодательство, другие федеральные законы; Стратегия национальной безопасности; решения Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации по вопросам противодействия преступности; решения Конституционного Суда Российской Федерации по

вопросам уголовной политики; постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Научная обоснованность и достоверность результатов работы определяются широким диапазоном исследовательских методик и эмпирической базой, сформированной с учетом сущности объекта и предмета исследования, включающей информацию, полученную: в процессе изучения 330 приговоров, вынесенных в период с 2000 г. по 2016 г. 110 районными судами Москвы и Московской области, Алтайского, Красноярского, Забайкальского, Пермского и Хабаровского краев, Архангельской, Белгородской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Иркутской, Омской и Свердловской областей, г. Калининград; в ходе анкетирования 681 респондента из числа граждан, проживающих в Омске и Перми, а также 75 судей Мотовилихинского, Свердловского и Ленинского районных судов г. Перми; при анализе материалов, размещенных на 50 интернет-сайтах. В ходе исследования обобщены и проанализированы материалы судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Научная новизна работы обусловлена результатами комплексного криминолого-правового изучения проблем, связанных с юридическими характеристиками специального субъекта преступления, их криминологической значимости и общественной опасности, особенностями уголовной ответственности. На основе эмпирических материалов установлены наиболее криминогенные признаки специального субъекта, проведен анализ практики назначения наказания за совершенные преступления с учетом требований по его индивидуализации. Новизна диссертационного исследования заключается также в разработке авторских положений о сущности и значимости криминолого-правового подхода к изучению специального субъекта преступления, о личности преступника – специального субъекта, деформациях судебной практики и тенденциях уголовной политики в отношении преступлений со специальным субъектом, о возможностях совершенствования

уголовного законодательства и правоприменительной деятельности по борьбе с такими преступлениями.

Все это позволило сформулировать ряд новых по содержанию и обоснованию теоретических и практических выводов и предложений, которые представлены как **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Сущность криминологического-правового подхода к анализу института специального субъекта преступления заключается в имплементации положений криминологии о личности преступника, механизме преступного поведения, криминологической виктимологии в уголовно-правовое учение о специальном субъекте преступления; установлении реальной общественной опасности и криминогенности его признаков; оценке их взаимосвязи с категориями индивидуальной и групповой виктимности; учета в правоприменительной практике; анализе криминологической обоснованности уголовной политики в отношении преступлений со специальным субъектом.

2. Основу криминологического-правового подхода к изучению специального субъекта преступления образует теория социальных статусов и ролей, позволяющая оценить криминогенный характер его статусно-ролевых признаков, закрепленных в уголовно-правовых нормах, определить их место в механизме индивидуального преступного поведения и воздействие на принятие значимых решений уголовно-правового и уголовно-политического характера. Основная масса признаков специального субъекта преступления имеет статусный и социально-ролевой характер.

3. Учитывая сферы реализации статусных и социально-ролевых возможностей, характеризующих специального субъекта, и формы вины, целесообразно выделить:

3.1) признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере взаимоотношений с потерпевшим;

3.2) признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере осуществления служебной деятельности:

3.2.1) в коммерческих и иных организациях (служебное положение);

3.2.2) в государственных и муниципальных структурах;

3.3) признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта, не обладающего должностными полномочиями, в сфере судопроизводства, включая исполнение наказания;

3.4) признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в профессиональной сфере или в связи с родом деятельности;

3.5) признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в связи с противоправной деятельностью.

4. Уголовно-правовое значение статусно-ролевых признаков специального субъекта преступления выражается в их функциях, к которым относятся: конструктивная (подразумевающая определения оснований уголовной ответственности), ограничительная, функции дифференциации уголовной ответственности и ее индивидуализации. Конструктивная функция предполагает, что специальные признаки субъекта включены в состав деяния в качестве обязательных. Ограничительная функция означает, что специальные признаки субъекта преступления сужают круг лиц, способных совершить конкретное преступление. Функция дифференциации ответственности связана с пределами ответственности за совершение отдельных преступлений, поставленных законом в зависимость от характеристик субъекта, которые свидетельствуют о пониженной или повышенной общественной опасности деяния. Функция индивидуализации ответственности подразумевает, что при определении меры наказания за совершенное преступление суд учитывает особенности личности виновного – совокупность характеристик, которые одновременно являются признаками специального субъекта.

5. Личность преступника рассматриваемых преступлений – это особый криминологический тип личности, отличающийся, как правило, повышенной общественной опасностью, в основе которой лежит взаимосвязь статусно-ролевых возможностей (должностных и служебных полномочий) с дефектами правосознания. Личностные особенности специального субъекта преступления

оказывают влияние на принятие значимых решений уголовно-правового и уголовно-политического характера.

6. Традиционной для российской уголовной политики являлась строгость ответственности преступников с должностным и служебным социальным статусом. В современных условиях принятие значимых решений уголовно-правового и уголовно-политического характера в отношении таких лиц характеризуется излишним либерализмом, в особенности это касается резонансных уголовных дел. В этой связи предлагается дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» пунктом «с»: «совершение преступления лицом с использованием должностного положения», а пункт «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «совершение умышленного преступления сотрудником правоохранительного органа». Эти изменения могли бы позволить в рамках индивидуализации наказания учесть повышенную общественную опасность указанных деяний.

7. Целесообразно уточнить квалифицирующий признак «совершение преступления лицом с использованием служебного положения», изложив его в редакции: «совершение преступления лицом с использованием должностного или служебного положения».

8. С целью совершенствования уголовной политики в отношении преступлений со специальным субъектом предлагается:

А) вернуть нижний предел сроков наказания в виде лишения свободы в санкции статей Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления со специальным субъектом;

Б) наказание в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью включить в качестве дополнительного в содержание санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность специальных субъектов, туда, где оно отсутствует. В первую очередь это касается преступлений, совершаемых в профессиональной сфере умышленно, служебных и должностных преступлений;

В) включить в качестве дополнительного наказания лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственной награды в санкции норм Особенной части УК РФ 1996 г., устанавливающих ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления со специальным субъектом.

Теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования. Содержащиеся в диссертации научные положения, выводы и рекомендации могут быть использованы с целью:

- преодоления наметившейся тенденции сужения специализации в рамках научной специальности 12.00.08. «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»; расширения диапазона научных исследований, укрепления творческих и научных контактов между криминологами и криминалистами;

- развертывания криминолого-правовых исследований по различным актуальным направлениям борьбы с преступлениями, совершаемыми специальными субъектами, включая участие должностных лиц в деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ; содействие террористической деятельности; хищение из музеев предметов искусства; коррупцию среди работников Федеральной таможенной службы и др.;

- подготовки монографий, учебников и учебных пособий по уголовному праву нового поколения, в которых вопросы квалификации преступлений и назначения наказания будут сочетаться с практикой реализации уголовной ответственности, существованием латентных механизмов противодействия исполнению уголовного законодательства.

Практическая значимость состоит в том, что предложения и выводы автора могут быть учтены и использованы:

-при совершенствовании действующего уголовного законодательства в части уголовной ответственности специального субъекта преступления;

-в следственно-судебной практике при квалификации преступлений со специальным субъектом и назначении наказания за их совершение;

- в научно-исследовательском проектировании;
- в учебном процессе по программам специалитета и бакалавриата по курсам «Уголовное право», «Квалификация преступлений», по магистерским программам «Уголовная политика», «Назначение наказания»;
- в системе повышения квалификации следователей, судей, адвокатов.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Основные положения исследования отражены в 14 публикациях общим объемом 4,8 п.л., 4 из которых опубликованы в научных изданиях, входящих в перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций. Данные работы обсуждены и одобрены на кафедре уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования, предложения и рекомендации по дальнейшему совершенствованию норм уголовного закона об ответственности за совершение преступлений со специальным субъектом и их применению апробированы в выступлениях на научно-практических конференциях, организованных в 2010-2013 гг. на базе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Материалы исследования внедрены в учебный процесс и используются при преподавании криминологии и уголовного права на юридическом факультете Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, факультете правового и социально-педагогического образования Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Структура работы обусловлена объектом, предметом, целью и задачами исследования, а также логикой изложения проблемы. Диссертационное исследование включает в себя введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение, список использованных источников и приложений.

Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВА 1. КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЯ О СПЕЦИАЛЬНОМ СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§1. Теория социальных статусов и ролей как основа криминологического анализа института специального субъекта преступления

Дискуссия о соотношении уголовного права и криминологии имеет длительную историю: зародившаяся в дореволюционный период, она продолжилась в советской правовой науке, получив особое научное видение на рубеже веков. Сегодня подавляющим большинством авторов признается не только существующая тесная взаимосвязь указанных наук, но и ставится вопрос о необходимости криминологического обоснования уголовного закона. Вместе с тем констатируется определенная отчужденность действующего УК РФ 1996 г. и уголовно-правовой политики государства от социально-экономических реалий российского общества¹, что обуславливает кризисное состояние уголовного закона.

В связи с более широким предметным охватом криминология выходит за рамки зафиксированных в уголовном законе положений и в своем видении конкретных вопросов раскрывает их социально-философское содержание. Это происходит не только за счет привлечения иных соответствующих отраслей знания, но и за счет выявленных фактических данных, отражающих текущее состояние тех или иных процессов и явлений в обществе. Специфический междисциплинарный инструментарий криминологической науки позволяет преодолеть узко-формалистический (догматический) подход, в большей

¹ См., например: *Данилов А.П.* Бутафорность в российской уголовно-правовой политике // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 22. С. 24-28; *Милюков С.Ф.* Лжедемократизм российской уголовно-правовой политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1. С. 64-74; *Побегайло Э.Ф.* Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Балтийского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 9. С. 6-15; *Ревин В.П.* Современное реформирование уголовного законодательства как отражение уголовной политики России // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 120-123.

степени присущий науке уголовного права, и выйти на более глубокое, сущностное понимание уголовно-правовых явлений. Так, анализируя криминологическое определение преступления, профессор Д. А. Шестаков отличает его от уголовно-правового именно по признаку формальности (конвенциональности) последнего, тогда как криминология обращается, прежде всего, к материальному (социологическому) определению, «...ставящему во главу угла не наличие официального запрета, а существенные вред, опасность деяния для общества...»¹.

В свете имеющейся взаимосвязи между уголовным правом и криминологией наиболее выгодным для целей научного познания выглядит сочетание их специфических методов исследования. Представляется, что это позволит при изучении того или иного явления выявлять более глубокие, сущностные его особенности, не ограничиваясь формализованными уголовно-правовыми характеристиками.

Подобный исследовательский подход следует определить как криминолого-правовой и понимать под ним такое сочетание уголовно-правовых и криминологических методов исследования, которое позволяет установить для каждого вида формализованных в уголовном законе общественных отношений или явлений материальную (социальную) основу. Представляется, что указанный подход может быть успешно реализован, в том числе в рамках исследования института специального субъекта преступления.

Криминологической проекцией уголовно-правового института субъекта преступления является понятие личности преступника, понимаемого как «совокупность социально-значимых свойств, определяющих виновное совершение преступления, мера социальной патологии в человеке»². Уголовно-правовое значение личности преступника заключается в необходимости учета ее особенностей при назначении меры наказания судом, что следует из

¹ Шестаков Д.А. Фикция порождения преступлений законом. Криминологическое определение преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 59-65.

² Клейменов М.П. Криминология: учебник. М., 2012. С. 86.

содержания ст. 60 УК РФ. Вместе с тем некоторые личностные характеристики приобретают уголовно-правовое значение в силу того, что законодатель придает им значение признаков специального субъекта преступления, закрепляя в диспозициях норм Особенной части УК РФ 1996 г. В теории уголовного права эти признаки именуются «дополнительными признаками субъекта преступления»¹. Такое сугубо формальное видение специального субъекта преступления привлекательно своей однозначностью и универсальным характером, достигаемым за счет упрощения ситуации, и в силу этого отвечает целям квалификации совершенных деяний. В то же время формальный подход препятствует пониманию природы данного института, и, значит, картина совершения преступления со специальным субъектом и избрания меры наказания за него не предстает перед нами целиком. Наконец, утрачивается возможность обоснования продолжающейся специализации уголовного закона, результатом которой является увеличение количества уголовно-правовых норм с признаками составов преступлений, совершаемых специальными субъектами. Вопрос о реальной общественной опасности указанной фигуры и совершаемых ею деяний в контексте политических, экономических, социологических, социально-психологических условий, сложившихся в конкретный момент, остается без ответа.

На наш взгляд, целям криминолого-правового исследования института специального субъекта преступления отвечает теория социальных статусов и ролей, разработанная в рамках социологии и подлежащая адаптации в настоящем исследовании согласно указанной цели.

Приобретение научного значения терминами «социальный статус» и «социальная роль» связано с развитием западной классической социологии в XX веке. Наряду с терминами «социальный институт», «социализация», «интеграция» и иными указанные понятия служили для объяснения

¹ См., например: *Орлов В.С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 138; *Лазарев А.М.* Субъект преступления. М., 1981. С. 9; *Панько К.А.* Рецидив в советском уголовном праве: учебное пособие. Воронеж, 1983. С. 72; *Павлов В.Г.* Субъект преступления: история, теория, практика: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2000. С. 271.

закономерностей существования и функционирования общества как «... целостности, имеющей глобальную логику и объединяющей взаимозависимые элементы»¹. Основной вклад в разработку данных терминов внесли представители теорий структурного функционализма и символического интеракционизма.

Так, разрабатывая теорию социальной стратификации, М. Вебер одним из первых использовал термин «социальный статус», понимая под ним «...положение, место человека или группы в обществе» и связывая его с социальным признанием или престижем². Вследствие этого, по мысли ученого, значение социального статуса следует связывать с критерием, определяющим место индивида в структуре общества.

Социальный антрополог Р. Линтон рассматривал социальный статус как определенную позицию индивида в структуре социальных отношений, обусловленную естественными и социальными характеристиками, и связанную с ней совокупность прав и обязанностей³. Выполнение этих прав и обязанностей, в свою очередь, формирует социальную роль как предписанное и ожидаемое поведение личности, занимающей определенное положение в обществе⁴. Именно поэтому социальная роль является динамическим аспектом статуса индивида, тем, «...что должен делать индивид для подтверждения своего статуса»⁵. В целом, функцией социального статуса и роли выступает обеспечение связи индивида с множественными социальными системами. В

¹ Желтов В.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы: учебное пособие. М., 2010. С. 701.

² Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 183.

³ Цит. по: Санникова О.О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 90.

⁴ Цит. по: Романова Н.П. Социальный статус как интегративный показатель положения человека в обществе: гендерный аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 3. С. 132.

⁵ Линтон Р. Культурные основания личности // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры / сост. Л.А. Мостова; пер. Е.М. Галахов и др. М., 2011. С. 74-114.

исследованиях Р. Линтона указывается на закрепление ролевых предписаний в социальных нормах, определяющих поведение в пределах той или иной роли¹.

Идеи М. Вебера и Р. Линтона были развиты представителями структурного функционализма, или системно-функционального анализа, который как самостоятельное направление зарубежной социологии сформировался в начале XX века. Согласно данной теории, личность есть не что иное, как «...функция от той совокупности социальных ролей, которые исполняет индивид в обществе», а социальные связи «...образуются на основе выполнения ими социальных функций». Последние, в свою очередь, характеризуют «...положение людей в социальной структуре общества»².

Одним из первых разработчиков теории системного функционализма считается Т. Парсонс, сформулировавший ее основные положения. В частности, социолог рассматривал социальную систему как «...систему процессов взаимоотношений акторов (деятелей – Ю.К.), представляющую собой структуру отношений между акторами, включенными в процессы взаимодействия»³. Признавая статус и роль элементарными единицами социальной системы, ученый указывает на наличие прямой связи между конкретными статусом и ролью отдельного индивида и характером его взаимодействий с другими членами общества. С учетом выделенного функционального значения автор определяет статус как «...место в системе отношений... то, каким образом актор размещен в социальной системе относительно других акторов»⁴. И если статус характеризует позиционный аспект участия индивида в социальных взаимодействиях, то роль указывает на процессуальный аспект, то есть функциональное значение индивида для социальной системы. Ученый связывает реализацию роли с ожиданиями –

¹Цит. по: Санникова О.О. Указ. соч. С. 98.

²Немировский В.Г. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. М., 2008. С. 16-17.

³Парсонс Т. О социальных системах / под ред. С.А. Белановского, В.Ф. Чесноковой. М., 2002. С. 97.

⁴Там же. С. 97.

экспектациями¹, которые опосредуют процесс взаимодействия индивида в рамках социальной системы. При этом любое социально значимое взаимодействие индивида понимается как соответствие существующим в обществе ожиданиям, и одновременно само по себе является обусловленным субъективными ожиданиями индивида конкретного поведения от других членов общества.

Статус и роль индивида имеют значение для функционирования механизма социального контроля, который запускается ради восстановления баланса системы социального взаимодействия, нарушенной в результате девиантного поведения. Составляющими этого механизма выступают, по мысли Т. Парсонса, во-первых, нормативные стандарты, воплощающие ценностные ориентации конкретной социальной системы и определяющие ожидания к конкретным социальным ролям. Во-вторых, составляющими данного механизма выступают санкции – вознаграждение или лишение со стороны окружающих («других»), при этом наиболее значимыми для индивида являются ожидания и санкции не первичного его окружения, с которым он непосредственно взаимодействует, а необходимость соответствия обобщенным нормативным моделям – «авторитетам».

В рамках системно-функциональной теории рассматривается понятие ролевого конфликта, суть которого сводится к противоречию между ожиданиями, соответствующими всем тем социальным ролям, носителем которых выступает индивид в один и тот же момент времени. Значение ролевого конфликта для социальной системы заключается, в частности, в том, что он может явиться причиной индивидуального отклоняющегося поведения².

Дальнейшее развитие системно-функциональный подход получил в работах ученика Т. Парсонса – американского социолога Р. Мертона, определившего социальную структуру как «...расположение социальных

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 121.

² Парсонс Т. О социальных системах / под ред. С.А. Белановского, В.Ф. Чесноковой. М., 2002. С. 398.

позиций, которые в форме ролей и статусов определяют индивидуальное поведение»¹. Различный характер и множественность общественных отношений, участие в которых опосредовано соответствующими социальными статусами и ролями, обуславливает наличие у индивида не одного, а нескольких социальных статусов и ролей. Для обозначения этого явления социолог Р. Мертон использует понятия «набор ролей» и «набор статусов»². Результатом организации этих наборов выступает «ощутимый социальный порядок», необходимый для того, чтобы «большинство людей могло большую часть времени уделять своим социальным обязанностям и при этом не импровизировать заново в каждой новой ситуации, с которой придется столкнуться»³. Исследователь подчеркивает прогностическое значение социального статуса и социальной роли.

Указанное множество социальных статусов индивидуума включает в себя прирожденные (предписанные) и достигнутые (приобретенные) статусы. Вместе с тем отмечается, что «в большинстве случаев основой главного или интегрального статуса, который определяет положение человека в обществе, в группе, является профессионально-должностной статус»⁴. Внешний облик и поведение индивида отражают его социальный статус, так же, как и внутренняя позиция, представленная в его ценностных ориентациях, мотивах, установках.

Обращаясь к теории символического интеракционизма, следует указать, что поведение отдельного индивида здесь объясняется не его потребностями и влечениями, а характером социального взаимодействия, которое и образует суть общества. Как отмечается, в основе данной теории «...лежит представление о социальной деятельности как совокупности социальных ролей, которая фиксируется в системе языковых и других символов»⁵.

¹ Желтов В.В. Указ. соч. С. 722.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 539-540.

³ Там же. С. 540.

⁴ Санникова О.О. Указ. соч. С. 92.

⁵ Немировский В.Г. Указ. соч. С. 17.

Один из представителей этого направления – Дж. Мид – понимал социальную роль как систему предписаний, поставив ее в зависимость от статуса и впервые употребив при этом понятие ожидаемого поведения¹. Развивая эту идею, Т. Шибутани признавал социальную роль в качестве одной из основных функциональных единиц своей теории и рассматривал социальные группы через призму действия, а не структуры – именно роль подлежит изучению, а не индивид. Значение роли индивида как члена определенной социальной группы сводится к тому, что в процессе многократного повторения определенных действий членами общества складываются взаимные ожидания-требования (экспектации) и процедуры для «...приведения к порядку тех, кто отклоняется от норм»². Т. Шибутани использует термин «конвенциональная роль» и понимает его как «...представление о предписанном шаблоне поведения, которое ожидается и требуется от человека в данной ситуации, если известна позиция, занимаемая им в совместном действии»³.

Структура роли образована соответствующими ее характеру обязанностями и правами, при этом обязанности связываются с исходящими от окружающих ожиданиями и требованиями определенного поведения от носителя роли. В свою очередь, права, обусловленные ролью, образованы «...экспектациями, обращенными к другим участникам и побуждающими их делать что-то ради него»⁴. Процесс исполнения роли автором связывается с исполнением обязанностей, налагаемых ролью, и осуществлением прав по отношению к другим, при этом у каждого индивида имеется представление о линии поведения, проистекающей из той или иной роли.

Степень формализации роли сказывается на значимости личностных особенностей ее носителя: чем более роль формализована, тем более безличной

¹ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 217-218.

² Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Дону, 1999. С. 37.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 47.

она является. При этом по степени формализации роли следует различать, поскольку для социального взаимодействия характерно наличие и высокоформализованных ролей, и ролей более «туманных», следование которым зависит от личностных качеств индивида. Кроме того, согласно позиции Шибутани, стандартизация ролевых экспектаций способствует согласованному взаимодействию членов группы, упрощая процесс принятия (научения) роли.

Роли также различаются в зависимости от положения статуса индивида в принятой социальной иерархии статусов: чем более высоким является этот статус, тем более важной признается вытекающая из него роль. Социальная структура общества, по мнению ученого, образована системой конвенциональных представлений – норм о содержании обращения к индивиду с учетом его роли, предопределяемой статусным положением в принятой иерархии. Нарушение данных конвенциональных норм влечет за собой применение социальных санкций – «норм принуждения к соблюдению других норм»¹, среди которых выделяют позитивные и негативные, высоко- и низкоформализованные. В конечном итоге, существующая в социальной группе система конвенциональных ролей с соответствующими им экспектациями, которые определяются статусом индивида, а также наличие конвенциональных норм и социальных санкций образуют механизм социального контроля. Размышляя о содержании данного механизма и его значении, исследователь приходит к выводу о том, что «...человеческое поведение организуется в ответ на экспектации, которые предписываются другим людям»².

Термин «социальный статус» ученым используется при объяснении значения самоопределения человека в процессе социального взаимодействия. При этом Т. Шибутани, соглашаясь с М. Вебером, понимает под статусом «положение личности в сообществе, устанавливаемое в терминах прав, обязанностей, привилегий и свобод, которые она получает благодаря своему

¹ Шибутани Т. Указ. соч. С. 55.

² Там же. С. 59.

положению»¹. Именно статус позволяет его носителю ожидать и требовать конкретного отношения со стороны других людей. Для устойчивых обществ характерно ясное определение статусов, наличие среди них врожденных и приобретенных, а также слабая связь между личностными качествами индивида и обращением к нему окружающих, в основном predetermined статусным положением.

Взаимосвязь между статусом и ролью проявляется в том, что, обладая определенным статусом, индивид выполняет множество соотнесенных с ним ролей. При этом признание обществом статуса индивида настолько устойчиво, что даже в ситуации, не связанной с выполнением статусных обязанностей, окружающие продолжают относиться к нему так, как заслуживают представители данного статуса. Характерно, что исследователь, прежде всего, имеет в виду профессиональный статус. То, как социальный статус воспринимается индивидом и аудиторией – социальной группой, значимой для него, – обуславливает особенности сознательного поведения данного индивида.

Значение статуса и роли для объяснения социальных взаимодействий столь велико, что Шибутани прибегает к этим понятиям и при описании механизма конфликта ролей, когда «...при исполнении ролей в различных социальных мирах (эталонных или референтных группах – Ю.К.) аудиториям приписываются противоположные экспектации, и иногда эти различия не позволяют достигнуть компромисса»². Кроме того, благодаря существующим в обществе ролям и связанным с ними экспектациям, становится возможным прогнозировать реакции окружающих и приспособливаться к ним заранее.

Отечественная социологическая мысль, как отмечается, характеризуется «...интеграцией марксистского и структурно-функционального подходов, породившей своеобразную концепцию личности»³. В рамках указанной концепции большое внимание социальному статусу и роли личности было

¹ Цит. по: Шибутани Т. Указ. соч. С. 185.

² Шибутани Т. Указ. соч. С. 221.

³ Немировский В.Г. Указ. соч. С. 24.

уделено И. С. Коном, В. А. Ядовым. В частности, согласно И. С. Кону, «социальная роль – это то, что ожидается в данном обществе от всякого человека, занимающего определенное место в социальной среде»¹. Содержанием социальной роли при этом выступает «...безличная социальная функция и норма, выполнение которой обязательно для тех, кто занимает данную позицию»².

В. А. Ядов представил модель взаимодействия личности и общества, в которой личность выступает одновременно и как субъект, и как объект общественных отношений. При этом в последнем качестве личность вынуждена включаться в социальную общность посредством освоения социальных требований и функций – ролей, что предполагает социальную и ролевую идентификацию – «принятие общественно заданных функций и групповых требований»³.

В настоящее время продолжается исследовательская работа представителей научной школы постнеклассической (универсальной) социологии, в рамках которой социум рассматривается с использованием данных понятий. В частности, согласно профессору В. Г. Немировскому, образующие структуру социальной роли требования, ожидания и ролевое исполнение предопределяются статусом индивида: «роль определяется, прежде всего, тем, чего ожидают от человека окружающие. Эти ожидания ассоциируются со статусом, который имеет данный человек... Ролевое ожидание и ролевое исполнение структурируются через ролевые требования, которые представляют собой предписания, пожелания, конкретные социальные нормы, сгруппированные вокруг конкретного социального статуса»⁴. Понятия статуса и роли в рамках постнеклассического подхода используются с целью рассмотрения социальной структуры личности, образованной двумя

¹ Кон И.С. Личность как субъект общественных отношений. М., 1965. С. 61.

² Кон И.С. Люди и роли // Новый мир. 1970. № 12. С. 168-191.

³ Ядов В.А. Социологические исследования: методология, программа, методы. М., 1987. С. 26.

⁴ Немировский В.Г. Указ. соч. С. 19.

составляющими – субъективной и объективной. При этом под субъективной стороной социальной структуры личности понимается направленность, характеризующая мотивационную сферу личности, «...отношение личности к окружающей действительности и к самой себе»¹. Речь идет о потребностях, установках, ценностных ориентациях, идеалах личности. В свою очередь объективная структурная составляющая личности образована ее социальным статусом и ролью. Важно, что, выделяя такие характеристики социальной роли, как ролевые ожидания и ролевое поведение, В. Г. Немировский связывает ее содержание с «...ценностными ориентациями личности и социальными нормами, регулирующими ее деятельность в самых различных областях социальной жизни...»².

Таким образом, в каждой из обозначенных выше социологических теорий понятия социального статуса и социальной роли служат целям объяснения сложившихся механизмов социального взаимодействия и определению места в этой системе отдельного индивида, а также изучения личности в контексте этого взаимодействия. Выбор в пользу ролевой теории в качестве основы криминологического-правового анализа института специального субъекта преступления обусловлен следующим.

Во-первых, анализ специальных признаков субъекта преступления, закрепленных в диспозициях статей Особенной части УК РФ 1996 г., позволяет говорить о том, что их содержание образовано статусно-ролевыми характеристиками. При этом в одном случае в уголовно-правовой норме прямо указывается на социальный статус субъекта (например, сотрудник органов внутренних дел; должностное лицо; судья; свидетель; родители; лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы). В другом случае в данной норме содержится описание ролевого поведения, требуемого от субъекта в связи с занятием им определенного статуса (например, лицо, обязанное соблюдать правила безопасности при ведении горных, строительных и иных

¹ Немировский В.Г. Указ. соч. С. 118.

² Там же. С. 114.

работ; лицо, обязанное соблюдать правила техники безопасности или иных правил охраны труда). Возможно также указание на статус и роль одновременно (например, капитан судна, не оказавший помощь людям, терпящим бедствие на море или на ином водном пути).

Во-вторых, признание специального субъекта преступления носителем определенного социального статуса и роли, имеющих уголовно-правовое значение в силу прямого указания на то в нормах Особенной части УК РФ, позволяет представить механизм преступного деяния как совершение субъектом, обладающим определенным социальным статусом, действий (бездействия), которые не соответствуют ролевому поведению, заданному социальными (в том числе правовыми) нормами, и ожиданиям – ролевым ожиданиям. Действительно, статусно-ролевые возможности обуславливают доступность определенных видов общественных отношений для посягательств со стороны их участников – носителей соответствующих социальных статусов и ролей. Важно, что общество ожидает от субъекта такой тип ролевого поведения, который определяется его социальным статусом. Несоответствие действий субъекта указанным предписаниям и социальным ожиданиям причиняет преступный вред «специфической сфере общественных отношений»¹ – в этом заключается механизм преступления со специальным субъектом. Место социального статуса и социальной роли в этом механизме характеризуется тем, что они выступают необходимыми условиями (факторами) совершения такого деяния, но, естественно, не находятся в прямой причинной связи с преступными последствиями. Наступление последних требует наличия у специального субъекта таких личностных характеристик, которые бы позволили ему совершить это деяние.

В-третьих, использование выводов ролевой теории позволяет объяснить, почему, дифференцируя ответственность за преступления со специальным субъектом, законодатель в одном случае устанавливает более строгие санкции,

¹Кудрявцев В.Н. Взаимосвязь элементов преступления // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 25. С. 54-66.

а в другом – менее строгие. Иными словами, данная теория позволяет определить значение статусно-ролевых возможностей субъекта преступления для характеристик его общественной опасности, поскольку «в составы преступлений законодатель включает лишь те субъективные характеристики, которые объективированы, типичны и являются существенным звеном в определении общественной опасности деяния»¹. Так, повышение общественной опасности специального субъекта обусловлено криминогенным характером социальных статуса и роли, выступающих его уголовно-значимыми признаками. Являясь участником конкретного вида социального взаимодействия («специфической сферы общественных отношений»² как объекта посягательства), специальный субъект, помимо своих прямых прав и обязанностей, обладает доступом к определенным ресурсам, необходимыми социальными связями, значимыми в рамках этого взаимодействия, а также властью и авторитетом, а, значит, и правовыми возможностями виктимизации. Сам факт наличия перечисленных статусно-ролевых возможностей опосредует совершение преступления, облегчая его или делая в принципе возможным. Отсюда следует вывод о неравенстве возможностей специального и неспециального субъектов преступлений в достижении преступных целей.

Вместе с тем наличие определенного социального статуса способно влиять на характеристики общественной опасности субъекта преступления в сторону понижения. Речь идет о статусе «мать новорожденного», закрепленного в ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка». В данном случае законодателем учтена специфика физиологического состояния роженицы, а также возможности оказания на нее такого влияния, которое обуславливает совершение данного преступления («условия длительной психотравмирующей ситуации»).

¹ *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность: дис. ...докт. юрид. наук. Л., 1968. С. 328.

² *Кудрявцев В.Н.* Указ. соч. С. 54-66.

Таким образом, ролевая теория применительно к институту специального субъекта преступления позволяет раскрыть механизм реализации нравственной максимы, закрепленной даже в тексте Библии: «...И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше и взыщут»¹.

В-четвертых, в поле дискурса социологической ролевой теории попадают абсолютно все аспекты социально значимой деятельности индивида, в том числе нерегулируемые правом. Понимая правоприменительную деятельность в части расследования преступлений и привлечения к ответственности за них как вид социального взаимодействия, представляется возможным установить неформализованные аспекты влияния социального статуса и роли субъекта преступления на содержание этого взаимодействия. Иными словами, удастся определить те факторы, вытекающие из статусно-ролевого положения виновного, которые, ускользая от правового регулирования, обуславливают содержание и результат правоприменительной деятельности (например, профессиональная солидарность, неформальные связи, рычаги воздействия на субъектов и иных участников правоприменения, взаимосвязь с категориями индивидуальной и групповой виктимности т.д.). Вследствие этого нецелесообразным было бы, например, использование существующего в юридической литературе термина «правовое положение личности», который раскрывает «все стороны закрепленного в праве состояния личности, охватывающий его социальные признаки, качества»².

По выражению А. А. Герцензона, «криминология является первой линией социологического подхода к проблемам уголовного права»³. Поэтому неудивительно, что уже советскими учеными (например, Н. С. Лейкиной) предпринимались попытки связать категорию социальной роли с проблематикой специального субъекта преступления. На связь специальных признаков субъекта с обязанностями в определенной сфере общественных

¹ Лк, 12:48.

² Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 27.

³ Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. С. 3.

отношений указывали А. Н. Трайнин, В. С. Орлов. Другой ученый, В. Голубев, отмечал наличие особой социальной роли, характерной для каждой из выделенных им групп специальных субъектов преступления. В разнообразии этих особых социальных ролей ученый усматривал «определенное сходство: преступные действия (бездействие), нарушающие производственные процессы, совершаются в сфере общественно полезной профессиональной деятельности и всегда связаны с нарушением установленного порядка, определенного специальными нормами»¹. В уголовно-правовой науке преступность поведения, вытекающего из социального статуса субъекта, предлагается обозначать терминами «смешанная (бланкетная) противоправность»², «правовая включенность в систему правоотношений»³.

С некоторыми отступлениями ролевой подход был использован А. А. Тер-Акоповым и С. С. Аветисяном при обосновании идеи специального состава преступления⁴. Последняя вызывает интерес, поскольку некоторые ее положения допустимо рассмотреть и в рамках криминолого-правового анализа института специального субъекта преступления с помощью ролевой теории. Это относится, например, к определению специального состава преступления, под которым следует понимать «систему объективных и субъективных признаков, закрепленных в уголовном законе, необходимых и достаточных для признания, что специальным субъектом совершено посягательство на специальные ценности посредством нарушения общественных отношений,

¹ Голубев В. Специальный субъект преступления // Советское государство и право. 1984. № 12. С.7-8.

² Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил. М., 1995. С. 11-13.

³ Винокуров В. Способы указания на субъект правоотношений и проблемы квалификации // Уголовное право. 2009. № 4. С. 12-16.

⁴ См., например: Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003; Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: теория и практика правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005.

обеспечивающих безопасность личности, общества и государства, характеризующие конкретную группу деяний»¹.

В основе вывода об ограничении круга деяний со специальным составом лежат тезисы о специфических характеристиках, присущих каждому из элементов специального состава, о повышенной общественной опасности деяния со специальным составом, а также о механизме его совершения. В рамках разрабатываемого криминологического-правового подхода также подчеркивается значение взаимообусловленности характеристик элементов состава преступления и специального субъекта, повышенная общественная опасность ряда деяний. Кроме того, сквозь призму статусно-ролевой теории раскрывается особый механизм совершения преступления с использованием имеющегося социального статуса и роли. Так, способом посягательства на специальный объект, согласно А. А. Тер-Акопову и С. С. Аветисяну, выступает нарушение общественных отношений, обеспечивающих функционирование данных правовых благ. Мы полагаем, что есть все основания согласиться с указанной точкой зрения, поскольку неоспорим тот факт, что совершить преступление в «специфической сфере общественных отношений»² способно лишь лицо, наделенное соответствующими правами и обязанностями. В то же время сам по себе факт невыполнения конкретной обязанности или злоупотребления каким-либо правом, нарушающим порядок осуществления тех или иных общественных отношений, может повлечь лишь дисциплинарную ответственность. Основанием криминализации таких действий выступает их высокая общественная опасность.

Вместе с тем отдельные положения рассматриваемой теории представляются спорными. Речь идет, во-первых, о том, что под специальными составами преступлений авторы подразумевают родовые составы. В свое время Я. М. Браинин прямо указывал на отсутствие оснований для выделения родовых составов преступлений, признавая существование лишь общего

¹ Аветисян С.С. Указ. соч. С. 143.

² Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 54-66.

понятия состава и конкретного состава преступления, соотносимых между собой как род и вид¹. Обоснование позиции связывалось с невозможностью независимого существования состава преступления и уголовно-правовой санкции, содержащей оценку общественной опасности деяния².

В свете изложенного сомнительным представляется рассмотрение специального родового состава в качестве основания для уголовной ответственности³.

Единственным примером фиксации специального (родового) состава в действующем уголовном законе является ч. 1 ст. 331 УК РФ «Понятие преступлений против военной службы». Существование этой нормы объясняется «необходимостью разграничения воинских преступлений с иными составами преступлений», а также свидетельствует о сохранении «автономности законодательства о воинских преступлениях и отражает связь уголовного законодательства с военным строительством»⁴.

Очевидно, что в практических целях привлечения субъекта к уголовной ответственности данная норма не может быть использована непосредственно. Кроме того, ее существование следует признать скорее традиционным, чем необходимым, поскольку специфика элементов конкретных составов воинских преступлений дублируется в отдельных нормах гл. 33 УК РФ.

Во-вторых, спорными представляются следующие положения теории специального состава: по мысли С. С. Аветисяна, основанием отнесения состава к специальным родовым составам преступления выступают наличие специфических характеристик у его основного объекта и соблюдение условия о специальной противоправности деяния – помещение специальных составов преступлений в отдельную главу Особенной части УК РФ.

¹ *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание. М., 1965. С. 95.

² *Там же.* С. 106.

³ *Аветисян С.С.* Указ. соч. С.132.

⁴ *Ахметшин Х.М., Петухов Н.А., Тер-Акопов А.А., Уколов А.Т.* Военно-уголовное законодательство Российской Федерации. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации / под ред. Н.А. Петухова. М., 1999. С. 28.

По общему правилу противоправность рассматривается как «форма выражения общественной опасности преступления»¹. В УК РФ признак противоправности реализуется не только посредством закрепления уголовно-правовых норм, но и посредством их размещения в определенных разделах и главах Особенной части. В основе ее структурирования – объекты уголовно-правовой охраны, перечисленные в ст. 2 УК РФ.

Положение о специальной противоправности реализовано в Особенной части УК РФ лишь частично, поскольку она содержит главы со специальными составами преступлений в смысле рассматриваемой теории, – например, гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», гл. 33 «Преступления против военной службы».

Вместе с тем нормы уголовного закона закрепляют большое количество многообъектных составов, размещение которых в главах Особенной части обусловлено большей социальной ценностью основного объекта по сравнению с дополнительным². С учетом этого отнесение признака специальной противоправности к числу обязательных характеристик специальных (родовых) составов означает исключение из их круга составов преступлений со специальным дополнительным объектом.

Таким образом, в отношении значительной части составов со специальным субъектом, закрепленных нормами Особенной части УК РФ 1996 г., указанные условия не выполняются. Как правило, это основные и квалифицированные составы посягательств против «общих» (в смысле, неспециальных) объектов – жизни и здоровья человека, конституционных прав

¹ Горбуза А.Д., Сухарев Е.А. Структура преступления // Вопросы совершенствования норм уголовного законодательства на современном этапе: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1986. С. 10-22.

² См., например: Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 218.

и свобод человека и гражданина и т.д. (ч. 2 ст. 109, ч.2 ст. 118, ч.4 ст.122, ст. ст. 123, 124, 128, 136, 140 и др.).

В каждом из этих составов непосредственный дополнительный объект представляет собой специфическую область общественной жизни, специально урегулированную нормативным образом – это, соответственно, порядок оказания медицинской, врачебной помощи, порядок осуществления должностных или служебных полномочий и т.д. Естественно, что при включении указанных норм в соответствующие разделы и главы законодатель учел, в первую очередь, абсолютную ценность основных объектов этих посягательств – личность и ее право на жизнь и здоровье, конституционные права и свободы человека и гражданина и проч.

При этом учет вредоносности деяния для дополнительного объекта служит целям дифференциации ответственности за его совершение. К примеру, из сравнения санкций ч.1 и ч. 2 ст. 109 УК РФ следует вывод о повышенной общественной опасности неосторожного причинения смерти вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей.

С учетом изложенного теория специального состава преступления А. А. Тер-Акопова и С. С. Аветисяна воплощает в себе узкий подход к пониманию природы преступлений со специальным субъектом, поскольку применима лишь для некоторой их части¹.

Таким образом, информация, исследованная в данном параграфе, позволяет сделать следующие выводы:

1. Сущность криминолого-правового подхода заключается в криминологическом обосновании содержания конкретных уголовно-правовых признаков, анализе их реализации в преступной деятельности, установлении

¹ Если принять общее количество норм Особенной части УК РФ, закрепляющих составы преступлений со специальным субъектом, за 100%, то из них почти 50% – это специальные составы, согласно теории С.С. Аветисяна. Остальная часть – это составы, не удовлетворяющие признакам специальной противоправности и специального основного объекта.

тех особенностей, которые не поддаются законодательной фиксации, но осознаются и учитываются правоприменителем.

В качестве основы криминолого-правового подхода к изучению специального субъекта преступления выступает социологическая теория социальных статусов и социальных ролей. Указанная теория позволяет обосновать криминогенный характер дополнительных признаков специального субъекта преступления, закрепленных в уголовно-правовых нормах, определить их место в механизме индивидуального преступного поведения, оценить их взаимосвязь с категориями индивидуальной и групповой виктимности, выявить, в какой степени они подлежат учету в правоприменительной практике.

2. В рамках этой теории социальный статус следует понимать как совокупность нормативно закрепленных прав (полномочий), обязанностей, льгот и привилегий, вытекающих из правового положения лица, а роль – как поведение, соответствующее статусу и ожидаемое обществом от субъекта. Специальный субъект преступления обладает определенными уголовно-значимыми социальными статусом или ролью, закрепленными в нормах УК РФ и являющимися специальными признаками субъекта преступления.

3. Криминолого-правовое значение социальных статусов и ролей связано с их влиянием на общественную опасность специального субъекта преступления и совершенного им деяния. При этом повышение общественной опасности связано с тем, что обусловленные статусом или ролью возможности облегчают совершение посягательств на определенные уголовно-охраняемые объекты, недоступные неспециальным субъектам, или делают его совершение возможным в принципе, в том числе за счет ожиданий общества определенного позитивного поведения от субъекта, соответствующего его социальному статусу или роли и, как правило, регламентированному нормативно.

§2. Понятие специального субъекта преступления и классификация его признаков

Разрабатываемый в рамках данного исследования криминологического-правового подход к институту специального субъекта преступления, по сути, дополняет сложившийся традиционный подход, поэтому важно предложить обоснованную формулировку необходимых ключевых понятий, тем более что их законодательное определение отсутствует.

Анализ основных уголовно-правовых актов России дореволюционного и советского периодов показывает, что унифицированному подходу к определению понятия специального субъекта преступления законодатель неизменно предпочитал закрепление в диспозициях статей уголовного закона отдельных его признаков.

Действующий УК РФ 1996 г. в определенном смысле является исключением, поскольку, как уже было отмечено, вводит норму о субъекте преступления, признаки которого специально указаны в соответствующей статье Особенной части (ч. 4 ст. 34). Этот шаг предоставил новые возможности для развития учения о соучастии, однако не завершил научной дискуссии вокруг понятия специального субъекта преступления, поскольку в законе по-прежнему отсутствует необходимая для этого основа в виде нормы-дефиниции. Введению этой нормы в Общую часть УК РФ законодатель традиционно предпочел перечисление конкретных признаков специального субъекта преступления в нормах Особенной части.

Таким образом, исследователь вынужден обращаться к анализу указанных признаков, для того чтобы на его основе прийти к выводу о природе специального субъекта преступления, его правовом значении и общих особенностях квалификации соответствующих видов деяний. В уголовно-правовой науке поэтому предложено большое количество дефиниций данного понятия и классификаций специальных признаков. Отсюда же следуют сложности в применении норм о преступлениях со специальным субъектом.

Устоявшейся является позиция советских криминологов, согласно которой специальный субъект преступления характеризуется особыми дополнительными признаками, указанными в статье Особенной части УК РФ¹. В большинстве современных учебников по уголовному праву Российской Федерации используется именно это определение специального субъекта преступления², в связи с чем его можно назвать традиционным. Как было отмечено в предшествующей части исследования, в основе указанного определения лежит формальный подход, поскольку исследователь ориентируется, прежде всего, на факт закрепления дополнительных признаков субъекта в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Вместе с тем учеными предлагались различные по смысловому объему толкования понятия. Так, Р. Р. Орымбаев, Ш. С. Рашковская, Н. С. Лейкина и Н. П. Грабовская, сужая дефиницию, указывали на связь специальных признаков субъекта преступления с деятельностью или характером обязанностей, возложенных на лицо, в силу которых только оно может совершить данное преступление³.

Значение категории «обязанности» в контексте содержания специальных признаков субъекта подчеркивалось и В.С. Орловым, который одним из первых обозначил проблемный статус правовой регламентации специального субъекта преступления. Так, существование данного понятия ученый связывал со «спецификой отдельных видов преступлений, совершение которых возможно

¹ См.: Орлов В.С. Указ. соч. С. 138; Лазарев А.М. Указ. соч. С. 9; Панько К.А. Указ. соч. С. 72; Павлов В.Г. Указ. соч. С. 271.

² См., например: Иванов Н.Г. Уголовное право России: Общая и Особенная части: учебник. М., 2003. С. 181; Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении. Общая часть: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 291; Уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. М.А. Кириллова, В.И. Омигова. Чебоксары, 2009. С. 226-227; Уголовное право России: части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2009. С. 181; Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. В.А. Вайпан, В.П. Ревин. М., 2010. С. 172.

³ Орымбаев Р.Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977. С. 46; Рашковская Ш.С. Субъект преступления / Советское уголовное право: часть Общая / под ред. М.А. Гельфер, П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. М., 1960. Вып. 6. С. 6-7; Курс советского уголовного права: Т.1: часть Общая: учебник / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 389.

только в связи с определенной деятельностью людей, в связи с выполнением возложенных на них определенных обязанностей»¹. Ранее подобная мысль была высказана и А. Н. Трайниным, рассматривавшим специальный субъект в свете учения о составе преступления².

То, что данная позиция не нашла широкой поддержки среди исследователей, занимавшихся этой проблемой, объясняется «увеличением количества составов со специальным субъектом, расширением представления о дополнительных признаках»³.

Некоторые авторы считали нужным указать в дефиниции понятия на исполнительскую роль специального субъекта при совершении преступления в соучастии⁴. Это мнение поддерживается и в современной науке⁵, что связано с продолжающейся дискуссией вокруг проблемы соучастия со специальным субъектом.

Таким образом, в рамках формального, общепризнанного в уголовно-правовой теории подхода основное различие между специальным и неспециальным (общим) субъектами сводится к наличию дополнительных характеристик, указанных в законе, кроме общих признаков возраста, вменяемости и физической сущности.

Как и предыдущие уголовные законы, УК РФ 1996 г. содержит большое количество «социальных, социально-демографических и социально-психологических»⁶ характеристик специального субъекта преступления.

Изучение динамики появления в УК РФ норм с признаками специального субъекта приводит к выводу о тенденции увеличения числа составов

¹ Орлов В.С. Указ. соч. С. 138.

² Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 215.

³ Жуковский В.И. Субъект преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 97.

⁴ Владимиров В.А., Левицкий Л.В. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964. С. 8.

⁵ См., например: Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 12.

⁶ Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 327.

преступления со специальным субъектом. Так, если в Особенной части УК РФ в редакции от 13 июня 1996 г. насчитывалось 130 статей, закрепляющих признаки специального субъекта (50,7% от общего количества 256 статей), то в Особенной части УК РФ в редакции от 7 февраля 2017 г. таких статей – уже 179 (51,2% от общего количества 349 статей). При этом в особенности показателен абсолютный рост соответствующих показателей, указывающий на объективное расширение круга лиц, обладающих криминогенными социально-ролевыми признаками. Простая экстраполяция этой тенденции на существующую правоприменительную практику приводит к выводу о наиболее ожидаемом варианте уголовно-правового прогноза: в обозримом будущем число составов со специальным субъектом будет и далее возрастать.

Вследствие этого представляется, что данный формальный подход должен быть дополнен криминологическим, реализуемым в рамках теории социальных статусов и ролей.

Актуальность указанного подхода, в частности, определяется еще и тем, что в современном российском обществе сложилась социально-экономическая и политическая конъюнктура, качественно отличающаяся от советского периода. Поскольку «состояние уголовного права сильно зависит от места и времени, т.е. от актуальной ситуации общества»¹, постольку формирование нового подхода к определению специального субъекта преступления должно учитывать последние изменения, произошедшие в обществе. Поэтому, опираясь на уголовно-политические и криминологические основания, мы неизбежно должны прийти к выводу о необходимости пересмотра устоявшихся позиций с целью приведения рассматриваемого правового института в такое состояние, которое бы отражало направленность и содержание современной внутренней политики нашего государства. Неслучайно в вводной части исследования приведены выдержки из ежегодных Посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 9.

последних лет и иных официальных документов, отражающих и приоритеты государственной политики России, и особенности сложившейся конъюнктуры.

Поскольку в уголовно-правовой интерпретации некоторые из задач уголовной политики России оказываются непосредственно связанными с категорией специального субъекта преступления, постольку рассмотрение данной категории должно отвечать содержанию этих задач. Указанная зависимость учитывается криминолого-правовым подходом, в рамках которого понятие специального субъекта преступления можно определить следующим образом: это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности и совершившее преступление путем использования своего социального статуса или роли. При этом специальным признаком субъекта преступления является закрепленное в уголовно-правовой норме описание его социального статуса или роли. В криминолого-правовом смысле понятия «статус» и «роль» оказываются равнозначными, поскольку роль предполагает наличие соответствующего статуса у субъекта, а указание на нее связано с особенностями законодательной техники, когда в качестве специального признака субъекта выступает именно ролевое поведение.

Термин «преступление со специальным субъектом» следует понимать как преступление, совершенное путем противоправного использования субъектом социального статуса или невыполнения (ненадлежащего выполнения) социальной роли, требования к выполнению которых регламентированы существующими правилами поведения, в том числе, нормативного характера.

Главное во взаимосвязи социального статуса и роли заключается в том, что содержание роли, т.е. требований и ожиданий общества к поведению лица, предопределяется социальным статусом субъекта. С учетом этой взаимосвязи сформулировано большинство диспозиций норм Особенной части УК РФ, специально указывающих на признаки субъекта преступления. При этом в одном случае они называют социальный статус субъекта (например, сотрудник органов внутренних дел; должностное лицо; судья; свидетель; родители; лицо, отбывающее лишение свободы). В другом случае они содержат описание

ролевого поведения, требуемого от субъекта в связи с занятием им определенного статуса (например, лицо, обязанное соблюдать правила безопасности при ведении горных, строительных и иных работ; лицо, обязанное соблюдать правила техники безопасности или иных правил охраны труда). Возможно также указание на статус и роль одновременно (например, капитан судна, не оказавший помощь людям, терпящим бедствие на море или на ином водном пути).

Выбор того или иного типа указания на специальные признаки субъекта определяется степенью конкретизации действий, образующих способ выполнения объективной стороны отдельного состава преступления¹.

Характерно, что в уголовно-правовой науке вопрос об отнесении возраста и пола к специальным признакам субъекта преступления остается дискуссионным со времен исследований советских криминалистов. Большинство ученых все же включает эти качества в классификационные группы социально-демографических или биологических признаков². В то же время эта позиция разделяется не всеми; в частности, в предложенную С.И. Захарчуком классификацию спорные признаки не включены³. С.С. Аветисян, придавая принципиальное значение связям детерминации между специальным объектом преступления и специальным субъектом, исключает «...признаки пола, другие демографические признаки, соматическое

¹ В криминологическом-правовом смысле понятия «статус» и «роль» оказываются равнозначными, поскольку роль предполагает наличие соответствующего статуса у субъекта, а указание на нее связано с особенностями законодательной техники, когда в качестве специального признака субъекта выступает именно ролевое поведение.

² См., например: *Курс советского уголовного права*: Т.1: часть Общая: учебник / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. С.391; *Орымбаев Р.Р.* Указ. соч. С. 50; *Устименко В.В.* Специальный субъект преступления: понятие, виды, некоторые вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Харьков, 1983. С. 39; *Тарасова Ю.В.* Указ. соч. С. 93-101; *Жуковский В.И.* Указ. соч. С. 118-119; *Крюкова О.Ю.* Специальный субъект в преступлениях, посягающих на нормальное функционирование органов и учреждений, реализующих лишение свободы, арест, содержание под стражей: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2010. С. 32-35.

³ *Захарчук С.И.* Неосторожные преступления со специальным субъектом: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 37-40.

состояние субъекта, наличие прошлой судимости» из перечня специальных признаков субъекта преступления¹.

Однако наличие у индивида любой из указанных характеристик предопределяет его положение в соответствующих социальных взаимодействиях, а, значит, является статусно-ролевой характеристикой. Как и в иных случаях, для каждого из этих социальных статусов существует предписанный комплекс правил поведения – ролевых требований, соответствие которым ожидается другими членами общества – участниками этих взаимодействий. Так, от носителя ВИЧ-инфекции, например, ожидается соблюдение правил гигиены, образующих содержание инфекционного контроля за больным, о чем прямо указано в Федеральном законе от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)».

То, что ролевые требования не всегда имеют формализованный характер, не влияет на признание либо непризнание того или иного признака субъекта статусным. Например, содержание ролей, связанных со статусами «мужчина» и «женщина», существуют в виде норм-обычаев, моральных норм. В социологической науке такое положение объясняется существованием высокоформализованных ролей и более «туманных», различающихся, наряду с прочим, степенью вовлеченности личностных характеристик субъекта².

Кроме того, наличие у субъекта социального статуса, обусловленного половыми и иными демографическими характеристиками, соматическим состоянием, наличием судимости, не противоречит ролевой теории, поскольку, как уже было отмечено, американским социологом-функционалистом Р. Мертоном были введены в научный оборот понятия «набор ролей» и «набор статусов». Речь идет о том, что одновременно индивид может обладать некоторым количеством социальных статусов и выполнять множество

¹ *Аветисян С.С.* Указ соч. С. 148-149.

² *Шибутани Т.* Указ. соч. С. 78.

обусловленных ими, среди которых интегральное, основное положение занимает лишь один¹.

Довольно обширный перечень специальных признаков субъекта преступления, закрепленный в нормах Особенной части уголовного закона, предопределяет необходимость их упорядочения. Целесообразно для этого использовать научный метод классификации, сутью которого является «систематическое деление и упорядочение понятий и предметов»². Кроме того, исследование групп, выделенных по какому-либо общему критерию, позволяет выявить иные черты сходства и различия систематизируемых понятий, и, в конечном итоге, установить их сущностные особенности.

В правовой теории, классифицируя специальные признаки субъекта преступления, авторы исходят из общепринятого в уголовно-правовой науке определения понятия, согласно которому решающее значение придается факту обладания субъектом любыми дополнительными признаками, указанными в норме Особенной части УК РФ. В связи с этим каждая из предложенных классификаций признаков специального субъекта по критерию их правовой природы обычно содержит группы признаков, характеризующие правовое положение субъекта, личность субъекта³ (включая физические признаки⁴ или признаки демографического характера⁵).

В продолжение классификации выделяются иные группы специальных признаков, характеризующие, в частности:

– специфику преступных действий субъекта⁶;

¹ См.: Мертон Р. Указ. соч. С. 539-540.

² *Философский* энциклопедический словарь. М., 2004. С. 1012.

³ См., например: Устименко В.В. Указ. соч. С. 39; Макарова Т.Г. Уголовно-правовая характеристика соучастия в преступлении со специальным субъектом. СПб., 2002. С. 43.

⁴ См., например: Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учебное пособие. Владивосток, 1970. С. 90-91; Жуковский В. И. Указ. соч. С. 118-119; Семенов С.А. Указ. соч. С. 84-88.

⁵ См., например: Курс советского уголовного права: Т.1: часть Общая: учебник / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 391; Орымбаев Р.Р. Указ. соч. С. 50; Уголовное право: Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.Ю. Малаховой. М., 2011. С. 117.

⁶ Устименко В.В. Указ. соч. С. 39.

- взаимоотношения с потерпевшим¹;
- должностное положение, особые качества выполняемой работы (у некоторых авторов – профессия или род деятельности)²;
- прошлую антисоциальную деятельность лица или повторность³.

Предложены и более подробные классификации. Например, Ш. С. Рашковская выделяет такие признаки, как обязанности, возлагаемые на граждан в отношении обороноспособности СССР и порядка несения воинской службы; обязанности, возлагаемые в отношении органов правосудия; обязанности, возлагаемые в отношении других лиц; определенное положение лица по отношению к государственному, общественному или личному имуществу; правовой статус привлеченного к уголовной ответственности, осужденного к отбытию отдельных видов наказаний, некоторых категорий лиц, отбывших наказание⁴.

В юридической литературе также можно встретить классификации не признаков, а видов специального субъекта преступления в зависимости от характера и содержания признаков. В частности, Э. А. Бачурин использует именно этот вариант, выделяя специальные субъекты, признаки которых детерминированы объектом посягательства, и специальные субъекты, признаки которых детерминированы личностью совершившего деяние⁵.

Специальные признаки субъекта могут быть классифицированы также по иным основаниям, а именно: по количеству признаков, присущих субъекту, и

¹ Семенов С.А. Указ. соч. С. 88–89; Жуковский В.И. Указ. соч. С. 118–119; Дагель П.С. Указ. соч. С. 90–91; Советское уголовное право: часть Общая: учебник. М., 1972. С. 204–206.

² Курс советского уголовного права: Т.1: часть Общая: учебник / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 391; Дагель П.С. Указ. соч. С. 90–91; Орымбаев Р.Р. Указ. соч. С. 50; Семенов С.А. Указ. соч. С. 88–89; Советское уголовное право: часть Общая: учебник. М., 1972. С. 204–206.

³ Орымбаев Р.Р. Указ. соч. С. 50.

⁴ Советское уголовное право: часть Общая: учебник. М., 1972. С. 204–206.

⁵ Бачурин Э.А. Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 136.

степени общественной опасности личности преступника¹ или специфике самих признаков².

Поскольку и социальный статус, и социальная роль индивида приобретают значение только в рамках его реального взаимодействия с другими членами общества, целесообразно за основу классификации специальных признаков субъекта принять сферы, в которых осуществляются однотипные взаимодействия и в которых статус приобретает криминогенное значение. С такой позиции, например, характеристика совершеннолетнего возраста индивида имеет криминологическое-правовое значение не сама по себе, а лишь для взаимодействий совершеннолетнего субъекта с лицами, не достигшими возраста восемнадцати лет.

С учетом данного критерия, не претендуя на его абсолютность, классификацию статусно-ролевых признаков специального субъекта преступления можно представить следующим образом:

1. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере взаимоотношений с потерпевшим, – например, мать новорожденного (ст. 106); материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного (ч.2 ст. 120); обязанность иметь об оставленном заботу (ст. 125); родители (чч. 2 ст. ст. 150 и 151, ст. 156, ч. 1 ст. 157); лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста (ч.1 ст. 150, ч. 1 ст. 151) и др.;

2. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере осуществления служебной деятельности, например, работодатель (ст. 145); выполнение управленческих функций в коммерческой и иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением (ст. ст. 199.2, 201, 202, 203, чч. 5-8 ст. 204, 204.2, 304); должностное лицо (ст. ст. 140, 149, 169, 170,

¹ Милюков С.Ф., Труфанов В.В. Рецензия на книгу Р. Орымбаева «Специальный субъект преступления» // Правоведение. 1980. № 3. С. 109–110.

² Наумов А.В. Российское уголовное право: Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 216–217.

215.1, 237, 285–287, 289–290, 292–293, 315; ч. 2 ст. 354); прокурор; следователь; лицо, производящее дознание; судья (ст. ст. 299–302, ч. 2 ст. 303, ст. 305) и др.;

3. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта, не обладающего должностными полномочиями, в сфере судопроизводства, включая исполнение наказания, участие лица в рассмотрении гражданского дела в суде (ч. 1 ст. 303); полномочия по представительству лица, участвующего в рассмотрении гражданского дела в суде (ч. 1 ст. 303); свидетель (ст. ст. 307, 308, 310); потерпевший (ст. ст. 307, 308, 310);

4. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в профессиональной сфере или в связи с родом деятельности, например, отсутствие высшего медицинского образования соответствующего профиля (ч. 1 ст. 123); индивидуальный предприниматель (ст. ст. 1451, 1594, 171, ч. 1 ст. 176, ст. ст. 178, 195, 196, 197, 199.2); наличие профессиональных обязанностей (чч. 2 ст. ст. 109 и 118, ч. 4 ст. 122) и др.;

5. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в связи с противоправной деятельностью – занятие лицом высшего положения в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ); наличие судимости за ранее совершенные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ); привлечение лица к административной ответственности (ст. ст. 116.1, 264.1 УК РФ)¹.

Уголовно значимые социальные статусы и роли, связанные с преступным поведением субъекта, для каждой из этих сфер образуют обширный перечень. Однако в каждом случае суть наказуемого статусного поведения неизменно связывается с его несоответствием «...нормативно одобренному образу поведения, ожидаемому от каждого, занимающего данную позицию»². В каждом случае специфика отражается законодателем в характеристиках

¹ В полном объеме содержание данных классификационных групп представлено в Приложении 1 «Виды специальных признаков субъекта преступления» (С. 186-194).

² Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 14, 23.

объективной стороны деяний и, как правило, их объектов, состояние защищенности которых напрямую зависит от соблюдения носителем статуса соответствующих ролевых требований.

Наряду с предложенным можно также выделить классификационные группы уголовно значимых статусов и ролей, характеризующих специального субъекта умышленных и неосторожных деяний. Последними признаются деяния, совершенные специальным субъектом при осуществлении профессиональной или иной деятельности. Законодательно закреплены, например, статусно-ролевые характеристики субъектов таких деяний, как наличие профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. ст. 109 и 118, ч. 4 ст. 122); отсутствие высшего медицинского образования соответствующего профиля (ч. 3 ст. 123); обязанность оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правилом (ст. 124) и др.

Умышленные преступления субъектов, включенных в профессиональные правоотношения, можно рассматривать как сознательное искажение порядка реализации трудовых функций, точное исполнение которых гарантирует соблюдение интересов определенного круга лиц – беременной женщины, принявшей решение об аборте; работников, требующих вознаграждения за труд; страховщика и т. д.

Общественная опасность неосторожной преступности обусловлена широкой распространенностью неосторожных деяний и дальнейшим ростом их количества, высоким уровнем их латентности и характеристиками преступного вреда. Так, например, согласно исследованиям, удельный вес неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, в структуре преступности в сфере здравоохранения вырос с 10% до 20-25%¹. Вследствие этого вывод о повышенной общественной опасности неосторожных

¹ *Габай П.Г.* К вопросу о детерминации неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи // *Российский следователь.* 2014. № 2. С. 25-29.

преступлений в сравнении с умышленными является признанной истиной в науке¹.

При этом в сфере уголовно-правового регулирования оказываются такие типичные случаи ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей или несоблюдения правил деятельности, которые с высокой долей вероятности ведут к неосторожным последствиям в виде причинения смерти, значительного материального ущерба или существенного вреда окружающей среде².

Дальнейшие возможности классификации признаков специального субъекта преступления напрямую связаны с положениями ролевой теории. Признание ее в качестве основы криминологического-правового подхода предоставляет возможность классифицировать указанные признаки с учетом критериев, выделяемых социологами. В частности, как уже было отмечено, Р. Мертон выделяет приобретенные и прирожденные статусы. Среди уголовно-значимых статусно-ролевых характеристик также можно обнаружить примеры и того, и другого вида, причем абсолютное большинство относятся к группе приобретенных – например, должностное положение, профессиональная деятельность, наличие судимости. Примерами прирожденного статуса являются, пожалуй, только лишь статусы, связанные с половой принадлежностью субъектов – статусы мужчины и женщины.

Как мы уже упоминали, другой социолог, представляющий направление символического интеракционизма, – Т. Шибутани различал социальные роли по степени их формализации, связывая этот показатель со значимостью

¹ См., например: *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 342; *Дагель П.С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 22–25; *Захарчук С.И.* Указ. соч. С. 4.

² См., например: *Кедрин А.* Закончено следствие по факту аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/27/reg-sibfo/ges-anons.html> (дата обращения: 01.02.2016); *Авария на Саяно-Шушенской ГЭС.* URL: http://www.nikitinskiy.ru/blog/avaria_na_sayano_shushenskoi_ges/2009-08-20-27 (дата обращения: 25.06.2015); *Пожар в ночном клубе «Хромая лошадь».* Хроника событий. URL: <http://prm.ru/perm/42659/> (дата обращения: 25.06.2015); *Потапова Ю.* Обвиняемые по делу шахты «Ульяновская» признали вину частично. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/13/reg-sibfo/otnosheniye-anons.html> (дата обращения: 01.02.2016); *Затонул теплоход «Булгария».* URL: <http://www.gazeta.ru/news/seealso/1918221.shtml> (дата обращения: 25.06.2015).

личностных особенностей ее носителя: чем более роль формализована, тем более безличной она является. С учетом этого критерия ученый выделял высокоформализованные и низкоформализованные роли.

Очевидно, что приобретенные статусы характеризуются более высокой степенью формализации ролевых требований, нежели прирожденные статусы, а, значит, их выполнение связано с наименьшим привлечением личностных качеств индивида. Так или иначе, «всякое человеческое действие, всякий его поступок сам является уже единством внутреннего и внешнего»¹.

Важно, что степень формализации ролевых требований напрямую влияет на возможность социального контроля над поведением субъекта, а также прогнозирования этого поведения².

Так, к примеру, наличие у субъекта социального статуса «мать (отец) несовершеннолетнего» предполагает его осведомленность о возложенных на него в связи с этим обязанностях по воспитанию и (или) содержанию несовершеннолетних, вытекающих из самой природой семейных отношений, а также прямых указаний закона.

В частности, согласно Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 ноября 1989 г., «родители или в соответствующих случаях законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы» (ч. 2 ст. 18)³.

Обязанности по воспитанию и взаимной заботе членов семьи закреплены в ст. 38 Конституции Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации, «родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей»

¹ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 153–154.

² Шибутани Т., Указ. соч. С. 87.

³ Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

(ч. 1 ст. 63)¹. Семейный кодекс Российской Федерации также устанавливает обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей (ст. 80) и обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей (ст. 87).

Социальный контроль поведения родителей в данном случае предполагает реакцию общества и государства в лице специальных структур на каждый акт несоответствия их поведения нормативно закрепленным ролевым требованиям. В свою очередь само по себе содержание ролевых требований позволяет спрогнозировать круг возможных действий (бездействия), их нарушающих. Так, в основе совершения ряда преступлений против несовершеннолетних, согласно исследованиям, лежит «пьянство родителей и в основном матерей»², «антиобщественный образ жизни членов семьи, проявляющийся не только в злоупотреблении алкоголем или потреблении наркотиков, но и в совершении аморальных поступков, других правонарушений и преступлений»³. Анализ материалов судебной практики подтверждает этот вывод⁴. Так, ведущей асоциальный образ жизни, выражающийся в отсутствии места работы и алкоголизме, У. вменялось совершение преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. Как следует из обвинительного приговора суда, подсудимая У., «...достоверно зная об обязанности обеспечивать своего малолетнего сына продуктами питания, умышленно не делала этого, в

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. 27 января.

² Строчков А.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 147.

³ Борбат А.В. Неисполнение обязанности по воспитанию детей как элемент антиобщественного образа жизни // Российский следователь. 2014. № 22. С. 35-38.

⁴ См.: Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2011 г. по делу № 84-О11-19. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123315 (дата обращения: 10.02.2016); Приговор Артинского районного суда Свердловской области от 23 ноября 2012 г. по делу № 1-126/2012. URL: <http://artinsky.svd.sudrf.ru> (дата обращения: 14.05.2014); Приговор Каменского районного суда Свердловской области от 6 октября 2010 г. по делу № 1-192-2010. URL: <http://kamensky.svd.sudrf.ru> (дата обращения: 10.02.2016); Приговор Центрального районного суда г. Читы от 7 ноября 2011 г. по делу № 11-42-2011. URL: <http://centr.cht.sudrf.ru> (дата обращения: 14.05.2014).

результате чего ее малолетний сын не получал необходимые для детского организма продукты питания и витамины, в результате чего малолетний У.А. испытывал чувство голода, отставал от сверстников по своему физическому развитию, вынужден был просить продукты питания у посторонних лиц». В результате невыполнения У. обязанностей по духовному воспитанию у малолетнего У.А. частично отсутствуют навыки и умения разговорной речи, необходимые в его возрасте, плохо развита разговорная речь¹.

Таким образом, уровень формализации ролевых требований, вытекающих из конкретного социального статуса, напрямую влияет на возможности социального контроля и прогнозирования поведения носителя социального статуса, в том числе криминального поведения.

Продолжая классификацию социальных статусов и ролей, следует отметить, что в социологической науке социальные роли различаются в зависимости от положения статуса индивида в принятой социальной иерархии статусов: чем более высоким он является, тем более важной признается вытекающая из него роль². При этом место статуса в социальной иерархии тесно связано с понятием «престиж»: «...различные роли оцениваются с позиции их относительной важности, и существуют правила о том, как обращаться к людям, занимающим различные позиции»³. Более того, часто отношение к человеку определяется именно тем положением, которое он занимает, «...совершенно независимо от его личных качеств»⁴.

В основе иерархии статусов могут лежать такие критерии, как «...род занятий, размер дохода, происхождение, этническая принадлежность, интеллектуальные достижения...»⁵.

¹ См.: *Архив* Свердловского районного суда г. Перми за 2013 г. Уголовное дело № 1-362/2013.

² *Шибутани Т.* Указ. соч. С. 55.

³ *Там же.* С. 54.

⁴ *Там же.* С. 185.

⁵ *Там же.* С. 185.

Криминологической проекцией классификации статусно-ролевого положения в зависимости от места в иерархии статусов является различие их по степени криминогенности, поскольку занятие некоторых уголовно-значимых статусов сопряжено с приобретением доступа к властно-материальным ресурсам и различного рода юридических гарантий, что повышает общественную опасность совершаемых деяний и деятелей. Отсюда критерием построения иерархии уголовно-значимых социальных статусов следует избрать законодательную оценку общественной опасности преступлений, совершаемых субъектом в рамках ролевой деятельности. Анализ санкций уголовно-правовых норм показывает, что, по мнению законодателя, наибольшую общественную опасность представляют преступления, совершаемые путем использования субъектом социального статуса в сфере служебной деятельности, поскольку в качестве основных наказаний за них чаще всего предусмотрено лишение свободы на определенный срок (80,4%).

Вместе с тем, законодатель различает преступления, совершенные в рамках отправления служебной деятельности в государственных структурах и в сфере службы в негосударственных структурах, посвящая им соответственно главы 30 и 23 УК РФ 1996 г. В рамках продолжающейся научной дискуссии о соотношении указанных видов преступлений, в первую очередь, следует обратить внимание на специфику их родового объекта. Последний в законе обозначен как «интересы службы», а в науке понимается как «обеспечение нормального (соответствующего законодательству) функционирования различных организаций, где бы она (служба. – Ю.К.) не осуществлялась»¹.

Вследствие этого в науке существуют две полярные точки зрения: согласно первой, разделяемой большинством авторов, общим термином «служебные преступления» обозначаются деяния против интересов и

¹ Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях. СПб., 2006. С. 31.

государственной, и негосударственной службы¹. П. С. Яни вместо указанного термина использует понятие должностных преступлений². В соответствии со второй служебные и должностные преступления, закрепленные, соответственно, в главах 23 и 30 УК РФ, рассматриваются как отдельные, не совпадающие виды преступлений³. Сторонники этой точки зрения апеллируют, в основном, к специфике их видового объекта – интересам государственной и негосударственной службы, признавая его решающим критерием разграничения.

Так, будучи помещенными в главу 23 раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», служебные преступления посягают на «экономику... как совокупность производственных (экономических) отношений по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ»⁴. «В конечном счете, – как отмечает Ю. И. Ляпунов, – составы преступлений, объединенные в разделе VIII УК РФ, посягают на разнообразные экономические интересы российского государства...»⁵.

Должностные преступления, помещенные в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти», посягают на общественные отношения, «обеспечивающие стабильность и нормальное функционирование государственной власти в целом, а также ее отдельных институтов и органов»⁶.

Специфика объектов служебных и должностных преступлений отражается как на самой деятельности – службе в негосударственных и

¹ См., например: *Волженкин Б.В.* Служебные преступления. М., 2000. С. 135–137; *Аснис А.Я.* Уголовная ответственность за служебные преступления в России. М., 2004. С. 47; *Безверхов А.Г.* Служебные правонарушения (тенденции развития норм) // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 26–30; *Буравлев Ю.М.* Особенности уголовной ответственности государственных служащих // Российский следователь. 2008. № 18. С. 12–14.

² *Яни П.С.* Экономические и служебные преступления. М., 1997. С. 27.

³ См., например: *Фокин М.С., Немцев М.Ю.* К вопросу о разграничении служебных и должностных преступлений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3. С. 149–152.

⁴ *Волженкин Б.В.* Экономические преступления. СПб., 1999. С. 52.

⁵ *Уголовное право: Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева.* М., 1999. С. 157.

⁶ *Уголовное право России: Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского.* М., 2010. С. 752.

государственных структурах, – так и на статусе лиц, осуществляющих эту деятельность. Очевидно, что должностной и служебный статусы в социальной иерархии статусов занимают разное положение. В частности, связывая вслед за Б. В. Здравомысловым и Б. В. Волженкиным суть интересов государственной службы с задачами публичного управления, стоящими перед органами государственной и муниципальной власти, С.М. Зубарев констатирует публичный характер интересов службы в любой социальной структуре¹. При этом автор не учитывает, что публичность выражается не только в соответствии «системы управления... прогрессивным целям общественного развития»², но и в распространении властного воздействия на «определенные территории социума» и реализации его «государственными и муниципальными органами власти... от имени всего народа или местного населения»³.

Таким образом, публичный характер деятельности проявляется, прежде всего, в элементе властвования, за счет которого «подвластный становится в ситуацию выбора между обладанием или доступом к материальным и духовным ценностям и риском их потери, если его поведение не соответствует воле властвующего»⁴.

Суть интересов службы в коммерческих или иных организациях сводится к «надлежащему исполнению их служащими своих трудовых функций, обеспечивающих реализацию установленных нормативными правовыми актами и учредительными документами общественно полезных целей и задач организации»⁵.

Частный характер интересов службы в указанных негосударственных структурах проявляется в том, что они предстают как интересы, реализация и

¹ Зубарев С.М. Интересы службы как объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2003. № 4. С. 26–27.

² Там же. С. 26-27.

³ Изосимов С.В. К вопросу о разграничении понятия должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной (некоммерческой) организации // Юрист. 1999. № 7. С. 21–23.

⁴ Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия. Критика социологии. Москва–Ростов, 1983. С. 155.

⁵ Зубарев С.М. Указ. соч. С. 26–27.

удовлетворение которых происходит в рамках рыночных гражданско-правовых отношений, основанных на принципах равенства сторон, свободы договора и осуществления предпринимательской деятельности на свой страх и риск.

Напротив, публичный интерес реализуется во властеотношениях, т. е. отношениях вертикального характера, в которых одна сторона уполномочена требовать, а другая обязана выполнять это требование под страхом ответственности. На властеотношения, характерные для государственной и муниципальной службы, указывали многие исследователи проблемы служебных и должностных преступлений, признавая их критерием разграничения указанных видов деяний¹.

Следуя логике рассуждений Э. В. Талапиной² и В. Д. Мазаева³, исследовавших институт государственной собственности в России, отметим, что принципиальная разница между частными и публичными интересами службы заключается в том, что интересы негосударственной службы (частные интересы) реализуются так, чтобы не навредить интересам общества, а интересы государственной службы (публичные интересы) – непосредственно в интересах общества.

Общественная опасность лиц со служебным или должностным статусом обусловлена, в частности, возможностью воздействия на поведение окружающих лиц. Так, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, оказывают управленческое воздействие на граждан, которое, как правило, имеет локальный характер, т. е. ограничено пределами определенной организации⁴, а также предполагает личную

¹ См., например: *Изосимов С.В.* Указ. соч. С. 21–23; *Безверхов А.Г.* Должностные (служебные) преступления и проступки: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1995. С. 99–100.

² *Талапина Э.В.* Управление государственной собственностью. СПб., 2002. С. 68.

³ *Мазаев В.Д.* Публичная собственность в России. Конституционные основы. М., 2004. С. 66, 78.

⁴ Хотя А.В. Шнитенков указывает на деятельность Сбербанка РФ в качестве примера выхода управленческих полномочий лица за пределы организации и распространения на других граждан, не связанных с организацией трудовым договором (*Шнитенков А.В.* Указ. соч. С. 37).

заинтересованность управленцев в грамотном распоряжении материальными и нематериальными ресурсами организации.

Что касается должностного статуса, то в теории исследователи указывают на уязвимость «любой охраняемой уголовным законом сферы социальной действительности», которая может пострадать «от преступных действий должностного лица, совершаемых в рамках специфических для него форм»¹.

Действительно, в силу специфики публичной службы субъект полномочен управлять и распоряжаться ресурсами, не находящимися в личном праве собственности кого-либо, а составляющими государственный сектор. В огромной стране с промышленным наследием и природно-сырьевыми перспективами в очень короткие сроки можно поддаться искушению использовать преимущества нахождения на государственной должности в личных целях. Поэтому вполне резонным выглядит заключение о презумпции повышенной общественной опасности должностных преступлений и их субъектов относительно любых деяний, предусмотренных УК РФ, и лиц, их совершающих.

Кроме того, преступления лиц, находящихся на государственной службе, связываются с «высоким уровнем общественной опасности, соединенным с тяжкими последствиями, а нередко – со значительным материальным ущербом, который чаще всего в полной мере не возмещается, особым объектом посягательства, преимущественно умышленной формой вины, высоким уровнем латентности»². Доступ к властно-материальным ресурсам, наличие ряда юридических гарантий, в том числе гарантий неприкосновенности выступают «своеобразными правовыми индульгенциями»³. Наличие указанных гарантий неприкосновенности и безопасности, установленных в отношении данной категории лиц, связано с «выполнением субъектами специфических

¹ Басова Т. Уголовно-правовая дефиниция «представитель власти» // Уголовное право. 2005. № 3. С. 8–10.

² Буравлев Ю.М. Указ. соч. С. 12–14.

³ Клейменов М.П., Иванов Е.С. Все ли равны перед законом и судом? // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3. С. 3-4.

функций в межгосударственных, государственных и общественных отношениях» и нацелено «... прежде всего, на защиту публичных интересов»¹. Речь идет об особом порядке судопроизводства по уголовным делам, который актуален для лиц, занимающих государственные должности². При этом содержание указанных гарантий не ограничивается применением особого порядка производства по уголовным и административным делам, но включает также иные меры правового и социального характера в отношении должностного лица и его близких.

Усложненный характер привлечения к ответственности за нарушение закона является характеристикой конкретной жизненной ситуации, в которой совершается преступление. На наш взгляд, указанное обстоятельство следует рассматривать как еще одно преимущество, следующее из должностного статуса субъекта и способное укрепить решимость совершить преступление. С целью создания объективной фактической картины следует привести результаты социологического исследования, в рамках которого 46% судей районных судов г. Перми согласились с указанным утверждением и такое же количество судей дали отрицательный ответ.

Вместе с тем среди субъектов, обладающих должностным положением, законодатель особо выделяет лиц с «особым правовым статусом», связывая его с исполнением «конституционно значимых функций»³. Оценивая совершаемые

¹ Цараев А.А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 54.

² Об утверждении статистического отчета «Сведения о деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по противодействию коррупции»: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 28 марта 2011 г. № 41. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2016).

³ См., например: По запросу Смольнинского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности части 2 статьи 20 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 3 постановления Правительства Российской Федерации «Об установлении окладов месячного денежного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1249-О. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 14 статьи 15 Федерального закона

этими субъектами деяния как наиболее общественно опасные, законодатель к их числу относит лиц, занимающих государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, главу органа местного самоуправления, иностранное должностное лицо, должностное лицо публичной международной организации. Ответственность за преступные действия этих субъектов установлена квалифицированными и особо квалифицированными нормами Особенной части УК РФ.

Таким образом, считаем целесообразным различать служебные и должностные преступления не только по критерию разнородности объектов посягательств, но и по неодинаковому положению служебного и должностного статусов в сложившейся иерархии статусов и, в конечном счете, – по критерию общественной опасности как преступлений, так и деятелей. В этой связи квалифицирующий признак «совершение преступления с использованием служебного положения» следует уточнить. Поскольку каждое такое деяние представляет собой частный случай злоупотребления должностными или служебными полномочиями, вытекающими из социального статуса (роли) субъекта, и так же направлено против интересов службы, как и преступления, помещенные в главы 23 и 30 УК РФ, необходимо адекватно оценивать их реальную общественную опасность. С указанными целями необходимо уточнить формулировку признака следующим образом: «лицом с использованием должностного или служебного положения».

Основными выводами, которые можно сделать из материалов данного параграфа, являются следующие положения:

1. С криминологико-правовой точки зрения специальный субъект преступления – это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного

«О статусе военнослужащих» в связи с жалобами граждан А.Н. Хмары и В.Н. Шума: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2012 г. № 3-П // Российская газета. 2012. 16 марта; *По жалобе* гражданки Терехиной Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью 4 статьи 31, пунктом 6 части 1 статьи 33 и статьей 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1275-О. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

законом возраста уголовной ответственности и совершившее преступление путем использования своего социального статуса или роли.

Специальный признак субъекта преступления – это закрепленное в уголовно-правовой норме описание его социального статуса или роли.

Преступление со специальным субъектом – это преступление, совершенное путем противоправного использования субъектом социального статуса или невыполнения (ненадлежащего выполнения) социальной роли вопреки установленным правилам поведения, в том числе, нормативного характера.

2. Критерием классификации уголовно значимых социальных статусов и ролей выступает сфера, в которой осуществляются однотипные взаимодействия индивидов и в которых статус приобретает криминогенное значение. Выбор критерия обусловлен самой природой социального статуса и социальной роли, имеющих значение только в рамках реального взаимодействия субъекта с другими членами общества.

С учетом данного критерия классификация статусно-ролевых признаков специального субъекта преступления выглядит следующим образом:

- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере взаимоотношений с потерпевшим;
- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере осуществления служебной деятельности;
- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта, не обладающего должностными полномочиями, в сфере судопроизводства, включая исполнение наказания;
- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в профессиональной сфере или в связи с родом деятельности;
- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в связи с противоправной деятельностью.

В то же время классифицировать уголовно значимые социальные статусы можно по таким основаниям, как возможность приобретения статуса

(прирожденные и приобретенные); степень формализации (высоко- и низкоформализованные); место в социальной иерархии статусов («престиж»); степень криминогенности статуса.

3. Служебные и должностные преступления различаются не только по критерию разнородности объектов посягательств, но и по неодинаковому положению служебного и должностного статусов в сложившейся иерархии статусов и, в конечном счете, по критерию общественной опасности преступлений и их субъектов. С учетом сложившейся иерархии уголовно значимых статусов в сфере государственной и негосударственной службы квалифицирующий признак «совершение преступления с использованием служебного положения» следует уточнить. Поскольку каждое такое деяние представляет собой частный случай злоупотребления должностными или служебными полномочиями, следующими из социального статуса и роли субъекта, и так же направлено против интересов службы, как и преступления, помещенные в главы 23 и 30 УК РФ, необходимо адекватно оценивать их реальную общественную опасность. Именно поэтому необходимо уточнить формулировку признака следующим образом: «лицом с использованием должностного или служебного положения».

§3. Уголовно-правовое значение статусно-ролевых характеристик специального субъекта преступления

То обстоятельство, что в рамках криминолого-правового подхода институт специального субъекта преступления рассматривается с привлечением социологической статусно-ролевой теории, не свидетельствует о пренебрежении уголовно-правовой составляющей указанного института. В совокупности с положениями ролевой теории выводы об уголовно-правовом значении данного института способствуют более полному пониманию его природы.

Анализ уголовно-правовых норм, закрепляющих те или иные статусно-ролевые признаки специального субъекта преступления, позволяет прийти к выводу, что функциональное значение этих норм различается.

По поводу указанных функций в науке высказаны различные мнения: так, наличие ограничительной функции отмечали П. С. Дагель¹, В. В. Устименко², А. Н. Трайнин³, В. В. Голубев⁴, Н. С. Лейкина⁵. Наличие функции определения оснований уголовной ответственности (конструктивная функция) утверждали В. Н. Кудрявцев⁶, С. А. Семенов⁷, Б. В. Волженкин⁸, Т. Г. Макарова⁹. Возражения относительно выделения ограничительной функции высказаны Э. А. Бачуриным, предложившим рассматривать в качестве функций специального субъекта идентификационную (информационную) и функцию установления и дифференциации уголовной ответственности¹⁰.

В частности, функция определения оснований уголовной ответственности связана с включением специальных признаков субъекта в состав деяния в качестве конструктивных, т.е. таких, отсутствие которых «свидетельствует об отсутствии данного преступления вообще»¹¹. Выступая признаками субъекта как элемента состава деяния, эти признаки направлены на решение задач квалификации преступления – например, лицо, больное венерическим заболеванием (ст. 121 УК РФ), лицо, обязанное оказывать помощь больному (ст. 124 УК РФ), должностное лицо (ст. ст. 140, 285, 286, 290 УК РФ) и др. Следует отметить, что научное исследование института специального субъекта

¹ Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 90.

² Устименко В.В. Указ. соч. С. 20-21.

³ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 191,194.

⁴ Голубев В. Указ. соч. С. 7.

⁵ Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 327.

⁶ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 57, 60.

⁷ Семенов С.А. Указ. соч. С. 80-81.

⁸ Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 13.

⁹ Макарова Т.Г. Указ соч. С. 43.

¹⁰ Бачурин Э.А. Указ. соч. С. 103.

¹¹ Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления как элемент основных составов преступлений // Российский следователь. 2007. № 5. С. 36.

преступления первоначально осуществлялось именно в рамках учения о составе преступления.

Данная функция находится в неразрывной связи с идентификационной функцией специального субъекта преступления. Последняя имеет особое значение для процесса квалификации деяния, поскольку в результате сопоставления нормативно закрепленных уголовно-правовых характеристик субъекта с фактическими характеристиками социального статуса и роли подозреваемого (обвиняемого) можно сделать вывод о наличии состава преступления со специальным субъектом в действиях указанного лица.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации действия врача-педиатра Н. переqualificированы со ст. 290 УК РФ на ст. 233 УК РФ на том основании, что, исходя из должностной инструкции врача-педиатра городской больницы и из приказов о полномочиях врача, Н. как рядовой врач-педиатр не обладал ни организационно-распорядительными, ни административно-хозяйственными функциями и поэтому не являлся должностным лицом. Следовательно, он не может рассматриваться как субъект должностного преступления¹.

Выступая в качестве конструктивного признака какого-либо состава преступления, специальный признак субъекта в силу взаимной детерминации элементов состава преступления обязательно отражается на признаках иных элементов того же состава². Это соответствует основным положениям теории систем, исходя из которой «в целостной системе связь между компонентами настолько тесна и органична, что изменение одних из них, тем более существенных, с необходимостью вызывает то или иное изменение других, а

¹ *Определение* Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 06.11.2001 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 1. С. 19.

² Эта позиция разделяется авторами учебника по общей части уголовного права под редакцией А.В. Бриллиантова. В частности, определение специального субъекта преступления сопровождается тезисом о том, что признаки данного субъекта «указывают не только на специфичность самого субъекта преступления, но и всего состава преступления в целом» (*Уголовное право России: части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2009. С. 182*).

нередко и системы в целом»¹. В рамках общенаучного системного подхода состав преступления предстает как «система, т.е. целостное единство множественности (а не просто совокупность)»² и «слагается из ряда взаимосвязанных подсистем и их элементов»³. О наличии неразрывных связей и взаимодействия объективных и субъективных признаков состава преступления писал А. А. Герцензон⁴.

Поскольку элементы состава взаимосвязаны, постольку какая-либо специфическая характеристика одного из них обязательно должна отразиться на признаках других элементов.

В частности, если «субъективная сторона представляет собой своеобразную «модель» объективной стороны состава в психике субъекта»⁵, то в силу взаимообусловленности элементов состава специальный субъект осознает факты преступного использования своего социального статуса или нарушения требований своей социальной роли и причинения вреда конкретным объектам. Этот нюанс имеет значение для характеристики субъективной стороны в составах преступлений со специальным субъектом, интеллектуальный аспект которой расширяется за счет осознания субъектом противоправности нарушения им установленных правил⁶.

В составе преступления со специальным субъектом спецификой обладают также объект и объективная сторона. В частности, анализируя механизм воздействия субъекта на объект посягательства – общественные

¹ *Афанасьев В.* Системность и общество. М., 1980. С. 25.

² *Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении. Общая часть: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой.* М., 2002. С. 172.

³ *Там же.* С. 172.

⁴ *Герцензон А.А.* Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. С. 284.

⁵ *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 171.

⁶ См., например: *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 84; *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980. С. 29; *Кузнецов А.А.* Осознание общественной опасности использования лицом служебного положения при совершении хищений // *Психопедагогика в правоохранительных органах.* 2006. № 1. С. 72-73; *Наумов А.В.* Указ. соч. С. 210; *Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении. Общая часть: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой.* М., 2002. С. 308; *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право: Общая часть: конспекты лекций и иные материалы. Краснодар, 1999. С. 152.

отношения, В. Н. Кудрявцев приходит к выводу, что в силу специфики некоторых объектов уголовно-правовой охраны – сфер общественной жизни, только действиями их участников могут быть вызваны преступные последствия в указанных сферах¹.

Действительно, преступления со специальным субъектом – это деяния, в которых сама возможность посягательства на объект уголовно-правовой охраны обусловлена наличием соответствующих прав и обязанностей субъекта преступления, при этом содержание последних предопределяется характеристиками этого объекта. В двуобъектных преступлениях спецификой обладает либо основной, либо дополнительный объект.

Так, врач-гинеколог Юрченко обвинялся в причинении смерти Р. вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ч.2 ст. 109 УК РФ), поскольку во время проведения Юрченко гистероскопии наступила смерть оперируемой Р. Суд в оправдательном приговоре указал, что под ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей понимается совершение действий, которые полностью или частично не отвечают официальным требованиям, предписаниям, правилам данной профессии, исходящим из закона, других нормативных актов, правил и инструкций, тогда как факт совершения указанных действий Юрченко стороной обвинения не доказан².

В данном случае уголовно-правовой запрет на совершение действий, указанных в ч.2 ст. 109 УК РФ, установлен в целях охраны жизни человека. Жизнь, здоровье человека – это такие объекты, возможность посягательства на которые не зависит от правового положения субъекта преступления. Дополнительным объектом выступает порядок осуществления медицинской, врачебной деятельности. В то же время дополнительным объектом «считаются отношения, которые в данной норме защищаются лишь попутно, т.к. они

¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 149.

² См.: *Архив* Левобережного районного суда г. Воронежа. Уголовное дело в отношении Юрченко. URL: <http://levoberezhny.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 21.05.2013).

неизбежно нарушаются при посягательстве на основной непосредственный объект»¹.

Несмотря на отсутствие у основного объекта посягательства специфики другие элементы состава – субъект и объективная сторона – являются специальными в том смысле, что их характеристики имеют отдельное нормативное закрепление и вытекают из содержания должностных инструкций, штатных расписаний и иных нормативных актов. Именно профессиональный статус субъекта преступления, в силу которого он способен специфическим образом причинить вред жизни человека, вызывает необходимость в охране еще и регламентированного порядка его реализации. Иными словами, поскольку причинение вреда основному объекту опосредовано уголовно значимым статусом субъекта, постольку в поле уголовно-правовой охраны включается нормативно установленный порядок реализации этого статуса.

Таким образом, будучи закрепленным в качестве конструктивного признака состава, специальный признак субъекта позволяет решать задачи квалификации преступлений. Как отмечает В. К. Глистин, «субъектный состав отношений приобретает правовое значение: а) для конкретизации круга охраняемых нормой права отношений; б) для уяснения содержания отношений, поскольку социальные функции (социальный статус) лица указывают на сферу возможных или реальных связей и их характер»².

Вследствие этого вывод о совершении преступления специальным субъектом должен основываться на анализе признаков всех элементов состава, а не только на констатации дополнительных признаков субъекта, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. В приведенном выше примере характер последствия – смерть Р., обстановка совершения деяния – во время проведения операции, наличие профессионального статуса у Юрченко – врач-гинеколог свидетельствуют, на первый взгляд, о наличии признаков состава

¹ Наумов А.В. Указ. соч. С. 151.

² Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. С. 34.

преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Вместе с тем вывод суда основан на сопоставлении совершенных Юрченко действий и положений его должностной инструкции.

Наконец, специальные признаки субъекта выполняют функцию дифференциации ответственности за совершение преступления. В теории сущность последней связывается с «...достижением максимального учета при закреплении уголовно-правовых норм, дифференцирующих уголовную ответственность, степени и характера общественной опасности преступлений, определенных характеристик личности виновного...»¹.

Исходя из изложенного и учитывая отдельные положения учения о составе преступления, можно сделать вывод о том, что преступление со специальным субъектом в целом характеризуется повышенной степенью общественной опасности. Исключением, соответственно, выступает деяние, запрещенное нормой ст. 106 УК РФ. Рассуждения при этом строятся следующим образом. Признавая состав преступления в качестве системы, а его элементы – в качестве взаимосвязанных и взаимообусловленных ее частей, можно прийти к выводу о том, что в преступлении со специальным субъектом каждому из элементов состава свойственна определенная специфика², за счет чего происходит повышение его общественной опасности.

Приведенная позиция не противоречит существующей в теории точке зрения, согласно которой круг элементов деяния, определяющих его общественную опасность, ограничен объектом и объективной стороной³. В частности, Л.М. Прокументов, раскрывая теорию криминализации и декриминализации деяний и поддерживая мнение о материальной сущности

¹ *Рогова Е.В.* Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30-32.

² Вопрос о взаимодействии элементов состава преступления со специальным субъектом подробно рассмотрен на страницах 40-41 исследования.

³ См., например: *Землюков С.В.* Виды и способы измерения общественной опасности деяния // Вестник Алтайского государственного университета. 1999. № 2. С. 61-70; *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 66; *Карпец И.И.* Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 103.

правонарушений, указывает, что «общественная опасность деяния определяется только внешним его выражением... Субъект и субъективная сторона не являются определяющими элементами его общественной опасности»¹. Вина и субъект преступления, по мысли ученого, выступают только обязательными условиями привлечения к уголовной ответственности. При этом повышение общественной опасности преступлений со специальным субъектом ученый связывает с «удвоением» объекта посягательства, когда «посягательство нарушает две или более группы общественных отношений»².

При этом, учитывая общенаучный системный подход к определению взаимосвязи элементов состава преступления и объективно-субъективную природу преступного деяния, данную позицию следует дополнить указанием на влияние субъективных признаков деяния на показатель его общественной опасности.

Для обоснования нашей позиции можно привести следующие аргументы: отождествление общественной опасности деяния с его вредоносностью, характерное для сторонников материальной сущности преступления, ставит вопрос об основаниях уголовно-правового снисхождения к неосторожным преступлениям, последствия совершения которых зачастую являются более масштабными и тяжкими по сравнению с вредом от умышленных деяний (например, ст. 215 УК РФ «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики»).

Очевидно, что установление менее суровых мер ответственности за неосторожные преступления объясняется не столько характеристиками причиненного вреда, сколько соответствием законодательной оценки деяния принятой социальной шкале ценностей, которая предусматривает извинительное отношение к преступной небрежности и легкомыслию.

¹ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 26-28.

² Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 81-91.

Следовательно, общественная опасность деяния, выражаемая преимущественно в содержании санкции нормы Особенной части, не ограничивается лишь объективными характеристиками преступления.

Кроме того, природа уголовно-правового посягательства заключается не только в объективной его способности причинить вред охраняемым уголовным законом социальным ценностям, но и в нормативном признании этой способности законодателем, т.е. криминализации деяния: в этом заключается субъективность природы преступления. Взаимосвязь означенных аспектов признает Л. М. Прокументов, когда говорит о том, что «общественная опасность – это динамичное по своему содержанию понятие, имеющее характерные особенности применительно к конкретному периоду развития общества»¹.

При установлении зависимости общественной опасности деяния от свойств объекта, понимаемого как уголовно-охраняемые общественные отношения, не учитывается, что в структуру последних включены субъекты, нормативно урегулированное взаимодействие которых и является тем, ради охраны чего действует уголовно-правовой запрет. В свою очередь, выход субъектами за нормативно установленные рамки отношений образует объективную сторону деяния.

Таким образом, поскольку характер общественных отношений определяется спецификой их структурных элементов, постольку при его раскрытии необходимо учитывать особенности взаимодействующих субъектов. В тех случаях, когда взаимодействие урегулировано специально, а нарушение его возможно лишь в силу обладания соответствующими возможностями, налицо несостоятельность суждения о зависимости общественной опасности деяния только от его объекта и объективной стороны.

Значение признаков субъекта для характеристик общественной опасности преступления также признает Л. М. Прокументов, рассматривая

¹ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 24.

антикоррупционные возможности национального законодательства Российской Федерации. В частности, ученый отмечает, что «важным аспектом реализации международно-правовых норм в национальном законодательстве является четкое воплощение идеи дифференциации ответственности не по размеру взятки, а именно по субъекту преступления»¹. Безусловно, что установление оснований привлечения к ответственности и конкретных ее мер (противоправность и наказуемость) является «формой выражения общественной опасности преступления»².

Таким образом, мы полагаем, что вывод об общественной опасности деяния строится с учетом характеристик как объективных, так и субъективных элементов его состава, в том числе с учетом признаков субъекта преступления. Следует отметить, что поддерживаемая нами точка зрения на зависимость общественной опасности деяния от характеристик всех элементов состава для науки уголовного права не нова и имеет своих сторонников. В частности, согласно позиции А. И. Марцева, «общественная опасность преступления складывается из всех элементов деяния» и «в значительной мере определяется личностью правонарушителя»³. Среди других ученых, разделявших указанную позицию, следует назвать, например, В. С. Прохорова⁴, Н. Ф. Кузнецову. Последняя, тем не менее, уточняла, что «ведущими и определяющими для общественной опасности всей совокупности преступлений являются объективные признаки деяния – объект и последствия...»⁵.

Учитывая вывод о повышенной общественной опасности специального субъекта преступления, а, значит, и совершенного им деяния и принимая во внимание, что специальные признаки субъекта одновременно выступают и статусно-ролевыми характеристиками социально-демографической подсистемы

¹ *Прозументов Л.М.* Указ. соч. С. 74.

² *Горбуза А.Д., Сухарев Е.А.* Указ. соч. С. 10-22.

³ *Марцев А.И.* Преступление: сущность и содержание: учебное пособие. Омск, 1986. С. 18.

⁴ *Прохоров В.С.* Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 61.

⁵ *Кузнецова Н.Ф.* Избранные труды. СПб., 2003. С. 430.

его личности, санкции соответствующих норм Особенной части УК РФ должны отражать более суровый подход законодателя к установлению мер ответственности. В основе законодательной оценки опасности действий специального субъекта преступления, как нам представляется, должно лежать универсальное правило: «конкретная мера той ответственности, которую в каждом частном случае несет за свои поступки человек, зависит от конкретных условий – от тех реальных возможностей, которые ход жизни предоставил человеку для того, чтобы сознательно отнестись к последствиям своих поступков и самоопределиться по отношению к ним. В зависимости от этих условий с людей по-разному спрашивается за их поступки, и они по-разному несут ответственность за них»¹.

Функция дифференциации ответственности выражается не только в установлении различных мер ответственности за преступления со специальным и неспециальным субъектами, но и в делении составов преступлений со специальным субъектом на простые, квалифицированные и особо квалифицированные. В силу этого некоторыми учеными наряду со специальным субъектом выделялся конкретный, или конкретно-специальный субъект преступления². Этому соответствует высказанное в теории предложение об установлении более строгих мер ответственности для лиц, находящихся в родственных отношениях с несовершеннолетним потерпевшим и совершивших преступления против его половой свободы и неприкосновенности³.

Учитывая изложенное, можно предположить, что для специальных признаков субъекта преступления в равной степени характерно выполнение каждой из указанных функций – функции определения оснований уголовной ответственности; функции ограничения круга лиц, способных совершить

¹ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 286.

² См., например: Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 329; Орлов В.С. Указ. соч. С. 178-179; Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 59.

³ Готчина Л. О квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних со специальным субъектом // Уголовное право. 2014. № 5. С. 42-43.

конкретное преступление и подлежащих за это ответственности; функции дифференциации ответственности в зависимости от содержания конкретного признака. В связи с выполнением указанных функций можно говорить об уголовно-правовом и криминологическом значении института специального субъекта преступления. При этом к функциям, обуславливающим уголовно-правовое значение, следует отнести функции определения оснований уголовной ответственности и ее дифференциации. В свою очередь криминологическое значение связано, в частности, с ограничительной функцией, позволяющей определить место специальных признаков субъекта преступления в механизме совершения преступления.

Что же касается идентификационной функции, то выделение ее в качестве самостоятельной представляется излишним, поскольку в каждом случае установления ответственности за преступление со специальным субъектом подразумевается возможность и необходимость установления соответствия субъекта преступления законодательному описанию.

Функция ограничения круга лиц, способных совершить конкретное преступление и подлежащих за это ответственности, реализуется за счет того, что «эти лица вследствие занимаемого положения могут совершить такие преступления, которые не могут быть совершены другими лицами»¹. Выделенная в качестве самостоятельной, указанная функция раскрывает механизм совершения преступления со специальным субъектом.

На наш взгляд, наиболее убедительно о реализации этой функции в преступлениях со специальным субъектом свидетельствуют выводы В.Н. Кудрявцева, сделанные при рассмотрении им механизма воздействия субъекта на объект посягательства – общественные отношения. Так, ученый выделил следующие три способа:

- лицо исключает или пытается исключить себя из числа участников общественного отношения;

¹ Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 330.

- лицо не совершает тех действий, которые являются общественно необходимыми;
- лицо видоизменяет содержание общественного отношения, пытаясь придать ему не свойственный правопорядку характер¹.

В каждом из указанных способов лицо обязательно должно выступать участником определенных общественных отношений посредством реализации возложенных на него прав и обязанностей, соответствующих характеру этих отношений. Поэтому, в силу специфики некоторых объектов уголовно-правовой охраны – сфер общественной жизни только действиями их участников могут быть вызваны преступные последствия в указанных сферах.

Таким образом, функции специальных признаков субъекта преступления позволяют связывать уголовно-правовое значение рассматриваемого института, во-первых, с установлением оснований уголовной ответственности, а, во-вторых – с дифференциацией ответственности. При этом ст. 60 УК РФ обязывает суд при назначении наказания учитывать личность осужденного и некоторые другие обстоятельства, тем самым предоставляя возможность для индивидуализации уголовно-правового воздействия. Личность преступника входит в предмет криминологического изучения и является своеобразной социальной проекцией субъекта преступления. В качестве одного из структурных элементов личности преступника выступает социально-демографическая сфера, включающая, в том числе, характеристики положения личности в обществе – его статус и роль. Именно поэтому статусно-ролевые признаки одновременно учитываются законодателем при дифференциации ответственности и правоприменителем – при индивидуализации наказания.

Поскольку вопросу об учете личности преступника при назначении наказания посвящена следующая часть исследования, ограничимся обозначенными тезисами.

¹ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 149.

Основным выводом данного параграфа является следующее положение: уголовно-правовое значение статусно-ролевых признаков субъекта преступления выражается в их функциях, к которым относятся: ограничительная, функция определения оснований уголовной ответственности (конструктивная), функции дифференциации уголовной ответственности и ее индивидуализации.

ГЛАВА 2. КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ О СПЕЦИАЛЬНОМ СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§1. Уголовная ответственность лиц с должностным и служебным социальными статусами

В рамках дифференциации ответственности в уголовно-правовых нормах законодатель выделяет круг специальных субъектов, чье статусно-ролевое положение связано с управленческими, организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями. Осуществление указанными субъектами служебной деятельности в государственном и негосударственном секторе обуславливает их различие по объекту посягательств или по «...социальной сущности деяний»¹.

Как показывает практика, преступления, совершенные в связи с должностным или служебным социальными статусами, характеризуются высокой степенью общественной опасности, однако по указанному показателю не совпадают, о чем подробно было сказано при рассмотрении классификации специальных признаков субъекта преступления в предыдущей главе исследования. При этом последствия, причиняемые указанными деяниями, наступают не только в сфере интересов службы, но и в иных, охраняемых уголовным законом, сферах. В частности, по предварительным данным ущерб от деятельности по незаконной рубке леса преступного сообщества, организованного чиновником правительства Хабаровского края А. Липским, составил 2,5 млн. рублей²; в растрате более 1 млрд. рублей, выделенных на строительство Приморского океанариума, обвиняется директор федерального

¹ *Егорова Н.* Субъект преступлений против интересов службы // *Законность.* 1998. № 4. С. 8-12.

² *Иванов А., Щербаков Д.* Лес рубили из кабинета. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2432675> (дата обращения: 25.06.2015).

государственного учреждения природопользования А. Поплавский¹; экс-губернатор Сахалинской области А. Хорошавин обвиняется в получении взяток в размере 5,6 млн. долларов, 15 млн. рублей²; при получении взятки в размере 400 тыс. евро задержан губернатор Кировской области Н. Белых³ и т.д.

Более того, будучи взаимосвязанными, действия служебных и должностных преступников приводят к причинению тяжких последствий. Так, в результате действий руководителей общества с ограниченной ответственностью «НТ-Фарма» и мэра г. Переславль-Залесский было растрчено более 1 млрд. рублей, предназначенных для строительства фармацевтического завода, а также передан в частную собственность земельный участок на территории национального парка⁴. Общественный резонанс приобрело так называемое «трубное дело» в сфере жилищно-коммунального хозяйства г. Санкт-Петербург с участием высокопоставленных лиц и бизнесменов, повлекшее причинение ущерба в размере не менее 2,6 млрд. рублей⁵. Другой пример: уголовное дело возбуждено в отношении руководителей организации-подрядчика и «...неустановленных должностных лиц» в связи с мошенничеством в крупном размере, совершенном при строительстве космодрома «Восточный»⁶.

Лица с должностным или служебным социальными статусами совершают и общеуголовные преступные деяния, выполнение объективной стороны которых не зависит от наличия специальных возможностей, вытекающих из их

¹ *Кривобок Р.* Поплавский не признался в растрате при строительстве океанариума в Приморье. URL: <http://www.gia.ru/incidents/20160614/1446990072.html> (дата обращения: 29.09.2016).

² См.: *Завершено следствие* по делу экс-губернатора Сахалина Хорошавина. URL: <http://vz.ru/news/2016/7/25/823309.html> (дата обращения: 21.08.2016).

³ См.: *Губернатор Кировской области Никита Белых задержан при получении взятки.* URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3023111> (дата обращения: 23.09.2016).

⁴ См.: *СК задержал мэра Переславля-Залесского и руководителей «НТ-Фарма».* URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/11/16/126653-sk-zaderzhal-mera-pereslavlya-zalesskogo-i-rukovoditeley-nt-farma> (дата обращения: 16.11.2016).

⁵ См.: *Маракулин Д.* Из «трубного дела» вытек условный приговор. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3144646> (дата обращения: 25.06.2015).

⁶ См.: *Сафронов И., Сергеев Н.* Дадут по траншее как следует. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3144806> (дата обращения: 25.06.2015).

статуса. Например, в совершении разбоя группой лиц по предварительному сговору обвиняется начальник Центра противодействия экстремизму МВД Республики Ингушетия и семь его подчиненных сотрудников¹.

Действующий уголовный закон, закрепляя составы служебных и должностных преступлений, признает их высокую общественную опасность в содержании санкций, в связи с чем высказано мнение об учете в санкциях уголовно-правовых норм повышенной общественной опасности деяний, совершаемых лицами с определенным статусом².

Анализ норм отечественных памятников уголовного права показывает, что установление более суровых мер ответственности за преступления, совершенные с использованием служебных полномочий, является традиционным для законодателя. Так, именно законодательство периода Древней Руси представляет собой исключительный пример предъявления более строгих требований к служебному поведению высших должностных лиц. Санкции, закрепленные в Псковской Судной грамоте, устанавливали ответственность в отношении волостеля – должностного лица, осуществлявшего правосудие, и являлись наиболее суровыми из имеющихся. В качестве данного субъекта преступления здесь выступали высшие должностные лица республики – князь, сотские, посадники.

Нормы Судебников 1497 и 1550 гг. устанавливали приоритетный характер денежных наказаний за совершение преступлений должностными лицами, что свидетельствует о привилегированном положении указанных субъектов. При этом факт, что почти две трети видов наказаний связаны с болезненными видами и изоляцией виновного, говорит о повышенной общественной опасности совершаемых ими преступлений, признаваемых законодателем. Соборное Уложение 1649 г. в большинстве случаев за

¹См.: *Гордиенко И.* Когда пришли за центром «Э». URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/08/70826-kogda-prishli-za-tsentrom-e> (дата обращения: 16.09.2016).

² *Быкова Е., Казаков А.* Ответственность должностных лиц за нарушение конституционного права на свободу передвижения // Уголовное право. 2014. № 1. С. 9-12.

преступления по службе устанавливало телесные наказания и смертную казнь, сохраняя систему имущественных наказаний.

Дифференциация наказаний по положениям Артикула Военного 1715 г. выражалась в более частом закреплении членовредительских и телесных его видов за преступления, совершенные рядовыми, и позорящих видов – за преступления офицеров. С учетом того, что в военное время жизнь обесценивается в пользу чести мундира, эффективность позорящих наказаний высока.

Лишение чина, обращение в рядовые, отставление от службы, публичное испрашивание отпущения вины выражали снисходительность власти, унижающую преступника, и одновременно презюмировали его немужественность, несостоятельность как воина и служителя Отечеству и монарху.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., различая наказания уголовные и исправительные, а также устанавливая особенные наказания за преступления и проступки по службе, содержало такие их виды, как: связанные с изоляцией от общества, телесные, имущественные и позорящие наказания. Кроме того, подлежали применению наказания, касавшиеся принудительного привлечения к «государевым» работам, а также смертной казни.

Особенные наказания, связанные со службой или деятельностью субъекта, уже в большей степени направлены на предупреждение новых преступлений, хотя цель умаления чести и достоинства по-прежнему учитывалась законодателем. Анализ положений Закона показывает, что наказания из данной группы предусматривались почти за каждое служебное преступление.

Содержание Особенной части Уложения 1845 г. производит впечатление усилившейся борьбы с должностными, профессиональными и торговыми преступлениями. Однако сословный характер наказания проявлялся в законодательном ограничении применения его телесных видов к лицам,

изъятим от указанных наказаний – этот перечень включал представителей высшего дворянского сословия.

Не менее дифференцированным был подход правоприменителя к назначению наказаний. Так, сословный состав осужденных общими судами за период 1889–1893 гг. выглядел следующим образом: дворяне – 2,0%; духовенство – 0,2; купцы – 0,5; крестьяне – 71,5; мещане – 19,2; бродяги – 2,9; прочие – 3,1%¹. Обращает на себя внимание незначительная доля осужденных представителей высшего сословия, при том, что должностные, политические преступления, а также преступления против порядка управления совершались в основном дворянами, купцами. Более того, как отмечает С. С. Остроумов, «самые грязные преступления – растление малолетних, кровосмешение, скотоложество и прочие – были преимущественно распространены среди привилегированных сословий и особенно духовенства»².

Незначительное количество привилегированных лиц среди осужденных объясняется, по мнению этого же автора, тем, что «наибольший процент оправдания приходится на дворян и купцов... имущественное положение купечества при чрезвычайно развитом взяточничестве судей спасало их от осуждения даже больше, чем дворян их родовитость»³.

Парадокс законности в России заключался в том, что при подавляющем количестве положений, посвященных регулированию гражданской службы и частным ее родам, заключенных по должностным преступлениям и преступлениям, связанным с торговым оборотом, было очень незначительное количество: «...тюрьма почти не знала заключенных по преступлениям привилегированных классов»⁴.

Кодификационная деятельность привела к появлению первого кодекса Советского государства – УК РСФСР 1922 г. Перечень наказаний,

¹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 36.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 21.

⁴ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1: 1762–1825. М., 1960. С. 368.

содержащийся в данном законе, позволил исследователям прийти к выводу о том, что ставка руководства страны сделана «не на устрашение, а на справедливость и гуманизм, веру в человека»¹. При этом ст. 8 объявляла целями наказаний частную и общую превенцию, приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия.

Преступления со специальным субъектом, по УК РСФСР 1922 г., были представлены в основном должностными (служебными), хозяйственными и воинскими преступлениями. В качестве наказаний предусматривались такие виды, как смертная казнь, срочное лишение свободы, принудительные работы, увольнение от должности, конфискация имущества.

В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УК РСФСР), вслед за ним – кодексы союзных республик. В указанном законе круг преступлений со специальным субъектом расширился за счет группы деяний, связанных с нарушением правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и порядок. Не изменились цели наказания, тогда как сам термин «наказание» уступил место понятию «меры социальной защиты», что объясняется стремлением новой власти максимально дистанцироваться от достижений правовой мысли капиталистических государств². На практике же, как отмечает Т. В. Непомнящая, это «привело к грубым нарушениям законности»³. Значительно увеличилось количество санкций, предусматривавших в качестве мер социальной защиты штраф и принудительные работы, тогда как количество санкций со смертной казнью сократилось. В целом ученые отмечают смягчение мер наказания и снижение санкций уголовного закона по сравнению с УК РСФСР 1922 г.⁴.

¹ *Маслов В.П., Чистяков Н.Ф.* Деформация уголовной политики в истории Советского государства // Из истории Советского государства и права. М., 1989. С. 95–111.

² См., например: *Дуюнов В.К.* Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000. С. 12; *Герцензон А.А.* Пути развития Советской науки уголовного права за 30 лет // Сов. гос-во и право. 1947. № 11. С. 73–81.

³ *Непомнящая Т.В.* Мера уголовного наказания. М., 2012. С. 122.

⁴ *Дуюнов В.К.* Указ. соч. С. 14.

В 1960 г. был принят УК РСФСР, воплотивший надежды на «окончательное искоренение в Советском государстве преступлений...»¹, в котором наибольшее распространение получило лишение свободы как вид наказания, назначаемый за преступления со специальным субъектом. Это характерно для всей Особенной части УК РСФСР 1960 г. и напрямую отразилось на судебной практике: доля лишения свободы от общего числа наказаний составляла 47,0%², а в общей структуре назначаемых судами наказаний – от 53,0 до 66,5%³.

Обзор исторического развития уголовных наказаний за преступления со специальными субъектами приводит к выводу о том, что на каждом историческом этапе преступления со специальным субъектом в большинстве случаев были представлены должностными и хозяйственными преступлениями. Эволюция их уголовно-правовой оценки сопряжена с процессом становления привилегированного положения правящего класса (сословия). В то же время процессы централизации и абсолютизации единоличной власти обуславливали ужесточение ответственности субъектов указанных преступлений.

Развитие уголовно-правовых наказаний за преступления со специальным субъектом можно представить графически, при этом за ключевые точки следует взять те виды, которые применялись на каждом из рассмотренных исторических периодов (рис. 1).

¹ Герцензон А.А. Основные положения УК РСФСР 1960 года. М., 1961. С. 7.

² Черкасов Л. Обсуждаются реформы уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 131–135.

³ Непомнящая Т.В. Указ. соч. С. 154.

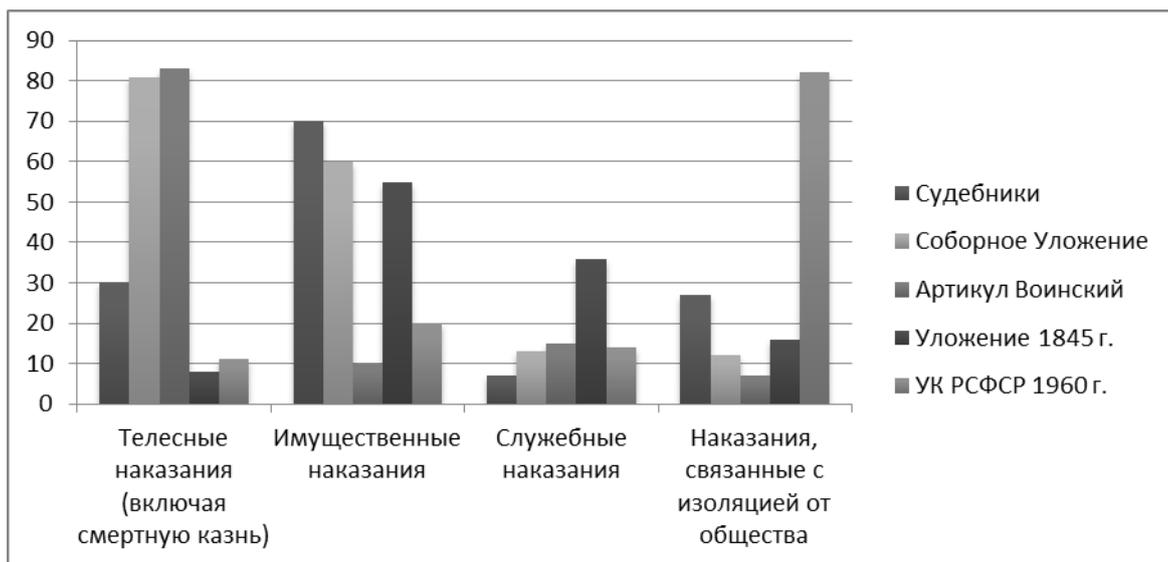

Рис. 1. Развитие уголовных наказаний за преступления со специальным субъектом в российском уголовном праве

Таким образом, доминирование наказаний имущественного характера в санкциях за преступления со специальным субъектом характерно для периодов, когда, стремясь заручиться поддержкой, власть обеспечивала этим привилегированное уголовно-правовое положение служащих. В то же время в периоды, связанные с необходимостью укрепления вертикали власти (Смутное время, XVII век; правление Петра I; период Советской России), законодательный подход к определению мер наказания за указанные преступления ужесточался.

Указанное подтверждает также и вывод о том, что изменение взглядов на природу и сущность уголовного наказания в историческом контексте обусловлено динамикой социально-экономических и политических условий жизни общества. Как и любой социальный институт, наказание полностью зависит от исторической специфики момента: «суровость наказания может существенно варьироваться и часто является результирующей политических пристрастий и политических векторов, которые имеют малое касательство к собственно системе наказаний»¹.

¹ Фоминко А.Ф. Наказание как социальный феномен: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 97.

Тем не менее наказание, занимая «ключевое место в механизме уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с совершением преступления»¹, представляет собой «...справедливую меру, служащую средством восстановления нарушенных прав человека путем покаяния преступника за содеянное»². Поэтому факт, что в большинстве случаев законодатель предусматривает внушительные сроки и размеры наказаний за должностные и служебные преступления, указывает на признание им высокой общественной опасности этих деяний. В этой связи парадоксальным выглядит наличие в законе усложненной процедуры привлечения к уголовной ответственности лиц с должностным статусом и установление «льготных» уголовно-процессуальных исключений из общих правил»³ для лиц, совершивших экономические и финансовые преступления. Более того, анализируя реформы действующего законодательства, Л. В. Головкин приходит к выводу о целенаправленной деятельности законодателя по внедрению политики «doing business», когда «...специальные (особые) производства предстают в качестве инструмента либерализации экономического сектора и максимального снижения уголовно-правового риска для экономических акторов»⁴. Результат – «заведомая законодательная стратификация населения»⁵, причем вывод актуален и для должностных лиц.

Неудивительно, что «двойные стандарты» в законе оборачиваются противоречиями в практической деятельности, поскольку задача применения установленных в законе мер ответственности возлагается на органы расследования и суд, который, как отмечается, «...в современных условиях

¹ *Авдеев В.А., Авдеева О.А.* Гармонизация уголовной политики в сфере назначения наказания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 1. С. 78–93.

² *Авдеев В.А., Авдеева О.А.* Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 301-312.

³ *Головкин Л.В.* Указ. соч. С. 32-45.

⁴ *Там же.* С. 32-45.

⁵ *Там же.* С. 32-45.

зачастую становится главной и последней инстанцией в оценке реальной общественной опасности криминализированных законодателем и выявленных следствием деяний»¹.

Практика показывает, что уже на этапе выявления и регистрации совершенных должностных и служебных преступлений имеет место сопротивление, выражаемое в различных формах – от круговой поруки или корпоративной солидарности среди сослуживцев до сознательной деятельности сотрудников органов внутренних дел по сокрытию от заявлений в отношении лиц с высоким социальным статусом². Так, М. П. Клейменов, выделяя в качестве основной детерминанты нераскрытой экономической преступности «целенаправленное противодействие усилиям сотрудников правоохранительных органов со стороны криминалитета», раскрывает его «специальные механизмы», включающие коррупцию, шантаж, выделение VIP-персон, недоступных для уголовного правосудия и т.д.³.

С. М. Иншаков в «арсенал защитных средств «неприкасаемых» включает также «покровительство вышестоящих должностных лиц, подкуп работников правоохранительной системы, угрозы в их адрес или адрес членов их семей, применение жестких мер воздействия на указанных работников – вплоть до физического устранения или фабрикации уголовных дел»⁴.

Фактически средством защиты выступает имеющийся в действующем российском законодательстве институт уголовно-правовых иммунитетов, распространяющихся «...на строго определенные категории лиц, являясь исключением из принципа равенства граждан перед законом. Это исключение

¹ Бабаев М., Пудовочкин Ю. Провокативная роль уголовного закона // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 78-90.

² Виноградова А.Д. Достоверность статистической отчетности как необходимое условие эффективного противодействия преступности // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2014. № 1. С. 172–176.

³ Клейменов М.П. *Нераскрытая преступность: монография*. М., 2015. С. 123-124.

⁴ Иншаков С.М. Факторы коррупционной преступности и перспективы противодействия ей // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2009. № 4. С. 23–29.

может быть обусловлено только исключительным правовым статусом лица»¹. Как отмечается, «...общее число лиц, пользующихся иммунитетом в стране, приближается к 100 тыс. человек, именно эта привилегия, а также финансовые интересы влекут предприимчивых преступников в представительные органы власти»².

Особого внимания поэтому заслуживают преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов. В частности, отмечается «...крайне высокий уровень латентности (как искусственной, так и естественной)»³ данных преступлений. Анализируя феномен нераскрытой преступности, авторы одноименной монографии М. П. Клейменов и И. М. Клейменов отмечают «... факт противодействия раскрытию преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов в случае их совершения коллегами по службе»⁴.

Однако и те деяния, которые все-таки регистрируются и доходят до суда, в подавляющем большинстве случаев получают такую судебную оценку общественной опасности, которая явно не соответствует мнению законодателя. Так, совершение особо квалифицированного превышения должностных полномочий, предусмотренное ч. 3 ст. 286 УК РФ, по мысли законодателя, грозит лишением свободы сроком до десяти лет, т. е. является тяжким преступлением. Однако, например, в 2015 г. от общего числа лиц, осужденных за совершение указанного деяния, 45% было осуждено к условному лишению свободы и лишь 17% – к реальному, из них в 90% случаев назначенный судом срок лишения свободы не превышал пяти лет. При этом наказание в виде

¹ Кибальник А.Г. Иммунитеты в уголовном праве. Ставрополь, 1999. С. 11.

² Фонд ИНДЕМ. Антикоррупционная политика. Экономика коррупции // Лоббист. 2010. № 1. С. 86.

³ Севастьянов А.П. Проблемы судейского усмотрения при выборе наказания в рамках санкций // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 98-103. См. также: Ростокинский А.В. Стратегия борьбы с преступностью в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 5-9.

⁴ Клейменов М.П. Указ. соч. С. 119.

штрафа было назначено 36% осужденным за совершение указанного деяния, но в 96% случаев размер назначенного штрафа не превышал 100 тыс. рублей¹.

Аналогичные данные за 2004-2009 гг. приводит С. М. Иншаков, при этом указывая, что лишь половина лиц, признанных виновными в указанном преступлении, являются сотрудниками органов внутренних дел².

Мы полагаем, что необходимо поддержать высказанное ранее мнение о расширении объема обстоятельства, отягчающего наказание, которое предусмотрено пунктом «о» ст. 63 УК РФ, путем приведения его в следующий вид: «совершение умышленного преступления сотрудником правоохранительного органа»³, что, как представляется, позволит ограничить возможности судебного усмотрения.

Уголовно-правовые иммунитеты и сложившиеся механизмы фактического противодействия привлечению к ответственности за преступления, совершенные в связи с имеющимся должностным или служебным статусами, приводят, во-первых, к «...избирательному и, во многих случаях, классовому характеру уголовной репрессии»⁴, а во-вторых – к тому факту, что «...в 90 % случаев к уголовной ответственности привлекаются должностные лица контролирующих, правоохранительных органов, учреждений и иные «бюджетники»⁵, а, например, применительно к

¹ *Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2015 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 07.05.2016).*

² *Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под. ред. С.М. Иншакова. М., 2013. С. 700.*

³ *Рарог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88-95.*

⁴ *Богущ Г.И. О «гуманизме» и «либерализме» российской уголовной политики. URL: [http://www.sartraccs.ru=Pub/\(08-02-07\).htm](http://www.sartraccs.ru=Pub/(08-02-07).htm) (дата обращения: 25.06.2015).*

⁵ *Верченко Н.И. Элитарная коррупция // Вестник НГУЭУ. 2014. № 4. С. 251-256.*

должностным преступлениям, предусмотренным ст. ст. 299–303 УК РФ, констатируется 90%-я латентность¹.

Исходя из официальных данных, за период 2011-2015 гг. доля привлеченных к ответственности за должностные и служебные преступления изменялась следующим образом:

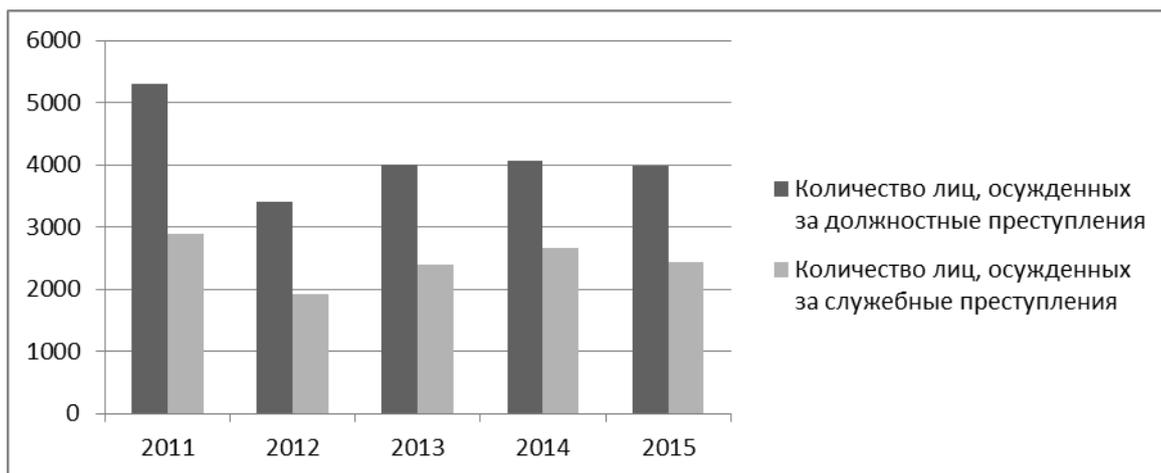

Рис. 2. Доля осужденных за должностные и служебные преступления за период 2011-2015 гг. (%)

Согласно официальной статистике за 2015 гг. примерно 18% привлеченным к уголовной ответственности должностных преступников суд назначает наказание в виде реального лишения свободы; подавляющая часть – 43 % – приговаривается к штрафу, 25% – к условному осуждению («испытанию»²), а в отношении еще 13% выносится решение об освобождении от наказания, оправдании либо прекращении дела, как правило, по нереабилитирующим основаниям.

Применительно к служебным преступникам доля привлеченных к реальному отбытию наказания в виде лишения свободы за этот же период еще меньше – 5%, тогда как к уплате штрафа – 22%. Условно осуждается около

¹ Идрисов К.Р. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов предварительного следствия и суда : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 57.

² Нечепуренко А.А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования. Омск, 2014. С. 67-91.

12%, тогда как доля освобожденных от наказания, оправданных и лиц, в отношении которых производство прекращено, как правило, по нереабилитирующим основаниям, составляет 61%.

Аналогичная ситуация характерна для 2011-2014 гг.

Приоритетность назначения реального лишения свободы должностным преступникам научно обоснована. Так, С. С. Босхолов связывает необходимость применения данной меры с криминологическими реалиями и потребностями российского общества, учет которых позволяет обосновать ее справедливость¹. В. Н. Бурлаков указывает на возможность «...реальной «зачистки» государственной службы от корыстного элемента в сроки от 6 до 23 лет» при условии назначения реального лишения свободы вместо штрафов².

Избирая в качестве вида наказания реальное лишение свободы, правоприменитель, как правило, предпочитает назначать сроки от 1 до 5 лет включительно. На рис.3 представлено соотношение сроков данного вида наказания за период 2011-2015 гг.

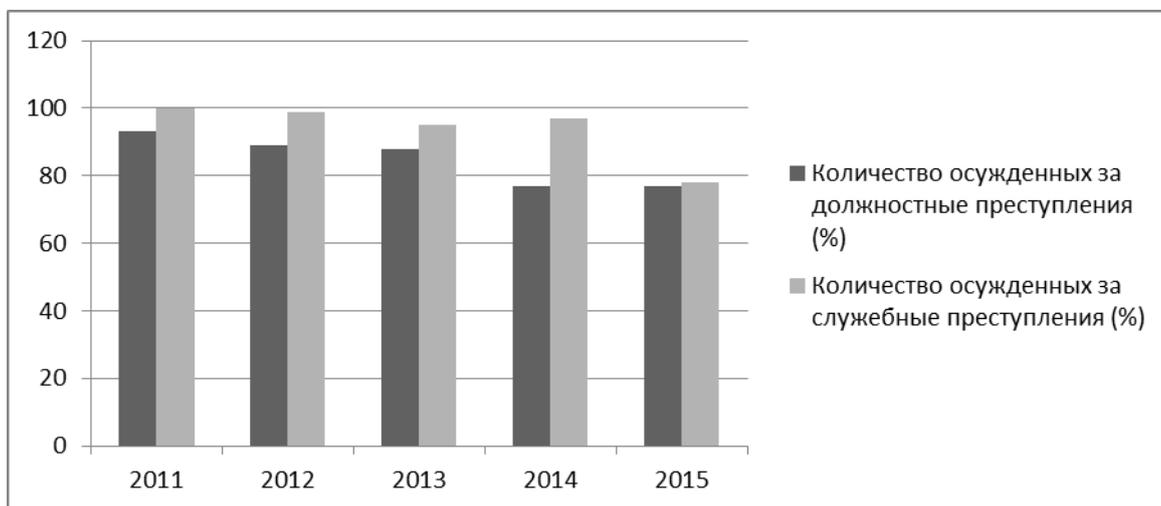

Рис. 3. Доля осужденных за должностные и служебные преступления к реальному лишению свободы на срок до 5 лет включительно за период 2011-2015 гг. (%)

¹ Босхолов С.С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной политики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 31-43.

² Бурлаков В.Н., Пряхина Н.И. Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 85-95.

Одной из причин подобной практики назначения наказаний в виде реального лишения свободы являются положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, на основании которых у судов появилась возможность изменения категории преступления на менее тяжкую. Отмечается, что «...чаще всего суд переходит от категории тяжкого преступления к категории преступления средней тяжести», при этом «...в основном речь идет о преступлениях в сфере экономики, коррупционных преступлениях и других преступлениях, не содержащих элементов опасного насилия»¹.

Другой причиной данной практики определения меры наказания следует признать изменения от 2011 г., в рамках которых законодатель исключил нижний предел наказания в виде лишения свободы из санкций уголовно-правовых норм, в том числе устанавливающих ответственность за служебные и должностные преступления, что было оценено в литературе как «псевдогуманизация»². В результате этих изменений законодатель предоставил еще большие возможности для судебного усмотрения при постановлении приговора и определении меры наказания, что представляется неоправданным в условиях безнаказанности должностных и служебных преступников. Как отмечается, «...в настоящее время правосознание судьи и сложившаяся судебная практика оказывают значительно большее влияние на размер наказания за конкретное преступление, чем закон. Законодатель практически не регулирует выбор наказания в рамках санкции»³.

Представляется, что данное положение нуждается в изменении, и это обусловлено самой природой института специального субъекта. Выступая законодательным инструментом дифференциации ответственности, указанный институт применяется с учетом типовой степени общественной опасности

¹ *Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г.* Деятельность суда в сфере назначения наказания: новые законодательные решения и формирование судебной практики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 2. С. 301–312.

² *Босхолов С.С.* Указ. соч. С. 31-43.

³ *Севастьянов А.П.* Указ. соч. С. 98-103.

деяния» и направлен на «...ограничение судебного усмотрения [...]: чем больше сфера дифференциации, чем подробнее регламентировал законодатель усиление и ослабление ответственности, тем меньше сфера индивидуализации и свободы правоприменителя действовать по своему усмотрению. И наоборот»¹.

Поэтому, на наш взгляд, в санкции норм, устанавливающих ответственность за должностные и служебные преступления, необходимо вернуть нижний предел наказания в виде лишения свободы.

Что касается размеров штрафов за должностные и служебные преступления как основного наказания, то, согласно официальной статистике, как правило, суд ориентируется на предел в 500 тысяч рублей.

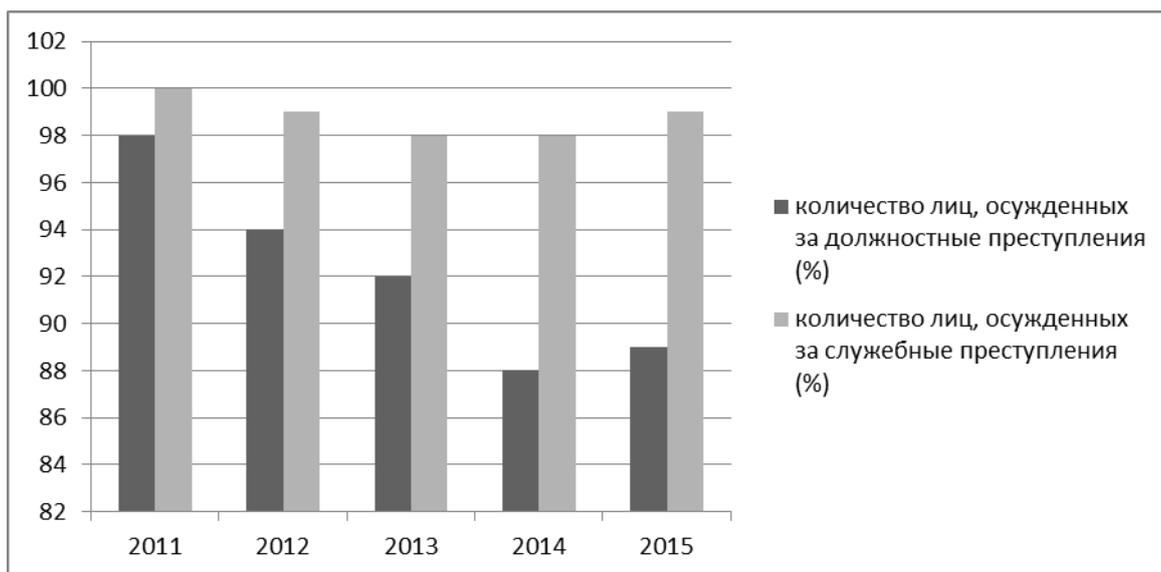

Рис. 4. Доля осужденных за должностные и служебные преступления к штрафу в размере до 500 тыс. рублей включительно за период 2011-2015 гг. (%)

Назначение штрафов за служебные преступления, которые, в основном, осуществляются в сфере экономической деятельности, представляется обоснованным². Назначенное за совершение должностных преступлений

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 14.

² Босхолов. Указ. соч. С. 31-43.

подобное наказание воспринимается как привилегия в виде «откупа от лишения свободы»¹.

Следует обратить внимание на введение в рамках последних изменений уголовного законодательства нового порядка исчисления размера штрафа при его назначении за совершение коррупционных должностных и служебных преступлений. Речь идет о так называемых «кратных» штрафах, получивших в науке неоднозначную оценку. Так, В. Н. Бурлаков отмечает, что по своей карательной составляющей штраф приблизился к принудительным работам². О связи кратного штрафа с прагматическими целями государства по наполнению бюджета страны и о бессилии данного вида наказания в противодействии коррупции пишут авторы А. В. Звонин, О. Н. Дядькин³. С повышением размеров штрафа связывают предупредительное воздействие данного вида наказания В. А. Авдеев, О. А. Авдеева⁴.

Среди иных видов наказаний, применяемых к служебным и должностным преступникам, следует отметить лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Несмотря на выдвинутую некоторыми авторами⁵ характеристику данного вида наказания как специального, согласно актуальным разъяснениям высшей судебной инстанции для его применения совершенно необязательно установление непосредственной связи механизма совершения преступления с занимаемой субъектом должностью, выполняемой работой или реализацией специального

¹ Босхолов. Указ. соч. С. 39.

² Бурлаков В.Н.. Указ. соч. С. 85–95.

³ Звонин А.В., Дядькин О.Н. Факторы формирования системы уголовных наказаний в современных условиях краткий аналитический обзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 1. С. 82–89.

⁴ Авдеев В.А., Авдеева О.А. Гармонизация уголовно-правовой политики в сфере назначения и исполнения наказания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 1. С. 78–93.

⁵ Мирошниченко Н. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. 2014. № 1. С. 51-56.

права¹. Так, согласно статистическим данным, в 2015 г. данный вид наказания в качестве основного был применен к 0,4% должностных лиц, а в качестве дополнительного – к 36% осужденных. В целом практика применения судами ст. 47 УК РФ при назначении наказания оценивается в литературе как «...крайне редкая»², «фрагментарная»³.

Имея в виду, что «...эффективность уголовного наказания во многом зависит от соответствия его размера тяжести содеянного»⁴, представляется возможным признать существующую практику назначения наказаний за совершение служебных и должностных преступлений необоснованной в силу чрезмерно мягкого подхода правоприменителя к оценке общественной опасности указанных деяний и виновных лиц. Правоприменительная практика по анализируемым деяниям подтверждает тезис о «...нереализуемости основного направления уголовно-правовой политики, сопряженного с адекватизацией наказания либо иной меры уголовно-правового характера общественной опасности как совершенного преступления, так и личности виновного»⁵.

Полагаем в этой связи целесообразным разделить высказанное в литературе мнение⁶ о расширении перечня обстоятельств, отягчающих наказание, за счет включения в ч. 1 ст. 63 УК РФ пункта «с»: «совершение преступления лицом с использованием должностного положения», что

¹ *О назначении судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58, п. 8 // Российская газета, N 295, 29.12.2015.*

² *Авдеев В.А., Авдеева О.А. Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 301-312.*

³ *Авдеев В.А., Авдеева О.А. Гармонизация уголовно-правовой политики в сфере назначения и исполнения наказания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 1. С. 78–93.*

⁴ *Севастьянов А.П. Указ. соч. С. 98-103.*

⁵ *Авдеев В.А., Авдеева О.А. Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 301-312.*

⁶ См., например: *Клейменов И.М. Указ. соч. С. 192-200.*

позволит в рамках индивидуализации наказания учесть повышенную общественную опасность указанных деяний.

Следует отметить, что помимо мер уголовного наказания к должностным преступникам применяются меры дисциплинарного характера. Так, «с 2012 по 2015 г. в связи с утратой доверия было освобождено от занимаемых должностей около 1200 сотрудников федеральных государственных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления»¹. Указанная практика имеет место преимущественно как мера ответственности «за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении и об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции»².

Подобная мера, естественно, не может заменить собой уголовное наказание, поскольку «...не имеет той необратимости, которая присуща уголовному наказанию»³. Однако «с помощью увольнения со службы нечистых на руку чиновников происходит чистка отдельных звеньев государственного аппарата»⁴.

С учетом приведенных данных обоснованным выглядит вывод С. Ф. Милюкова о том, что современная политика Российской Федерации, в том числе государственная, характеризуется как имеющая «...сугубо классовое, сословное содержание. Первоочередное внимание уделяется защите крупных и сверхкрупных собственников, сросшихся с коррумпированными чиновниками

¹См.: *Чиновникам пока не нашли места в коррупционном реестре*. URL: <http://www.izvestia.ru/news/645803> (дата обращения: 25.06.2015).

²*Там же*.

³*Бурлаков В.Н.* Криминализация незаконного обогащения: теоретическая модель состава преступления // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. № 1. С. 12–19.

⁴*Там же*. С. 12–19.

и защитившими себя государственным и негосударственным военно-полицейским аппаратом»¹.

С одной стороны, руководство страны, объявив войну коррупции, занимается криминализацией новых и новых деяний – например, в результате последнего реформирования уголовного закона появились статьи 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп» и 292.2 «Мелкое взяточничество». С другой стороны, в рамках этой же «объявленной войны» оно перекладывает ответственность за окончательную оценку общественной опасности содеянного и виновного лица на правоприменителя, предоставляя возможность изменения категории преступления и исключая нижний предел лишения свободы в санкциях уголовно-правовых норм.

Осознание руководством страны проблемы должностной и служебной преступности, ее масштабов, в том числе тяжести преступных последствий, принимает вид участвовавших в последнее время прецедентов уголовного преследования высокопоставленных чиновников и крупных бизнесменов. Так, возбуждено уголовное дело в отношении главы Республики Коми В. Гайзера и ряда должностных лиц его аппарата²; за злоупотребление должностными полномочиями осужден губернатор Брянской области Н. Денин³; за взятку осужден губернатор Тульской области⁴; уголовное дело о взяточничестве и злоупотреблении должностными полномочиями возбуждено в отношении полковника ГУЭБиПК МВД России Д. Захарченко⁵; по ч.6 ст. 290 УК РФ возбуждено уголовное дело в отношении министра экономического развития

¹ Цит. по: *Шестаков Д.А.* Преступность политики. Размышления криминолога. СПб., 2013. С. 195.

² См.: *Галимова Н., Дергачев В.* Утратил чутье и чувство меры. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2015/09/19_a_7766051.shtml (дата обращения: 28.10.2015).

³ См.: *Экс-губернатор Брянской области получил 4 года колонии общего режима.* URL: <http://www.bryansk.kp.ru/daily/26460.4/3330594> (дата обращения: 25.06.2015).

⁴ См.: *Бывший губернатор Тульской области Вячеслав Дудка, приговоренный к 9,5 годам колонии за взятку, этапирован в исправительную колонию строгого режима в Тульской области.* URL: http://www.rapsinews.ru/trend/dudka_16082011/#ixzz4OMZIdD2x (дата обращения: 25.06.2015).

⁵ См.: *Зубов Г., Петелин Г.* Полковник взял не ту «Ноту». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/09/13/10191509.shtml> (дата обращения: 05.10.2016).

Российской Федерации А. Улюкаева¹, наличествуют и иные подобные резонансные события.

Приведенные выше резонансные уголовные дела, несмотря на увеличение их количества и активного освещения в прессе, по-прежнему свидетельствуют скорее об исключительном характере случаев уголовного преследования высокопоставленных должностных и служебных преступников, чем о распространенности такой практики. Сама по себе подобная практика, сам факт ее наличия способствуют формированию в общественном сознании убеждения о реализации принципа равенства граждан перед законом и судом, доступности лиц, традиционно недостижимых для уголовного закона. Наряду с этим зачастую отсутствует реакция правоохранительных структур на приведенные в средствах массовой информации сведения о федеральных чиновниках высокого ранга, «...хотя материалов в прессе о них было предостаточно, где приводились счета, банки, виллы и т.д.»². Речь идет, например, о так называемой «панамской истории»³.

Вследствие этого обоснованным видится высказанное в литературе мнение о политическом факторе как «главном вдохновителе перестройки уголовного закона»⁴ – и его применения, что следует подчеркнуть особо. Очевидно, что механизмы уголовно-правового регулирования должны приводиться в действие в связи с фактом совершения общественно-опасного деяния, вне зависимости от соответствующей политической воли.

Основными выводами данного параграфа являются следующие положения:

¹ См.: *Тихонов Д.* Владимир Путин освободил Алексея Улюкаева от занимаемой должности. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3143551?yclid=6921465193795685445> (дата обращения: 01.11.2016).

² *Мониторинг уголовной политики России* / под ред. С.В. Максимова. М., 2014. С. 111.

³ См.: *Панамский список: что держали в офшорах российские чиновники.* URL: <http://www.rbc.ru/politics/04/04/2016/5701767c9a7947743875c168> (дата обращения: 04.05.2016).

⁴ *Бурлаков В.Н.* Указ. соч. С. 12–19.

Исторически в России подход к ответственности преступников с должностным социальным статусом ужесточался. Кроме того, интересы национальной безопасности современной России требуют реализации строгой ответственности лиц с должностным и служебным социальными статусами, адекватной общественной опасности совершенных ими преступлений.

При этом на сегодняшний день уголовная ответственность лиц с должностным и служебным социальными статусами характеризуется чрезмерно мягким подходом судебных органов, выражающимся, во-первых, в пренебрежении реальными видами наказания в пользу условного осуждения; во-вторых, – в предпочтении наказаний, не связанных с лишением свободы, речь идет, прежде всего, о штрафе. Наконец, назначаемые судом сроки лишения свободы и размеры штрафов явно не соответствуют законодательной оценке общественной опасности указанных деяний.

В силу этого, на наш взгляд, следует дополнить ч.1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» пунктом «с»: «совершение преступления лицом с использованием должностного положения», а пункт «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «совершение умышленного преступления сотрудником правоохранительного органа», что позволит в рамках индивидуализации наказания учесть повышенную общественную опасность указанных деяний.

§2. Учет личности специального субъекта преступления при назначении наказания

Как было отмечено выше, статусно-ролевые характеристики, с одной стороны, являются специальными признаками субъекта преступления, а с другой, связаны с понятием личности преступника, разрабатываемым в криминологии. Его востребованность обусловлена тем, что «источники

преступного поведения... фокусируются в личности преступника»¹, «объективные закономерности определяют поведение людей через их сознание»², «при исследовании механизма действия причин преступности самостоятельное значение приобретает криминологическое изучение личности преступника»³.

Основу этого учения образуют выводы социологической науки, в рамках которой личность рассматривается как «социальное свойство индивида, совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия лица с другими людьми»⁴, при этом «всякое человеческое действие, всякий его поступок сам является уже единством внутреннего и внешнего»⁵. Структура личности включает в себя три подсистемы: направленность личности («потребности, представления, ценностные ориентации, выступающие мотивами деятельности»), положение в системе общественных отношений («место в социальной структуре общества» – социальный статус) и «...реальные формы жизнедеятельности людей – совокупность выполняемых социальных ролей»⁶.

Понятие личности преступника используется и в уголовном праве применительно к отдельным уголовно-правовым нормам и институтам⁷, а также для решения вопросов индивидуализации уголовной ответственности и наказания⁸. В этой связи отмечается, что в уголовно-правовом разрезе понятие

¹ *Рашинов А.Р.* Личность преступника и проблема ценности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 101.

² *Номоконов В.А.* Указ. соч. С. 5.

³ *Долгова А.И.* Преступление и личность преступника в свете изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 8; *Герцензон А.А.* Уголовный закон и личность преступника. М., 1968. С. 45.

⁴ *Кон И.С.* Указ. соч. С. 7.

⁵ *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 153–154.

⁶ *Немировский В.Г.* Указ. соч. С. 109.

⁷ См., например: *Тенчов Э.С.* Общественная опасность личности преступника и основание специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Личность преступника и уголовная ответственность: межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. С. 98–106.

⁸ См., например: *Герцензон А.А.* Указ. соч. С. 18; *Лейкина Н.С.* Личность преступника и основания уголовной ответственности. Л., 1969.

личности преступника предполагает «...изучение различных социально значимых свойств, характеризующих типичный портрет [...] лица, склонного к совершению преступлений определенных категорий, а также с точки зрения уголовного права имеющих значение для индивидуализации наказания»¹.

Разъясняя положения ч.3 ст. 60 УК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что к «...характеризующим виновного сведениям, которыми располагает суд при вынесении приговора», относятся «...данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)»².

Анализ 330 приговоров судов субъектов Российской Федерации, вынесенных в отношении лиц, совершивших преступление со специальным субъектом за 2000–2016 гг. районными судами Москвы и Московской области, Алтайского, Красноярского, Забайкальского, Пермского и Хабаровского краев, Архангельской, Белгородской, Владимирской, Вологодской Воронежской, Калужской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Иркутской, Омской и Свердловской областей, г. Калининград, позволяет выделить ряд личностных социально-демографических характеристик, учитываемых при назначении наказания. На этой основе представляется возможным сделать вывод о возрастных, образовательных характеристиках личности специального преступника, доминирующем семейном положении, частоте рецидива и социальных статусах и ролях, несоответствие которым чаще всего образует состав преступления со специальным субъектом.

¹Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 244-251.

²О назначении судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58, п. 1 // Российская газета, N 295, 29.12.2015.

Таблица 1 – Характеристика преступников со специальным статусом на предмет рецидива, кол-во¹

Виды преступлений	Не судимы	Судимы
Должностные преступления	109	0
Служебные преступления	115	7
Преступления в сфере правосудия	17	25
Преступления в сфере взаимоотношений с потерпевшим	29	15
Преступления в профессиональной сфере и в связи с родом деятельности	80	0
Всего	350	47

Из содержания таблицы 1 следует, что должностные, служебные преступники и лица, совершившие преступления в профессиональной сфере или в связи с родом деятельности, в основном впервые привлекаются к уголовной ответственности. С одной стороны, это объясняется требованиями к кандидатам на занятие должностей в государственных структурах и на руководящие посты в коммерческих организациях. С другой – установленное соотношение позволяет охарактеризовать тип указанных преступников как ситуативный, т. е. это лица, поддавшиеся искушению удовлетворить корыстные и иные личные интересы ввиду создавшейся благоприятной ситуации. Это свидетельствует, прежде всего, о неустойчивости нравственно-нормативных установок личности – о приоритете частных интересов – и подтверждает вывод о деформированности правосознания, позволяющего использовать должностные и служебные полномочия вопреки социально полезным целям либо пренебрежительно относиться к исполнению профессиональных обязанностей.

Что касается преступлений в сфере правосудия, то примерно равное количество судимых и несудимых лиц объясняется, прежде всего, особенностями анализируемых составов. Так, в даче заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) в 18 случаях из 20 были уличены свидетели, причем

¹ Исследование проводилось на основе 330 приговоров судов субъектов Российской Федерации, вынесенных за 2009-2015 гг. в отношении лиц, совершивших преступления со специальным субъектом.

преступным мотивом, как правило, выступало желание помочь виновному, с которым имелись приятельские отношения. Данную форму взаимопомощи следует рассматривать в качестве «круговой поруки», представляющей проявление деформированного правосознания.

Лица, осужденные по ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи», – это исключительно мужчины, причем у 14 из них на момент совершения преступления было до 2 судимостей. Это позволяет сделать вывод о преобладании среди них личностей, склонных к авантюрам и риску, гедонистическому образу жизни. Указанные характеристики вместе с низким уровнем правосознания, сформировавшейся собственной системой ценностей, устойчивыми антисоциальными установками выражаются в форме актов неправового поведения, в том числе в форме пренебрежения отрицательной оценкой общества и вмененной обязанностью отбывания наказания.

Таблица 2 – Характеристика образовательного уровня специальных преступников

Виды преступлений	Высшее профессиональное образование	Среднее профессиональное образование	Среднее общее образование
Должностные преступления	64	44	0
Служебные преступления	87	41	0
Преступления в сфере правосудия	0	22	17
Преступления в сфере взаимоотношений с потерпевшим	1*	14	28
Преступления в профессиональной сфере и в связи с родом деятельности	40	39	0
Всего	191 (+1*)	160	45

Примечание: * – незаконченное высшее.

Согласно приведенным в таблице 2 сведениям, большинство преступлений в особых сферах общественной жизни совершается лицами, имеющими профессиональное образование высшего и среднего уровней. При этом картина формируется за счет должностных и служебных преступлений,

что происходит вследствие требований к кандидатам на занятие ответственных постов в государственных и коммерческих структурах. В то же время среди должностных преступников доля лиц со средним профессиональным образованием в основном представлена сотрудниками правоохранительных органов, непосредственно взаимодействующими с населением в ходе оперативно-следственных мероприятий, а также судебными приставами-исполнителями.

Совершение служебных преступлений требует специальных знаний, а потому преступные схемы уклонения от налогов, незаконного получения кредита, мошеннических действий, а также присвоения или растраты совершаются в основном главными бухгалтерами и руководителями коммерческих организаций.

Данные об образовательном уровне лиц, совершивших преступления в сфере правосудия и в сфере взаимоотношений с потерпевшим, подтверждают имеющиеся в юридической литературе выводы о недостаточном духовном развитии личности преступника, ограниченном кругозоре и примитивных поведенческих мотивах¹.

В целом данные таблицы 2 опровергают тезис о корреляции уровня образования лица с доминантами его духовного развития – его системой ценностей. Они оказываются как бы различными показателями развития личности. Так, применительно к преступлениям, посягающим на специфические объекты уголовно-правовой охраны, субъект осознает, что наличие специальных знаний повышает вероятность достижения преступного результата путем использования их в рамках социального статуса и роли.

¹ См., например: *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 146.

Таблица 3 – Характеристика рода занятий специальных преступников

Виды преступлений	Органы государственной власти, органы власти субъектов Федерации, органы местного самоуправления	Правоохранительные органы	Руководящие посты в коммерческих и некоммерческих организациях (в том числе в унитарных)	Учреждения здравоохранения и образования	Рабочие профессии
Должностные преступления	36	47	0	30	0
Служебные преступления	1	5	117	9	0
Преступления в сфере правосудия	0	0	0	0	26
Преступления в сфере взаимоотношений с потерпевшим	0	0	0	0	23
Преступления в профессиональной сфере и в связи с родом деятельности	6	7	24	12	32
Всего	43	59	141	51	81

Примечание. Не имели постоянного источника дохода на момент совершения преступления 22 человека.

Анализ данных, приведенных в таблице 3, отражает специфику рассматриваемых видов преступлений. Так, в совершении преступлений в профессиональной деятельности и в связи с родом деятельности чаще всего виновны лица, занятые непосредственно на производстве либо имеющие обязанность обеспечивать соблюдение правил безопасной производственной деятельности.

Анализ рода занятий должностных преступников свидетельствует о повышенной криминогенности службы в правоохранительных органах; при этом более половины из указанного в таблице 3 числа преступлений было квалифицировано по ст. ст. 285–286 УК РФ. Это обусловлено не только обширным кругом неправомερных действий, подпадающих под понятия злоупотребления и превышения должностных полномочий. Совершение означенных действий, на наш взгляд, следует связывать в том числе с тем фактом, что подавляющая часть сотрудников правоохранительных органов (как правило, органов внутренних дел) имеет среднее профессиональное

образование. Хотя уровень образования не является гарантией высокоморальной жизненной позиции субъекта, однако он все же влияет на структуру системы ценностей, делая неприемлемым, например, использование насилия, но допуская обман в корыстных целях.

Кроме того, в целом распределение характеристик рода занятий лиц, совершивших должностные преступления, соответствует установленным в юридической литературе закономерностям: статистические показатели формируются за счет результатов борьбы с низовыми проявлениями должностной преступности, включая коррупционную, в то время как эффективность противодействия ей заметно ослабевает с повышением «ранга» преступников.

Таблица 4 – Характеристика семейного положения и возраста специальных преступников

Виды преступлений	Семейное положение		Возраст		
	Женат/замужем; несовершеннолетние дети на иждивении	Холост/не замужем; нет несовершеннолетних детей на иждивении	18–30	30–45	Более 45
Должностные преступления	83	22	10	76	16
Служебные преступления	113	14	40	67	19
Преступления в сфере правосудия	15	26	32	9	2
Преступления в сфере взаимоотношений с потерпевшим	19* 23**	0	33	8	3
Преступления в профессиональной сфере и в связи с родом деятельности	69	13	9	61	13
Всего	322	75	123	221	53

*Примечания:** – проживают с семьей; ** – в разводе с обязанностью содержания детей.

Анализ установленных характеристик семейного положения и возраста преступников со специальным статусом свидетельствует о том, что в большинстве случаев противоправное несоответствие своему уголовно значимому социальному статусу и роли допускают лица в возрасте 30–45 лет,

имеющие семью. Иными словами, это люди, внешне соответствующие стереотипу среднестатистического гражданина, успешно усвоившего правила поведения и жизни в обществе, о которых говорят: «Остепенился». Возраст и семейное положение указывают на взвешенный, ответственный подход к жизни. Кроме того, можно заключить, что в указанном возрасте лицо уже обладает достаточно высоким профессиональным уровнем, опытом. Наибольший вклад в обозначенные характеристики вносят сведения о преступниках, совершивших деяния в профессиональной сфере или в связи с родом деятельности, что соответствует высказанному в науке мнению о несовпадении социально-демографических характеристик должностных и служебных преступников с этими же качествами «общеуголовных» преступников¹.

В завершение социально-демографического портрета специального субъекта преступления целесообразно привести количественное соотношение мужчин и женщин среди субъектов преступлений указанных видов.

Таблица 5 – Полоролевая характеристика специальных преступников, кол-во

Виды преступлений	Субъект преступления	
	Мужчина	Женщина
Должностные преступления	80	22
Служебные преступления	88	36
Преступления в сфере правосудия	34	9
Преступления в сфере взаимоотношений с потерпевшим	23	21
Преступления в профессиональной сфере и в связи с родом деятельности	65	19
Всего	290	107

Учитывая данные таблицы 5, следует обратить внимание на абсолютное преобладание мужчин среди специальных субъектов преступления: их количество более чем в 2 раза превышает число женщин-специальных субъектов преступления. Это, с одной стороны, соответствует общим тенденциям преступности, согласно которым доля мужчин в структуре

¹ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М., 2010. С. 134.

преступности превышает долю женщин: из 1 075 333 выявленных лиц, совершивших преступления, количество женщин составило 172 178 человек¹. С другой стороны, это происходит в основном за счет субъектов должностных и служебных преступлений, а также преступлений в профессиональной сфере и преступлений в связи с родом деятельности, что объясняется аналогичным соотношением мужчин и женщин на ответственных должностях в государственных структурах, на руководящих постах в коммерческих организациях.

Преступления в сфере взаимоотношений с потерпевшим, как следует из таблицы 5, совершает примерно равное количество мужчин и женщин, при этом обязанности по воспитанию несовершеннолетних детей (ст. 156 УК РФ) чаще не исполняют женщины (13 случаев из 20), из них больше половины злоупотребляет спиртными напитками, тогда как от уплаты алиментов (ст. 157 УК РФ) чаще уклоняются мужчины (14 случаев из 20), из них половина не имеет постоянного источника заработка. Все это позволяет сделать вывод, что совершение преступлений в указанной сфере является следствием аморального образа жизни и трудовой незанятости родителей и отражает специфику их нормативно-ценностной сферы.

В результате исследования выявлены полярные социально-демографические портреты типов личности специального преступника, что обусловлено, прежде всего, разницей социально-ролевых характеристик. Действительно, личность специального преступника предстает как носитель антикриминогенных характеристик: высокий уровень образования, отсутствие судимостей, наличие семьи, устойчивое материальное положение, занятие статусной должности в государственных органах, коммерческих или муниципальных структурах, работа в учреждениях здравоохранения и образования. В то же время сложившаяся система ценностей и правосознание таких лиц отличает вседозволенность и правовой нигилизм. Как правило,

¹ *Состояние* преступности в России за январь–декабрь 2015 г. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 12.05.2016).

приведенные личностные характеристики свойственны субъектам, совершившим преступления с использованием своего профессионального, служебного или должностного статуса.

В другом случае личность специального субъекта преступления, напротив, характеризуется криминогенными признаками: низкий уровень образования, отсутствие официального трудоустройства, злоупотребление алкоголем и наркотиками, отрицательные характеристики по месту жительства и работы, слабые семейные связи, наличие судимости. Речь идет о лицах, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, уклоняющихся от надлежащего исполнения семейных обязанностей и совершивших соответствующие преступления.

В этой связи можно выделить два типа личности специального субъекта преступления – «социализированного» и «несоциализированного».

Важно, что факт обладания личности высоким статусом в рамках социальной иерархии как бы исключает предположение о возможности совершения данным индивидом преступления. Иными словами, позитивные характеристики выступают прикрытием криминальной деятельности. Это связано с тем, что личностные черты специального преступника не совпадают по источникам своего формирования и содержанию с типичными характеристиками личности других преступников. Например, характеристика культурно-образовательного уровня личности последних предполагает «низкое образование, недостаточную развитость и культуру, которые приводят к значительному сужению и упрощению интересов, к огрублению нравов...»¹. В то же время многие социальные статусы и роли подразумевают наличие у их носителей высшего образования и даже научной степени, широкого кругозора и высокого уровня профессионализма.

¹ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 146.

Только при наличии этих и некоторых других условий (например, достижение возраста, минимально допустимого для приобретения социального статуса) становится возможным само совершение преступления.

Так, отличительными чертами личности коррупционера Ю. М. Антонян называет следующие: «...это люди семейные, хорошие работники (многие из них имеют блестящий послужной список и отличаются исключительными деловыми качествами и высоким уровнем работоспособности), имеющие высшее образование (часто не одно). Также значительная часть коррупционеров – люди с высоким материальным достатком. Нет никаких оснований упрекать большинство из них и в непатриотичном отношении к своей стране»¹.

Действительно, нетипичность личности «социализированного» специального субъекта преступления обусловлена тем, что ее социальная сущность не позволяет уличить индивида в наличии антисоциальных установок ни до совершения преступления, ни после. Индивид не замечен в совершении аморальных или противоправных проступков, и его постпреступное поведение не позволяет предположить об антисоциальной направленности данного лица. Индивидуализируя наказание согласно предписанию ч. 3 ст. 60 УК РФ, суд в качестве смягчающих обстоятельств учитывает именно эти нетипичные характеристики, что позволяет на основе норм ст. ст. 61, 62 и 64 УК РФ назначать более мягкое наказание, чем это предусмотрено санкцией уголовно-правовой нормы. Ситуация, когда суд учитывает «...в качестве смягчающих обстоятельств высокое должностное положение, которое использовалось для совершения коррупционных преступлений, как и государственные награды, полученные на этой должности»² в литературе именуется «нонсенсом»³. Такая оценка сложившейся судебной практики назначения наказания должностным лицам представляется справедливой. Так, в 2015 году 25% лиц с должностным

¹ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Указ. соч. С. 203.

² Клейменов И.М. Уголовно-правовое реагирование // Вестник ОмГУ. 2016. № 3. С. 192-200.

³ Там же. С. 192-200.

социальным статусом, осужденным к лишению свободы, срок наказания был назначен с применением ст. 64 УК РФ. Доля должностных лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 286 УК РФ и чч. 3-6 ст. 290 УК РФ, и осужденных к лишению свободы на срок, не превышающий пяти лет, составила 77% от общего числа осужденных к лишению свободы за совершение должностных преступлений¹. Подобная практика назначения наказаний основана, прежде всего, на положениях ст. 62 УК РФ, предписывающей необходимость учета смягчающих обстоятельств при назначении наказания. В этой связи полагаем целесообразным включить в пункт 28 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» абзац следующего содержания: «Не могут учитываться в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, факт трудоустройства и высокий социальный статус виновного, если преступление совершено в связи с их наличием».

Кроме того, личность «социализированного» специального субъекта преступления не соответствует распространенному в обществе стереотипу преступника. В то же время последний, являясь в общественном сознании «упрощенным, односторонним и эмоционально окрашенным представлением о лицах, которые нарушают уголовный запрет»², выполняет важные функции в социальном механизме уголовно-правового воздействия, в том числе превентивного характера.

В. М. Коган, исследовавший этот вопрос, указывает, что «содержание образа преступника производно от того, что именно запрещено в качестве преступления... Поэтому расширение круга преступлений, за счет включения в

¹ *Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2015 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 14.05.2016).*

² *Коган В.М. Образ преступника в социальном механизме уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: межвуз. сб. Владивосток, 1983. С. 15–20.*

него деяний, которые недостаточно сурово осуждаются в обществе моралью... может вести к тому, что в общественном сознании преступник-“злодей” начнет вытесняться теперь уже преступником-жертвой»¹.

Это суждение выглядит особенно актуальным применительно к преступлениям со специальным субъектом, поскольку расширение их круга происходит в основном за счет криминализации деяний в специфических сферах деятельности – в сфере оборота ценных бумаг, налогообложения, страхового дела и др. В то же время с учетом обычной для современной России жизненной практики «остаться бы на плаву» субъект, например, уклонившийся от погашения кредиторской задолженности или уплаты налогов, сборов и иных платежей, в народе часто определяется как смекалистый, ушлый, ловкий. Отсюда эффект «раздвоенности сознания»² населения ведет к размыванию образа преступника, что особенно характерно для преступлений со специальным субъектом.

Вместе с тем учет особенностей общественного сознания необходим постольку, поскольку в идеале право должно быть неразрывно связано с господствующей в обществе моралью. Иными словами, диктуемый историческим моментом эффект уголовно-правового воздействия будет достигнут при условии, что уголовно наказуемые действия будут признаваться заслуживающими отрицательной моральной оценки не только в силу формального закрепления в уголовном законе, но и в силу своего содержания. Это суждение справедливо и для преступлений со специальным субъектом, основания для морального осуждения личности которого в отдельных случаях исчерпываются только формальными признаками. Данный вывод особенно актуален в контексте продолжающейся специализации уголовного закона.

Тем не менее, независимо от места статуса в социальной иерархии, специальный субъект пренебрегает предъявляемыми к нему в связи с

¹ Там же. С. 19.

² Номоконов В.А. О проблеме изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 6.

занимаемым социальным положением требованиями и ожиданиями, что свидетельствует о наличии таких характеристик ценностно-нормативной сферы, которые обуславливают субъективное искаженное восприятие социального значения возложенной на него социальной функции.

Значение ценностно-нормативной сферы для выявления качественных личностных особенностей преступника неоднократно подчеркивалось в криминологической литературе. Так, И. И. Карпец и А. Р. Ратинов указывали, что «преступников отличает не только и не столько степень искажения их социального сознания, сколько качественное содержание имеющихся искажений»¹. К аналогичному выводу приходят современные ученые Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов: «...преступники от непроступников в целом отличаются нравственно-психологической спецификой»².

Ценностно-нормативная сфера личности образует отдельную подсистему в структуре личности и охватывает потребности и интересы, формирующие конкретные мотивы деятельности лица. При этом мотивационная структура личности преступника отличается наличием в ней квазипотребностей, т. е. потребностей-наслоений³. Для обозначения последних Э. Фромм использовал категорию «желаемое», противопоставляя ей понятие «желательное»: «...люди хотят иметь не только то, что нужно им для выживания, и не только то, что составляет материальную основу достойной человека жизни. Большинство людей нашего культурного ареала (и проживающие в сходных исторических условиях) отличаются алчностью: накопительство, неумеренность в пище и питье, необузданность в сексе, жажда власти и славы и т. д.»⁴.

¹ Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 49.

² См., например: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. . Указ. соч. С. 49.

³ См., например: Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: учебник: в 2 ч. Ч. II: Юридическая психология. М., 1996. С. 143; Миньковский Г.М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. Вып. 27. С. 18–35.

⁴ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2006. С. 133.

В совокупности с личностными установками – взглядами, убеждениями – квазипотребности характеризуют мотивировку личности, на основе которой делается вывод о направленности личности в целом¹.

Таким образом, именно в особенностях ценностно-нормативной сферы личности или, как ее еще называют, социально-психологической или мотивационной сферы², кроются те относительно устойчивые признаки, которые определяют факт совершения преступного деяния и выступают критериями прогноза продолжения преступной деятельности. Этот вывод справедлив и для личности преступника, совершившего деяние с использованием своего социального статуса и роли. При этом мы полагаем, что в последнем случае в механизме совершенного деяния проявляются такие взаимосвязь и взаимовлияние дефективной ценностно-нормативной сферы и особенностей социально-демографических признаков личности, которые обуславливают, как правило, повышение ее общественной опасности и свидетельствуют о необходимости выделять личность специального преступника в качестве самостоятельного криминологического типа.

Так, потребности, ценности, установки и идеалы, образующие ценностно-нормативную сферу личности, имеют значение постольку, поскольку объективируются в социально значимой деятельности индивида – в данном случае, преступной. Как отмечается исследователями, образующая индивида «...система качеств, с одной стороны, проявляется в его деятельности, а с другой – в этой деятельности формируется»³. Вместе с тем содержание индивидуальной деятельности определяется еще одной подсистемой личности – социально-демографическими характеристиками «пола, возраста, образования, социального и семейного положения, рода занятий, места жительства, материального положения, жилищно-бытовых

¹ *Игошев К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 77–111.

² *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. М., 2011. С. 634–642.

³ *Коган М.С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., 1974. С. 255.

условий, должностного положения, места работы, судимости...»¹. Важно, что социальный статус и роль личности, кроме этого, оказывают воздействие и на ее мотивационную сферу, причем речь идет о статусе и роли, имеющих ключевое значение в «ролевом наборе» личности².

Именно на подобный эффект рассчитано закрепление в соответствующих кодексах профессиональной этики той совокупности нравственных качеств, наличие которых презюмирует факт обладания индивидом конкретным социальным статусом и ролью – например, статусом государственного или муниципального служащего, аудитора, прокурорского работника, сотрудника внутренних дел, работника школы, адвоката, судьи, нотариуса и др.³.

В то же время социальный статус – это всегда позиция, «...которая связана с кругом прав и обязанностей, привилегий и обязательств, прописанных законом возможностей или ограничений, признанных публично и поддерживаемых авторитетом общественного мнения»⁴. Примером такого формально-закрепленного статусного преимущества можно считать предусмотренные законодателем гарантии неприкосновенности и безопасности в отношении определенной категории лиц, связанных с «выполнением субъектами специфических функций в межгосударственных, государственных

¹ Лунев В.В. Указ. соч. С. 623. Социальный статус и роль в качестве самостоятельной подсистемы личности преступника выделены в монографиях Бурлакова В.Н. Личность преступника и назначение наказания. Л., 1986. С. 45; Сахарова А.Б. Указ. соч. С. 27; в *Российская криминологическая энциклопедия* / под ред. А.И. Долговой. М., 2000. С. 298; в *Криминология: учебник* / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 117.

² См., например: Мертон Р. Указ. соч. С. 540; Немировский В.Г. Указ. соч. С.118; Шибутани Т. Указ. соч. С. 59.

³ См., например: *Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих* (одобрен решением Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол N 21) // *Официальные документы в образовании*, декабрь 2011 г. № 36; Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17.03.2010 № 114. URL: <http://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14294/> (дата обращения: 26.09.2016); *Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации* (утв. Минюстом России 19.01.2016). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2016).

⁴Цит. по: Бельский В.Ю. Социология для юристов: учебное пособие. М., 2012. С. 131.

и общественных отношениях» и нацеленных «прежде всего, на защиту публичных интересов»¹. Речь идет об особом порядке судопроизводства по уголовным делам, который актуален для лиц, занимающих государственные должности². При этом содержание указанных гарантий не ограничивается применением особого порядка производства по уголовным и административным делам, но включает также иные меры правового и социального характера в отношении должностного лица и его близких.

Усложненный характер привлечения к ответственности за нарушение закона является характеристикой конкретной жизненной ситуации, в которой совершается преступление. На наш взгляд, указанное обстоятельство следует рассматривать как еще одно преимущество, явствующее из социального статуса и роли специального субъекта и способное укрепить решимость совершить преступление. С целью объективного изображения ситуации можно привести результаты социологического исследования, в рамках которого 46% судей районных судов г. Перми согласились с указанным утверждением и такое же количество судей дали отрицательный ответ.

В то же время статусно-ролевое взаимодействие личности и общества регулируется также и с помощью неформальных норм, учитывающих авторитетность конкретного статуса, сопутствующие ему связи и знакомства, наличие доступа к материальным, информационным, человеческим ресурсам, способность оказывать влияние на поведение лиц, находящихся в материальной, служебной, родственной зависимости, а также принадлежность к определенной социальной группе, обуславливающую феномен корпоративной солидарности («круговой поруки»). Применительно к ряду составов должностных преступлений законодатель использует термин «покровительство», подразумевая под ним именно «сопутствующие»

¹ Цараев А.А. Указ. соч. С. 54.

² Об утверждении статистического отчета «Сведения о деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по противодействию коррупции»: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 28 марта 2011 г. № 41. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2016).

статусному положению возможности: «авторитет, влияние на других должностных лиц, связанные с занимаемой должностью», «создание препятствий конкурентом, устранение их экономическими или административными методами», «предоставление служебной информации, недоступной конкурентам»¹ и др. Вместе с тем иные социальные статусы, не связанные с должностью лица, также предоставляют сопутствующие неформальные возможности, облегчающие совершение деяния.

Важно, что укрепление решимости осуществить преступный замысел происходит, в том числе, за счет специфики субъективных переживаний потерпевшего: доверительное отношение, признание авторитетности должностного лица и собственного подчиненного положения. Содержание субъективных переживаний виновного в этом случае представляет собой характер реакции.

Зависимость – ключевой термин в характеристике взаимоотношений специального преступника и потерпевшего: последний чувствует свою несвободу и беспомощность, если решение конкретного вопроса предполагает использование особых правомочий и связей, у него отсутствующих; именно это обстоятельство и служит условием обращения к должностному лицу. Поэтому в общественных отношениях, организованных на началах бюрократических взаимозависимостей, рядовой гражданин неизбежно оказывается носителем виктимных качеств, а само социальное устройство выступает виктимогенным фактором. Отмечая высокую распространенность злоупотреблений зависимым положением подчиненных в Вооруженных силах Российской Федерации и правоохранительных органах, В. Н. Борков связывает это со «...спецификой взаимоотношений в силовых структурах между командирами и подчиненными,

¹ *Панова Н.* Предоставление льгот и преимуществ или покровительство в иной форме как признак состава незаконного участия в предпринимательской деятельности (обобщение судебно-следственной практики) // Уголовное право. 2015. № 4. С. 46-51.

обусловленных осуществляемыми данными организациями государственными функциями, единоначалием и дисциплиной»¹.

Так, потерпевшие Н., Х., Л., А., Л2., находясь в служебной зависимости от К., являвшегося ректором вуза и их непосредственным руководителем, опасаясь, что, в случае отказа от передачи части премии, тот в последующем лишит их возможности получать материальные поощрения, вынуждены были выполнить незаконные требования К. и передали ему необходимую сумму, которой К. распорядился по собственному усмотрению².

Специфика психологических взаимоотношений потерпевших и специальных преступников отражается не только на способе совершения деяния, но и на характере преступных последствий. Например, К. и М., будучи должностными лицами органов внутренних дел, допустили задержание и помещение в медицинский вытрезвитель Г. и Г2., осознавая, что они находятся в состоянии лишь легкой степени алкогольного опьянения. При этом, действуя умышленно, совместно, без предупреждения применили физическую силу к Г2., нанеся ей удар электрошокером в кисть руки. Далее, продолжая превышать должностные полномочия, виновные применили физическую силу к Г., после чего осуществили действия по привязыванию Г. и Г2. к кровати ремнями в отсутствие проявлений буйства и агрессии со стороны потерпевших³.

В данном случае преступные последствия состоят не только в причинении индивидуального вреда потерпевшему. Возникновение у него неприязненного чувства, обиды по отношению к виновному принимает форму негативного отношения в целом к тем структурам, которые представляет виновный. В приведенном примере из судебной практики о подрыве авторитета органов внутренних дел как одном из преступных последствий деяния свидетельствуют слова потерпевшего Г.: «Раньше я к сотрудникам милиции

¹Борков В.Н. Квалификация незаконного сбора начальником денежных средств с подчиненных // Уголовное право. 2015. № 6. С. 4-8.

² См.: *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2010 г. Уголовное дело № 1-140/2010.

³ Там же.

относился положительно, теперь у меня нет доверия к милиции». Между тем учеными уровень доверия к правоохранительным органам признается «ключевым показателем стабильности общества, эффективного выполнения государством своей базовой функции – обеспечения безопасности и социального благополучия граждан»¹.

Таким образом, статусно-ролевые характеристики социально-демографической сферы личности специального преступника оказывают существенное влияние на особенности ее ценностно-нормативной или мотивационной сферы. Как уже было отмечено, именно искаженность данной сферы образует устойчивый признак, отличающий личность неправошителя от личности правошителя – этот вывод справедлив и для личности специального правошителя, соотносящегося с последним как частное и общее. Компонентом ценностно-нормативной сферы является правосознание. Очевидно, что любое противоправное деяние свидетельствует о наличии дефектов правосознания у виновного лица. При этом дефекты правосознания в теории определяются как «негативное отношение к праву, противопоставление ему узкоэгоистических, своекорыстных интересов и устремлений индивида»².

Однако, на наш взгляд, наиболее ярким примером выступают преступления, представляющие собой общественно опасное невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанным субъектом специальных правил, регулирующих определенные уголовно охраняемые общественные отношения. Имеет место не только осознание факта нарушения требований социального статуса и роли и соответствующих ожиданий общества, но и преступный характер этого нарушения – несоблюдение уголовно-правового запрета.

Речь в данном случае идет о конкретных обязанностях, поименованных в инструкциях, ведомственных актах и законах и известных субъекту в связи с занимаемой должностью, служебным положением, характером

¹ *Фролова Е.В.* Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 3. С. 525-537.

² *Еникеев М.И.* Указ. соч. С. 47.

профессиональной деятельности, статусом в судопроизводстве или содержанием отношений с потерпевшим. Например, причинение тяжкого вреда здоровью и наступление смерти пациента в сфере здравоохранения связано, как правило, «...с несоблюдением медицинскими работниками требований законов и подзаконных нормативных актов, регулирующих их профессиональную деятельность»¹.

Одна из форм выражения специфики правосознания личности специального преступника – феномен «круговой поруки», или корпоративной солидарности, который распространен как в государственных, так и в негосударственных структурах. Действия лиц, руководствующихся указанными мотивами, могут иметь юридически значимые последствия. Так, начальник отдела по борьбе с преступлениями в сфере связи Ш., с целью подписания потерпевшим К. протокола допроса свидетеля с внесенными туда заведомо искаженными показаниями, значимыми для производства по другому уголовному делу, выбил стул из-под К., после чего нанес несколько ударов ногами по лежащему на полу К., а когда последний встал, развернул его лицом к стене, завел руки за спину, раздвинул ноги и нанес несколько ударов по телу потерпевшего. Затем Ш. нанес удар кулаком по лицу К., от чего тот потерял сознание. Присутствовавшие при этом четыре сотрудника милиции, наблюдавшие за происходящим, при расследовании преступления, совершенного Ш., утверждали, что ни физического, ни психического насилия к потерпевшему применено не было, телесных повреждений у К. они не видели. Исследуя доказательства, суд критически оценил свидетельские показания указанных сотрудников, объяснив их «желанием из чувства корпоративной солидарности помочь начальнику оперативного отдела»².

¹ Багмет А.М., Черкасова Л.И. Криминалистические особенности расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Российский следователь. 2014. № 1. С. 10-14.

² См.: *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2009 г. Уголовное дело № 1-316/2009.

Интересно, что феномен корпоративной солидарности может быть охарактеризован как избирательно действующий. Например, сотрудник патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности С., воспользовавшись тем, что потерпевший Б. был задержан в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, в ходе его личного досмотра из корыстной заинтересованности незаконно изъяс у Б. сотовый телефон, который присвоил себе. Анализ служебной характеристики на виновного С. показывает, что, вопреки мышлению корпоративного коллективизма, в ней прямо указывается на недостаточную добросовестность С. в части исполнения должностных обязанностей, а также на его недисциплинированность¹. Поскольку действия С. были квалифицированы по ч. 1 ст. 158 и ч. 1 ст. 285 УК РФ, мы не можем соотнести факты проявления корпоративной солидарности с общеуголовным характером деяния. Наиболее заметной выглядит связь с конкретным должностным положением виновного лица, в данном случае невысоким.

Следует отметить, что феномен корпоративной солидарности характерен для любой социальной группы, организованной по признаку профессиональной деятельности. В частности, «корпоративность в медицинской среде»², существенно усложняя процедуру расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками, обуславливает высоколатентный характер указанных деяний.

Таким образом, пренебрежение специальным субъектом требованиями и ожиданиями, следующими из его социальных статуса и роли, свидетельствует о дефективности его личностной ценностно-нормативной сферы, и прежде всего, правосознания. Здесь же следует учитывать статусно-ролевые возможности субъекта влиять на потерпевшего и определять его поведение в силу

¹ См.: *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2009 г. Уголовное дело № 1-244/2009.

² *Багмет А.М., Черкасова Л.И.* Указ. соч. С. 10-14.

профессиональной, служебной, должностной, родственной, материальной зависимости последнего, о чем было сказано выше.

Вывод об общественной опасности личности виновного не может быть сделан без учета влияния внешних факторов на его преступное поведение. С этой позиции характеристики социального статуса и роли специального преступника обладают важным объяснительным потенциалом для понимания механизма совершения преступления, поскольку одновременно характеризуют и микросреду, в которой он действует. В криминологической теории для обозначения сегмента микросреды, в котором непосредственно происходит совершение преступления, принято использовать термин «конкретная жизненная ситуация» – это «и очевидцы, и потерпевшие, и условия, в которых совершено преступление и т. д.»¹. Преступления со специальным субъектом совершаются всегда в таких условиях конкретной жизненной ситуации, которые оказываются непосредственно связанными с социальным статусом и ролью виновного. Следует здесь указать и на прогностический потенциал статусно-ролевой характеристики личности специального субъекта преступления.

Так, Б., занимая должность главного врача муниципального учреждения здравоохранения, используя свое служебное положение, израсходовал целевые средства государственного внебюджетного фонда обязательного медицинского страхования Омской области на ремонт помещений поликлиники, техническое обслуживание пожарной автосигнализации, повышение квалификации сотрудников и иные хозяйственные нужды учреждения. Указанные действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 285.2 УК РФ «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов». Вывод о вынужденном должностном злоупотреблении следует из показаний свидетеля В., занимающего должность заместителя директора Департамента здравоохранения администрации г. Омска: «Главные врачи в связи с

¹ Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 8.

недостаточным финансированием используют средства обязательного медицинского страхования не по целевому назначению на свой страх и риск»¹.

Аналогична ситуация по делу Г., который, занимая должность начальника домоуправления, злоупотребил должностными полномочиями, фиктивно оформив трудоустройство работников домоуправления с начислением заработной платы и последующей ее выплатой третьим лицам, фактически исполнявшим указанные трудовые обязанности. В ходе расследования был установлен факт иной личной заинтересованности виновного лица, заключающейся в том, что в результате указанных действий «была налажена работа в домоуправлении по обслуживанию вверенного Г. жилищного комплекса...»².

Поскольку в механизме совершения преступления личностные особенности преступника дополняются воздействием внешней среды, то в каждом случае требуется выяснить степень обусловленности преступного деяния спецификой непосредственной социальной ситуации. Об уголовно-правовом значении конкретной жизненной ситуации можно судить на примере так называемых провокационно-подстрекательских действий сотрудников полиции по «созданию обстановки, в которой склонное к получению взяток должностное лицо могло бы выступить инициатором коррупционных отношений»³.

Таким образом, особенности взаимовлияния социального статуса и роли субъекта, его искаженной ценностно-нормативной сферы и специфического отношения потерпевшего, как правило, зависящего от виновного, позволяют говорить о повышенной общественной опасности лица, что также подлежит учету судом при назначении наказания. Поэтому актуально замечание

¹ См.: *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2010 г. Уголовное дело № 1-396/2010.

² См.: *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2011 г. Уголовное дело № 1-20/2011.

³ *Борков В.* Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. № 1. С.16-21.

А. Варыгина о том, что «...давно замечены различные воззрения на мораль, право, поступки у лиц с различным характером выполняемого труда. Род деятельности преступника часто определяет его потребности, интересы, круг общения...»¹.

В криминологии общественная опасность рассматривается как качественное свойство личности преступника. При этом если, с одной стороны, общественная опасность лица, совершившего преступление, «заключается в возможности совершения им нового преступления»², то, с другой стороны, вывод о ее наличии и степени делается на основе уже проявившейся в совершенном преступлении совокупности личностных свойств виновного, а также с учетом допреступного и постпреступного поведения.

Вследствие этого выявленные особенности социально-демографической и ценностно-нормативной сфер личности субъекта, совершившего преступление в связи с социальным статусом и ролью, позволяют отличать ее и от личности неправошника, и от личности правошника вообще. На наш взгляд, имеются основания для выделения личности специального правошника как особого социально-криминологического типа личности правошника, отличающегося, как правило, повышенной степенью общественной опасности, в основе которой лежит взаимосвязь социального статуса и роли правошника с дефектами правосознания и правовыми возможностями виктимизации. При этом личность специального правошника соотносится с личностью правошника как частное с общим. Сущность данного типа заключается в том, что уголовно-правовые специальные признаки субъекта в криминологическом смысле выступают характеристикой форм взаимодействия личности и социальной среды, в которых искажения ценностно-нормативной сферы, дефективность правосознания, характерные для личности правошника вообще, получают специфическое внешнее выражение. В конечном счете, качественным типовым

¹ *Варыгин А.* Особенности воздействия на преступность сотрудников органов внутренних дел // Уголовное право. 2003. № 3. С. 123-125.

² *Волженкин Б.В.* Общественная опасность правошника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90–98.

отличием личности специального преступника является ее, как правило, повышенная степень общественной опасности. При этом перспективный ее аспект связан с криминогенным характером социального статуса и роли лица, которые содержат возможность посягательств на специфические сферы общественных отношений.

Основными выводами настоящего параграфа являются следующие положения:

личность специального субъекта преступления – это особый социально-криминологический типа личности, отличающийся, как правило, повышенной степенью общественной опасности, в основе которой лежит взаимосвязь социального статуса и роли преступника с криминологическими угрозами, широким диапазоном виктимизации, криминальной целеустремленностью, правовым нигилизмом, возможностями и умениями противодействовать предварительному расследованию.

§3. Уголовная политика в отношении преступлений со специальными субъектами

Особый интерес при исследовании института специального субъекта преступления в криминологическом ключе представляет анализ современной уголовной политики государства по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием социального статуса или роли.

Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию понятия уголовной политики, ее структуры и форм реализации, на сегодняшний день единое понимание самого термина отсутствует. Н. А. Лопашенко говорит о трех сложившихся подходах к его определению – широком, среднем и узком¹. Так, согласно широкому подходу, под уголовной политикой понимается «...деятельность государства, направленная на борьбу с

¹ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 6-15.

преступностью с использованием мер правового, экономического, нравственно воспитательного, организационного, технического и иного характера»¹. В рамках среднего подхода уголовная политика отождествляется с совокупностью «...других правовых политик так называемых криминальных отраслей»². Наконец, под уголовной политикой в узком понимании подразумевается «...только та часть государственной политики в области борьбы с преступностью, которая осуществляется средствами и методами уголовного права»³.

Последняя позиция представляется наиболее интересной, поскольку напрямую обозначает связь между уголовным правом, уголовным законом и деятельностью по противодействию преступности: «То, какой власть хочет видеть преступность, и каким способом она готова привести преступность в это состояние, и есть уголовная политика государства. Уголовная политика – это отношение власти к преступности»⁴.

В определениях данного неоднозначного термина высказаны не менее разнообразные позиции относительно содержания уголовной политики. В частности, согласно одной из них, в содержание уголовной политики следует включать «...комплекс взаимосвязанных, но, вместе с тем, относительно автономных подсистем: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую, пенитенциарную, оперативно-розыскную политику»⁵.

¹ *Мониторинг* уголовной политики России / под ред. С.В. Максимова. М., 2014. С. 59.

² *Лопашенко Н.А.* Указ. соч. С. 11. Этой же позиции придерживаются, например, *Загородников Н.И., Стручков Н.А.* Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 4; *Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В.* Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 7.

³ *Основания* уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. С. 16. Этой же позиции придерживаются, например, *Клейменов М.П.* Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4. С. 27-29.

⁴ *Александров А.И.* Государственно-правовая политика в сфере уголовного судопроизводства: состояние, проблемы, решения // Российский следователь. 2008. № 15. С. 7.

⁵ *Бабаев М., Пудовочкин Ю.* Проблемы российской уголовной политики. М., 2014. С. 11.

В соответствии с другой позицией, содержание уголовной политики образовано «...установлением самих принципов и иных общих положений уголовного законодательства; оснований и пределов преступности и наказуемости конкретных видов деяний; общих начал и специализированных правил назначения наказания совершившим преступления лицам; оснований и пределов освобождения от уголовной ответственности и наказания»¹.

Поэтому формами реализации уголовной политики выступают, с одной стороны, законотворческая деятельность по нормативному наполнению каждого из перечисленных направлений, а с другой – «...применение норм материальных и процессуальных отраслей права криминального цикла»². Выделяется и такая форма реализации, как деятельность «...по профилактике и предупреждению преступности, правовому воспитанию граждан и развитию правовой культуры и преодолению правового нигилизма»³.

Сообразно содержанию и формам уголовной политики выделяются методы ее реализации – криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, дифференциация и индивидуализация ответственности.

Как правило, именно из особенностей содержания, форм и методов реализации учеными делается вывод об актуальном состоянии уголовной политики в целом, безотносительно к определенной группе деяний, либо в определенной части – применительно к преступлениям конкретного вида. При

¹ *Панченко П.Н.* Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч. ст. Ярославль, 1996. С. 108.

² *Миньковский Г.М.* Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД Российской Федерации: Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. М., 1995. С. 25. Этой же позиции придерживаются, например, *Бабаев М., Пудовочкин Ю.* Указ. соч. С. 20; *Лопашенко Н.А.* Указ. соч. С. 46-52. В то же время С.С. Босхолов именует формы уголовной политики ее направлениями (см. *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 2004. С. 99).

³ *Авдеев В.А., Авдеева О.А.* Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 12-24.

этом тенденции, выявляемые на общем уровне, имеют место на уровне особенном; это соотношение выполняется и для уголовной политики применительно к преступлениям специальных субъектов. Отсюда кризисное состояние, поразившее современную уголовную политику России¹, характеризует и отдельные ее части, в том числе – уголовную политику в отношении преступлений со специальными субъектами.

Так, о неблагополучии в правотворческой составляющей деятельности свидетельствует «...одновременная пробельность и избыточность криминализации деяний», «социальная и криминологическая необоснованность некоторых предписаний УК РФ»². Подавляющая часть новелл Особенной части кодекса активно критикуется научным сообществом: отмечается отсутствие системности и конъюнктурный характер изменений³. В то же время «...законы, отражающие сущность уголовной политики, должны в максимальной степени отражать объективный ход социального развития и уровень развития общества. В противном случае их создание на основе интересов только господствующей публичной власти приводит к игнорированию таких законов и их нарушению»⁴.

Применительно к преступлениям со специальным субъектом правотворческая составляющая уголовной политики характеризуется продолжающимся движением законодателя в направлении специализации уголовного закона. Об этом свидетельствует динамика криминализации деяний,

¹ См., например: *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской политики // Уголовное право. 2004. № 3-4. С. 133; *Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 297; *Зинченко И.А., Трапигин А.Ю.* Уголовная политика: понятие, проблемы, перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9. С. 86-92.

² *Пояснительная записка к проекту Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации.* URL: <http://www.gosbook.ru/node/56448> (дата обращения: 25.06.2015).

³ *Кобзева Л.Е., Лопашенко Н.А.* Тенденции реформирования российского уголовного законодательства на основе анализа внесенных в него изменений. URL: http://sartracc.ru/print.php?print_file=Explore/refroslaw10.htm#_ftn1 (дата обращения: 25.06.2015).

⁴ *Кондрат И.Н.* Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 105-109.

совершаемых субъектом в связи со своим социальным статусом и ролью. Так, за период с 1996 г. по февраль 2017 г. число соответствующих норм Особенной части УК РФ выросло со 130 (при общем количестве статей – 256) до 179 (при общем количестве статей – 349)¹. При этом далеко не каждое нововведение получает положительную оценку ученых: например, в отношении новых видов мошенничества, введенных ст. ст. 159.1-159.6 УК РФ, высказаны замечания об отсутствии реальной социальной потребности в подобном изменении уголовного закона².

Как отмечает И. Н. Сенякин, «цель правовой специализации – наиболее полно и точно охватить всевозможные особенности, новизну и динамику развивающихся общественных процессов, определить качественное состояние таких преобразований»³. При этом «специализация закона не самоцель, она должна разумно сочетаться с унификацией, которая предполагает устранение различий в регулировании сходных либо родственных явлений, способствует уменьшению объема правового материала и выработке единой терминологии закона»⁴.

Специальным нормам уголовного закона придается значение «традиционных средств дифференциации ответственности», применяемых законодателем с учетом «типовой степени общественной опасности деяния» и направленных на «...ограничение судебного усмотрения [...]: чем больше сфера дифференциации, чем подробнее регламентировал законодатель усиление и ослабление ответственности, тем меньше сфера индивидуализации

¹ При подсчете учитывались нормы Особенной части УК РФ, содержащие основные составы преступлений со специальными субъектами.

² См., например: *Голык Ю., Коробеев А.* Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // *Уголовное право.* 2013. № 2. С. 16-17; *Лопашенко Н.А.* Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // *Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права.* 2015. № 3. С. 504-513.

³ *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1993. С. 2.

⁴ *Сенякин И.Н.* Указ. соч. С. 2.

и свободы правоприменителя действовать по своему усмотрению. И наоборот»¹.

Анализ специальных норм, введенных в Особенную часть УК РФ 1996 года за последние пять лет, показывает, что в большинстве случаев законодатель преследовал именно цель дифференциации ответственности за совершение деяний путем использования социального статуса и роли. При этом мониторинг статистических данных о состоянии преступности позволяет сделать вывод об отсутствии реальной социальной потребности в криминализации существенной части этих деяний. Например, с момента своего появления ни разу не применялись нормы ст. ст. 172.1, 212.1, 217.1, 217.2, 235.1, 243.1, 243.3, 271.1, 330.1 УК РФ. Случаи применения другой части норм носят прецедентный характер: так, за период 2013-2015 гг. по ст. 173.1 УК РФ было осуждено всего 20 человек, по ст. 173.2 – 7 человек, по ст. 193.1 – 9 человек, по ст. 243.3 – 10 человек, по ст. 330.1 – 1 человек, по ст. 330.2 – 2 человека.

Можно выказать уверенность, что не будут применяться ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и ст. 230.2. «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» УК РФ. Поскольку соответствующие уголовно-правовые нормы вообще не применяются, можно констатировать, что они имеют имитационное значение. Результатом их введения выступает скорее усложнение уголовного закона и его перенасыщенность нормами казуального характера, чем предупредительный эффект и способствование делу противодействия преступности. Поэтому оптимизация правотворческой составляющей уголовной политики применительно к преступлениям специальных субъектов требует, в первую очередь, более внимательного отношения к криминализации соответствующих деяний и строгого исполнения

¹Лесниевски-Костарева Т.А. Указ соч. С. 14.

разработанных уголовно-правовой теорий требований и правил¹. Очевидно, что конъюнктурность законодательной деятельности в принципе недопустима, тем более в уголовно-правовой сфере, связанной с наибольшими возможностями ограничений конституционных прав и свобод личности.

Наряду с правотворчеством в кризисном состоянии находится и вторая составляющая современной уголовной политики Российской Федерации – правоприменение, о чем свидетельствуют показатели уровня рецидива, динамика преступности в целом и ее отдельных видов в частности, увеличение массы латентных деяний. Адекватность уголовной политики социальным требованиям и ожиданиям определяется реакцией государства на совершенное преступление, и эта реакция должна не только фиксировать законные интересы преступника и потерпевшего, но и максимально учитывать позицию общества. Речь идет, в первую очередь, об эффективности наказаний, предусмотренных законодательно и назначаемых судами на практике – в данном случае, за преступления со специальным субъектом.

Наказание представляет собой уголовно-правовую оценку той или иной формы поведения, запрещенной уголовным законом, ее общественной опасности², и в силу жесткой связи между преступлением и наказанием³ предопределяется качественными особенностями конкретной противоправной формы поведения. Анализировать специфику уголовных наказаний необходимо с учетом их социальной обусловленности: «суровость наказания может существенно варьироваться и часто является результирующей политических пристрастий и политических векторов, которые имеют малое касательство к собственно системе наказаний»⁴.

¹ См.: *Прокументов Л.М.* Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 82, 89.

² См.: *Жалинский А.Э.* Указ. соч. С. 28.

³ См.: *Марцев А.И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права // *Избранные труды.* Омск, 2005. С. 109.

⁴ *Фомивко А.Ф.* Указ. соч. С. 97.

Процентное повидовое соотношение всех видов наказаний, установленных за совершение преступлений со специальным субъектом, выглядит следующим образом¹: наказания, связанные с изоляцией от общества, – 119% (из них лишение свободы – 86%; арест – 19%; ограничение свободы – 14%); наказания, связанные с привлечением к труду, – 88% (из них принудительные работы – 55%; обязательные работы – 18%; исправительные работы – 15%); штраф как основное наказание – 49%; лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью как основное наказание – 8%, как дополнительное – 36%; воинские наказания – 11%.

Таким образом, среди законодательных мер наказания за преступления со специальным субъектом доминируют лишение свободы, принудительные работы и штраф.

Как известно, в содержании санкции уголовно-правовой нормы – видов, размеров или пределов наказания – выражаются представления законодателя о «типичном»² характере общественной опасности преступления³ и об общественной опасности личности преступника⁴.

Следовательно, по мысли законодателя, в большинстве случаев личность специального субъекта преступления и его преступное деяние представляют такую общественную опасность, которая несовместима с пребыванием виновного в обществе. Кроме того, предусматривая почти в половине случаев наказание в виде штрафа, законодатель, по-видимому, руководствовался

¹ Поскольку среди уголовно-правовых санкций за указанные виды преступлений имеются альтернативные и кумулятивные, то сумма показателей не может быть равной 100%.

² Соловьев О., Самойлов А. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 5. С. 75–79.

³ См., например: Анисимков В.М., Королева Е.В. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // Российский следователь. 2014. № 1. С. 32-35; Гребенкин Ф. Общественная опасность преступления и ее характеристики // Уголовное право. 2006. № 1. С. 22–26.

⁴ См.: Хан-Магомедов Д.О. Санкции уголовно-правовых норм и практика применения наказаний // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 25. С. 67–77.

корыстной составляющей в субъективной стороне преступлений со специальным субъектом.

В уголовно-правовой теории является признанным положение о необходимости соответствия вида наказания характеристикам совершенного преступления, что выступает условием его эффективности в каждом конкретном случае. Так, З. А. Тадевосян обращает внимание на мотивы преступления, которым должно соответствовать назначаемое наказание¹. О побудительных причинах преступления как его характеристике, определяющей вид назначаемого наказания, также говорят П. П. Осипов и И. А. Исмаилов². На «адекватность отражения объектов уголовно-правовой охраны» целям наказания и тесную с ними связь указывает О. Н. Бибик, выделяя при этом цели наказания, выступающие основными «по отношению к определенной категории преступников и конкретному наказанию»³.

Кроме того, в правовой литературе высказано мнение об учете в санкциях уголовно-правовых норм повышенной общественной опасности деяний, совершаемых лицами с определенным статусом⁴.

Выявленное соотношение видов наказаний за преступления со специальным субъектом не вызывает возражений, поскольку, во-первых, повышенная степень общественной опасности указанных деяний (в большинстве случаев) предполагает более строгую ответственность за их совершение, что, в частности, выражается в превалировании лишения свободы среди видов наказаний в санкциях соответствующих норм. Во-вторых, введение альтернативного лишению свободы наказания в виде принудительных работ рассчитано на смягчение наказания при наличии необходимых для этого

¹ См.: Тадевосян З.А. Штраф как мера уголовного наказания по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 128.

² См.: Осипов П.П., Исмаилов И.А. О системе санкций и назначении наказания за преступления против личных интересов граждан. Л., 1973. С. 98.

³ Бибик О.Н. Культурная обусловленность уголовного наказания. М., 2013. С. 167-168.

⁴ См.: Быкова Е., Казаков А. Указ. соч. С. 9-12.

оснований¹. В-третьих, целям индивидуализации наказания также служат штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности, предусмотренные значительным количеством санкций, а также иные, альтернативные виды наказания. В этой связи интерес представляют выводы С. В. Максимова, который на основании сопоставления законодательной и правоприменительной мер наказания в виде штрафа делает заключение о фактической недостижимости чиновников для уголовного закона. Ученый рассуждает следующим образом: «При риске быть разоблаченным в 0,14% случаев штраф в нынешних условиях для чиновников-коррупционеров должен быть не меньше 105 млн. руб.»².

Как уже было отмечено, в действующем УК РФ в 49% случаев за преступления со специальным субъектом предусмотрено наказание в виде штрафа. Вместе с тем из анализа судебной практики по назначению наказаний за совершение указанных преступлений явствует, что штрафным санкциям, как правило, подвергаются субъекты служебных преступлений³ и должностных преступлений – лица, чьи социальные статусы занимают верхние ступени в сложившейся в обществе иерархии статусов.

На рисунке 5 представлено соотношение количества осужденных к штрафу по различным видам преступлений со специальным субъектом за 2015 г.⁴:

¹ Хотя в целом правовая природа принудительных работ остается неясной ни для теоретиков, ни для практиков (см., например: *Благов Е.* Принудительные работы // Уголовное право. 2012. № 2. С. 15–18; *Голик Ю.* Очередная модернизация Уголовного кодекса Российской Федерации // Там же. С. 29–35; *Бриллиантов А.* Правовые проблемы применения принудительных работ // Там же. № 6. С. 16–20; *Бутенко Т., Петров М., Татауров О.* Принудительные работы: самостоятельный вид уголовного наказания или альтернатива лишению свободы? // Там же. № 4. С. 22–24).

² *Максимов С.В.* Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2008. С. 33.

³ Согласно классификации, представленной в §2 главы 1 настоящего исследования, в указанную группу в основном входят преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ).

⁴ *Форма 10.3* «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2015 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 11.05.2016).

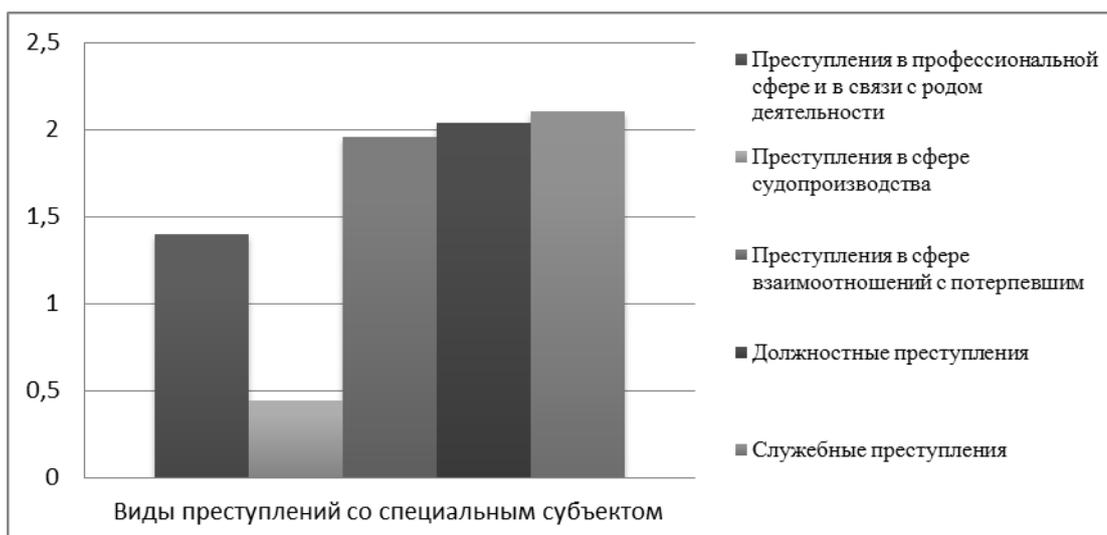

Рис. 5. Количество осужденных к штрафу за отдельные виды преступлений со специальным субъектом в 2015 г.

Подобная ситуация характерна для судебной практики за 2011–2014 гг.¹ Как правило, размеры назначаемых штрафов не превышают 500 тыс. руб. Так, в 2015 г. количество штрафов за служебные преступления в размере до 25 тыс. руб. составило 15%, а от 25 до 500 тыс. руб. – 83%. При этом необходимо учесть, что подавляющая доля служебных преступлений – это преступления, совершаемые руководителями коммерческих организаций и индивидуальными предпринимателями. По должностным преступлениям за этот же период указанное соотношение выглядит как 28% и 70% соответственно².

¹ *Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2011 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 14.07.2013); *Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2012 года» // Там же; *Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2013 года» // Там же; *Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2014 года» // Там же.****

² *Форма 10.3.1 «Приложение к форме № 10.3 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 12 месяцев 2015 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 11.05.2016).*

На рисунке 6 сопоставлены процентные доли осужденных за рассматриваемые преступления к штрафу, реальному и условному лишению свободы¹ от общего числа осужденных специальных субъектов преступления:

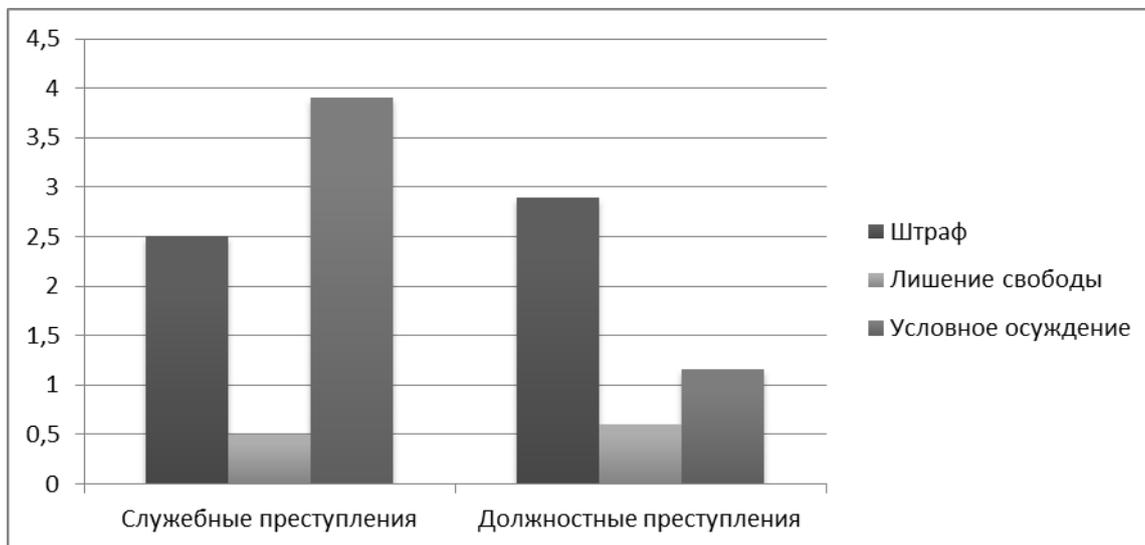

Рис. 6. Доля осужденных к штрафу, лишению свободы и условному осуждению за служебные преступления и должностные преступления в 2015 г.

Подобная ситуация характерна и для судебной практики за период 2011–2014 гг.². При этом основная масса осужденных к лишению свободы в данном случае приговорена к срокам до 3 лет включительно. Так, по служебным преступлениям их доля составила 82%, а по должностным

¹ Форма 10.3.1 «Приложение к форме № 10.3 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 12 месяцев 2015 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 11.05.2016).

² Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2011 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 14.07.2013); Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2012 года» // Там же; Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2013 года» // Там же; Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2014 года» // Там же.

преступлениям – 59%¹. Указанная тенденция характерна и для преступлений со специальным субъектом в целом.

Из этого следует, что, во-первых, правоприменительная оценка общественной опасности отдельных видов преступлений со специальным субъектом мягче законодательной оценки, поскольку фактически назначенное наказание чаще всего связано с наименее суровыми мерами – штрафом и условным осуждением. Эффективность последнего следует оценивать в свете установленного факта высокого уровня повторной преступности условно осужденных².

Во-вторых, в случае если лишение свободы все же назначается в качестве наказания, то его срок чаще всего не превышает 3 лет.

В целом это подтверждает одно из частных утверждений: «Если невозможно оправдать, условно осудить, назначить, по сути, символическое наказание, судебная практика ориентируется на нижний предел санкции в виде лишения свободы статей гл. 30 УК РФ»³.

Общую динамику изменения количества осужденных за преступления со специальным субъектом и указанных мер уголовно-правового принуждения можно представить графически, взяв за исследуемый период 2010–2015 гг. (рис. 7).

¹ *Форма 10.3.1 «Приложение к форме № 10.3 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 12 месяцев 2015 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 11.05.2016).*

² *Гай Е.В. К вопросу характеристики условно осужденных // Российский следователь. 2014. № 8. С. 32-34.*

³ *Павлинов А. Мониторинг эффективности применения уголовного наказания за преступления коррупционной направленности // Уголовное право. 2011. № 3. С. 111–114.*

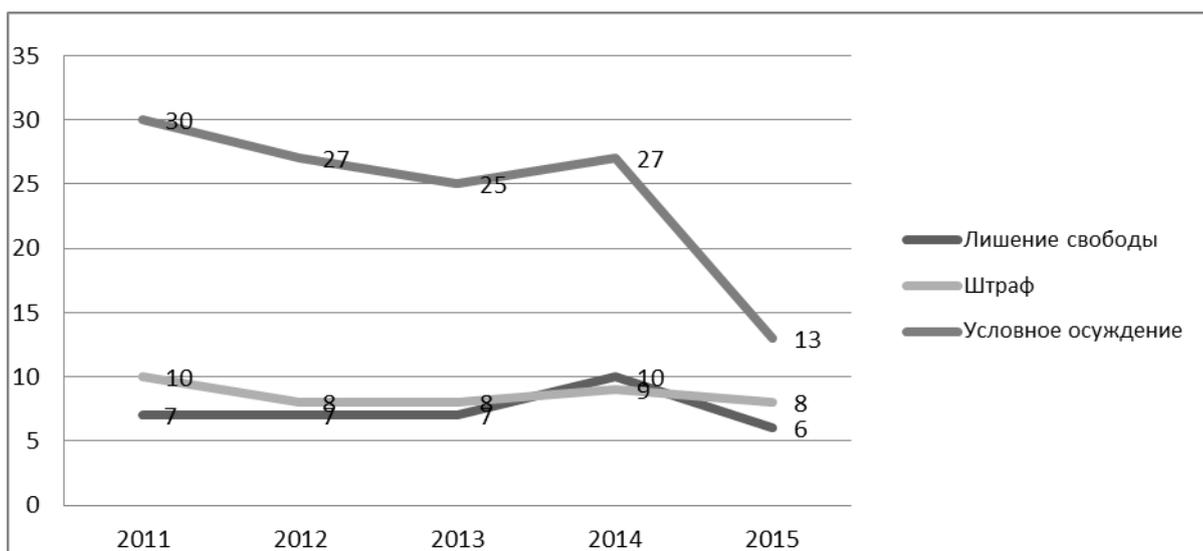

Рис. 7. Доля осужденных к штрафу, лишению свободы и условному осуждению за преступления со специальным субъектом за 2011–2015 гг., %

Тот факт, что среди законодательных мер наказания за преступления со специальным субъектом преобладает лишение свободы, а штраф находится только на третьем месте по количеству предусматривающих его санкций (в то время как правоприменитель при назначении наказания смещает акценты в пользу последнего), свидетельствует о существенном расхождении законодательной и правоприменительной правовых оценок общественной опасности преступлений со специальным субъектом и личности преступников.

В юриспруденции подобная ситуация объясняется «либо недооценкой судами степени тяжести совершенных преступлений, либо чрезмерной жесткостью установленных в законе санкций, не позволяющей учесть индивидуальные обстоятельства, либо и то и другое вместе»¹. Высказаны и более радикальные выводы о «девальвации отдельных видов уголовного наказания (прежде всего, лишения свободы)»².

Поэтому представляет интерес динамика изменения количества осужденных в целом и данных видов наказаний за этот же период (рис. 8).

¹ Кондрашков Н. Меры наказания в законе и на практике // Социалистическая законность. 1968. № 2. С. 20–26.

² Павлинов А. Указ. соч. С. 111–114.

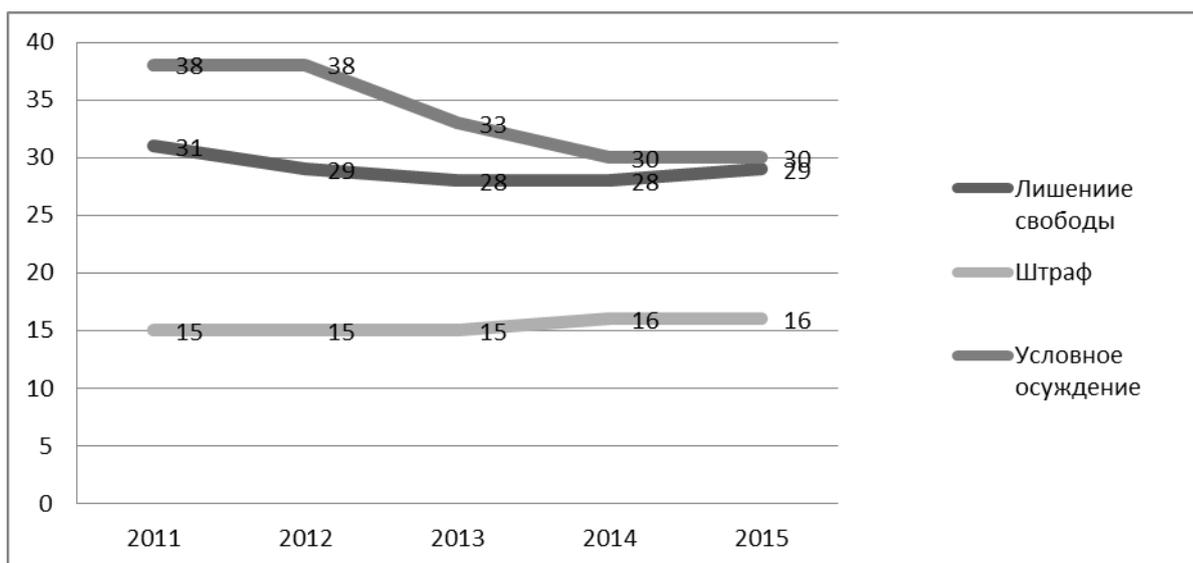

Рис. 8. Доля осужденных к штрафу, лишению свободы и условному осуждению за 2011–2015 гг., %

Интересно, что если применение условного осуждения к специальным субъектам преступлений в целом соответствует общим тенденциям карательной политики государства, то применение штрафа и реального лишения свободы в них не укладывается. В частности, если в 2015 г. общее количество осужденных к указанным мерам составило 30%, 16% и 29% соответственно, то применительно к преступлениям со специальным субъектом картина выглядит следующим образом – 27%, 9% и 10% соответственно¹ (рис. 9).

¹ Форма 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2015 года» [Электронный ресурс] // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 11.05.2016).

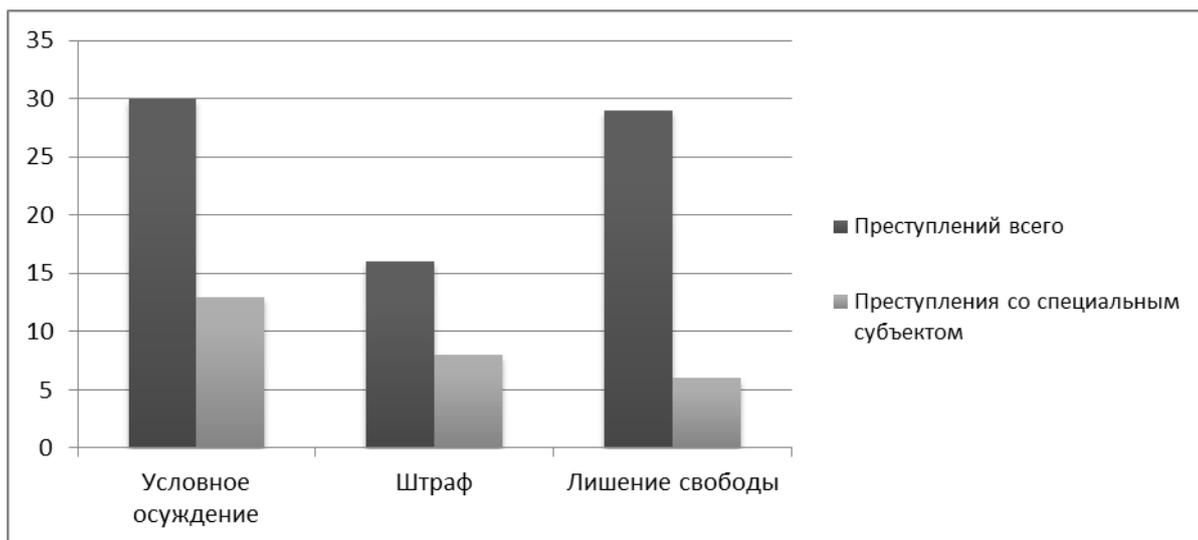

Рис. 9. Соотношение количества осужденных к штрафу, лишению свободы и условному осуждению по всем преступлениям и по преступлениям со специальным субъектом в 2015 г., %

Установленное соотношение, на наш взгляд, говорит лишь о том, что если в большинстве своем законодательно мера уголовного наказания ставится в прямую зависимость от характера и степени общественной опасности деяния и деятеля, то фактически вид и размер назначенного наказания обратно зависимы от вида совершенного преступления и социальных характеристик лица, его совершившего. Иными словами, если из санкций закона следует вывод о повышенной общественной опасности специального субъекта и его преступления, то из судебной практики можно вывести «презумпцию» его привилегированного положения, проявляющегося в мягкости приговоров. Учитывая, что индивидуализация уголовной ответственности является «дальнейшим развитием дифференцированной в законе уголовной ответственности»¹, указанное положение недопустимо, поскольку противоречит сущности институтов дифференциации и индивидуализации ответственности и не способствует реализации уголовно-правовых принципов – прежде всего, законности и справедливости.

¹ Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30-32.

Этот вывод подтверждается также следующим обстоятельством: из всей массы специальных субъектов, осужденных к лишению свободы, 79% совершили преступления в семейной сфере и неосторожные преступления в профессиональной сфере или по роду деятельности. При этом 14% из них – это так называемые «алиментщики» (ст. 157 УК РФ), 63% – водители транспортных средств, нарушившие правила дорожного движения (ст. 264 УК РФ).

Складывается картина, вполне соответствующая выводу М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина о том, что «именно маргинальная преступность сегодня в наибольшей степени поддается социальному контролю со стороны правоохранительных органов, в то время как преступность иных социальных групп (прежде всего, управленцев коммерческих предприятий, должностных лиц, иных представителей высшего и даже среднего класса), как правило, остается вне поля зрения государства»¹.

Полагаем, что вывод ученых полностью подтверждается приведенными выше статистическими наблюдениями. В его пользу свидетельствует также тот факт, что более половины из привлеченных к ответственности по ст. 264 УК РФ совершили преступление в состоянии опьянения, а родители, уклоняющиеся от содержания собственных детей, как правило, ведут асоциальный образ жизни. Все это может служить доказательствами маргинализации личности.

Кроме того, анализ судебной статистики за 2010–2015 гг. показывает, что к уголовной ответственности, в том числе с отбыванием реального наказания, не было привлечено от 41% до 47% специальных субъектов преступления. В их число входят условно осужденные, освобожденные от наказания, оправданные и лица, в отношении которых уголовные дела прекращены². С юридической точки зрения перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что правовая оценка совершенного преступления и порицание виновного имели

¹ Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. 2010. № 4. С. 109–115.

² Имеется в виду прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: амнистии, примирению с потерпевшим, деятельному раскаянию, другим основаниям.

место. Однако с позиции общества указанные меры воспринимаются как отсутствие наказания за совершение преступления. Иными словами, именно так в обществе рождается представление о правовой безнаказанности лица – «самого опасного», по мнению М. Д. Шаргородского, «с точки зрения эффективности наказания явления»¹.

Как справедливо отмечает И. В. Смолькова, «главным условием сокращения сферы применения уголовного наказания» выступает тенденция к постоянному снижению роста преступности². Согласно ведомственному учету числа зарегистрированных преступлений, общий уровень преступности за 2011–2015 гг. неуклонно понижался³, причем в науке подобная динамика обоснованно подвергается сомнению⁴. В то же время, исходя из судебной статистики по преступлениям со специальным субъектом, количество осужденных за совершение преступлений такой категории возросло с 9% от общего числа осужденных по всем статьям УК РФ в 2011 г. до 13% в 2015 г. Основу указанной динамики составляет, в том числе, объективный рост количества совершенных деяний данной категории.

Как правомерно подчеркивается в уголовно-правовой теории, «принцип гуманизма уголовного законодательства не должен превалировать над принципом справедливости и противостоять задачам профилактики преступлений»⁵, в связи с чем диагностируется необходимость пересмотра

¹ Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 75.

² Смолькова И.В. Штраф как мера наказания по советскому уголовному праву: учебное пособие. Иркутск, 1979. С. 4.

³ Общие сведения о состоянии преступности за январь–декабрь 2011 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 14.07.2013); Общие сведения о состоянии преступности за январь–декабрь 2012 г. // Там же; Общие сведения о состоянии преступности за январь–декабрь 2013 г. // Там же; Общие сведения о состоянии преступности за январь–декабрь 2014 г. // Там же; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 г. // Там же.

⁴ См., например: Лунеев В.В. Проблемы противодействия экономической преступности // Государство и право. 2014. № 2. С. 32-40.

⁵ Куринова Я. «Гуманность» освобождения от наказания и современная криминальная реальность // Законность. 2012. № 4. С. 54–56.

институтов амнистии, условного осуждения и условно-досрочного освобождения.

Таким образом, если в правотворческой составляющей уголовной политики превалирует тенденция ужесточения ответственности специальных субъектов преступления, то в правоприменении можно наблюдать диаметрально противоположную тенденцию, поскольку в отличие от законодателя российское правосудие, по-видимому, склонно связывать достижение целей наказания и уголовной ответственности в целом с условным осуждением и взысканием суммы штрафа в доход государства. Это позволяет некоторым ученым ставить вопрос о легализации возможности «откупиться» от уголовной ответственности¹, а населению – делать выводы о законности судопроизводства². Очевидно, что в целом это напрямую отражается на эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям специальных субъектов.

Представляется, что сохранение существующей судебной оценки преступлений со специальным субъектом не способствует достижению ни целей наказания, ни целей правосудия, а в целом подрывает авторитет последнего и укрепляет состояние беззакония в российском обществе.

Это же подтверждается результатами исследования, проведенного нами в 2013-2015 гг.: 73% респондентов от числа опрошенных жителей г. Омска выразили отрицательную оценку практике активного применения условного лишения свободы к коррупционерам. Аналогичной позиции придерживается 60% опрошенных судей районных судов г. Перми. В рамках этого же исследования на вопрос об эффективности борьбы с коррупцией,

¹ Голик Ю. Указ. соч.

² Согласно результатам исследования, проведенного автором в 2013-2015 гг., 78% респондентов из числа жителей г. Омска согласились с утверждением, что от уголовной ответственности сегодня можно откупиться, тогда как 60% опрошенных судей выразили несогласие с ним. Прежде всего, вопрос подразумевал незаконные механизмы (например, взяточничество), однако считаем уместным привести результаты анкетирования здесь.

соответственно 74% и 73% опрошенных согласились с тем, что ее условием является направленность этой борьбы на высшие эшелоны власти (прил. 2).

Очевидно, что определение меры наказания за конкретное преступление должно основываться на его реальной способности оказывать воздействие на виновного, характер и интенсивность которого зависят от обстоятельств отдельного совершенного деяния и характеристик личности преступника. Отсюда следует, что любое уголовное наказание должно нести в себе определенный заряд страданий для осужденного – это справедливо и для штрафа как вида наказания, наиболее часто назначаемого судами за преступления со специальным субъектом. Штраф выступает наименее суровым видом наказания, несмотря на исторически выверенную эффективность политики «бей мужика не дубьем, а рублем»¹. Карательная составляющая штрафных санкций реализуется в их размерах, поэтому в науке условием эффективности признается их «внушительность»².

И если верно утверждение о том, что «любое наказание только тогда может оказать на осужденного воспитательное воздействие, когда ущемление его в обладании материальными и духовными благами действительно переживается им как страдание»³, то следует поддержать мнение о повышении размеров штрафов, в частности, за умышленные профессиональные преступления, а также за преступное использование должностных и служебных полномочий.

К достоинствам наказаний, содержащих правоограничения имущественного характера, относятся, например, низкий уровень рецидива⁴ и прямая связь с мотивами корыстных преступлений⁵.

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная: в 2 т. СПб., 1865. Т. 1: Часть Общая. С. 159.

² Цветинович А.Л. Дополнительные наказания: функции, система, виды. Куйбышев, 1989. С. 146.

³ Смолькова И.В. Указ. соч. С. 13.

⁴ Цокуева И.М.. Указ. соч. С. 21.

⁵ См., например: Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1997. С. 341.

Вместе с тем учет специфики социальной ситуации в современной России позволяет ученым выносить резюме о неспособности штрафа обеспечить достижение целей наказания в части определенных видов деяний: «для лиц, совершивших корыстные преступления, штраф – это как бы “налог” с преступно приобретенных имущественных благ, притом с лихвой компенсируемый в процессе их последующей, не пресекаемой штрафом, преступной деятельности»¹. Приходя к выводу о «провале штрафной политики», В. В. Лунеев ссылается на доклад генпрокурора Ю. Чайки Президенту Российской Федерации В. В. Путину, где отмечено, что «из 19 млрд. руб. штрафов за коррупционные преступления удалось взыскать всего 19 млн. руб.», при этом правоохранительная и судебная системы понесли расходы, соразмерные взысканной сумме².

Скорее всего, фактический карательный потенциал указанного вида наказания тогда только возможно констатировать, когда он сопряжен с исполнением дополнительного наказания либо сам выступает в указанном качестве. Данное суждение не ново для науки³, однако, на практике ему не придается серьезного значения. Так, в 2015 г. за преступления со специальным субъектом в 8% случаев штраф назначался в качестве основного наказания и только в 3% – в качестве дополнительного наказания, при этом, как правило, за совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

Полагаем, что перспективы штрафа как вида наказания за преступления со специальным субъектом связаны с применением его в качестве дополнительного наказания и с распространением такой практики на те виды преступлений со специальным субъектом, которые характеризуются корыстной направленностью (включая карьеризм).

¹ Гаухман Л., Максимов С., Жаворонков А. Справедливость наказания: принцип и реальность // Законность. 1997. № 7. С. 2–5.

² Лунеев В.В. Проблемы противодействия экономической преступности // Государство и право. 2014. № 2. С.32-40.

³ См.: Цокуева И.М. Указ. соч. С. 52.

Под тем же углом следует рассматривать вопрос о применении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также лишения специального, воинского звания, классного чина и государственных наград. На специальный характер указанных видов наказаний неоднократно обращалось внимание в науке. В частности, В. П. Махоткин связывает назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности с «противоправным осуществлением лицом определенных трудовых функций»¹. В. И. Тютюгин указывает на непосредственный характер связи между занимаемой лицом должностью и преступным деянием², что необходимо учитывать при назначении данного вида наказания.

При этом Н. Мирошниченко, на основе анализа статистического материала констатирует, что «суды не видят препятствий к его (наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – Ю.К.) применению при отсутствии непосредственной связи механизма совершения преступления с занимаемой субъектом должностью, выполняемой работой или реализацией специального права»³. Указанная позиция отражена в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁴.

В связи с этим представляется сложным найти объяснение невниманию судов к данному виду наказания при осуждении за преступления со специальным субъектом. Как правило, оно назначается в качестве дополнительного наказания. Так, в 2015 г. доля соответствующих приговоров

¹ Махоткин В.П. Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью // Наказания, не связанные с лишением свободы / под ред. И.М. Гальперина. М., 1972. С. 63.

² См.: Тютюгин В.И. Лишение права занимать определенные должности как вид наказания по советскому уголовному праву. Харьков, 1982. С. 28.

³ Мирошниченко Н. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. 2014. № 1. С. 51-56.

⁴ О назначении судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58, п. 8 // Российская газета, N 295, 29.12.2015.

по преступлениям со специальным субъектом составила 96%, причем большая часть из них вынесена в отношении лиц, осужденных по ст. 264 УК РФ¹. В качестве основного наказания рассматриваемый вид назначался в минимальном количестве случаев – в 0,2%. При этом следует напомнить, что данный вид наказания в 8% случаев предусмотрен санкциями Особенной части УК РФ 1996 г. в качестве основного наказания за преступления со специальным субъектом, и в 36% случаев – в качестве дополнительного.

Что касается лишения специального, воинского звания, то случаи его применения следует признать не менее чем прецедентными. Так, в 2015 г. доля соответствующих приговоров составила 0,03% от общего числа приговоров по преступлениям со специальным субъектом; в 2014 г. – 0,03%; в 2013 г. – 0,001%; в 2012 г. – 0,1%.

Карательный потенциал этого вида наказания заключается в лишении виновного особого доверия, которое в свое время стало основой присуждения специального, воинского звания, классного чина и государственной награды. Самим фактом лишения указанных званий демонстрируется не только утрата этого доверия, но и умаляется значение конкретных заслуг виновного – оно как бы перекрывается проявившимися асоциальными чертами преступника. Как пишут И. М. Гальперин и Ю. Б. Мельникова, основанием применения данного вида наказания служит вывод об утрате виновным способности соответствовать званию по «своим морально-политическим и деловым качествам»², о чем свидетельствует характер и обстоятельства совершенного преступления.

Выводы исследователей сводятся к тому, что вышеназванный вид наказания выступает достаточно суровой мерой воздействия на виновного³, поскольку причиняет ему, прежде всего, нравственные страдания. Кроме того,

¹ К выводу о подавляющей доле обвинительных приговоров, вынесенных по ст. 264 УК РФ, с наказанием в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, приходит в своем исследовании Н. Мирошниченко (См.: *Мирошниченко Н.* Указ. соч. С. 51-56).

² *Гальперин И.М., Мельникова Ю.Б.* Дополнительные наказания. М., 1981. С. 65.

³ См., например: *Цветинович А.Л.* Указ. соч. С. 28; *Минская В.* Проблемы регламентации института наказания // Уголовное право. 2008. № 2. С. 48–53.

лишение определенных званий, чинов и наград влечет лишение соответствующих привилегий материального характера: различного рода выплат, пособий и пр.

На наш взгляд, преимущество указанных специальных видов наказаний состоит в воздействии их на нравственный аспект личности виновного. По характеру своего воздействия на виновного они во многом сходны с позорящими наказаниями, которые применялись по дореволюционному уголовному законодательству России. Эффективность указанных видов наказаний может быть обоснована с позиции статусно-ролевой теории. В частности, согласно Т. Шибутани, на поведение человека в значительной степени влияет его самооценка, то есть, оценка самого себя «...внутри некой иерархической системы»¹. Самооценка воплощается в чувстве собственного достоинства личности, на формирование которого существенное воздействие оказывает социальный статус, а также личный статус – позиция индивида в первичной группе, состоящей из близких, значимых для него людей². Чувство собственного достоинства и самооценка неразрывно связаны с феноменом личной определенности – устойчивых представлений личности о себе, «устанавливаемой только в связи с остальным обществом», то есть – посредством статуса и роли. И это верно, поскольку статус рассматривается как социальный процесс: «человек может иметь статус только в отношении к другим, которые признают его место и обращаются с ним определенным образом»³.

Криминологико-правовое значение выводов социологической науки заключается в том, что применение рассматриваемых видов наказания имеет гораздо большее значение для личности осужденного, чем то вытекает из сопутствующих правоограничений трудового и имущественного характера. Осужденный лишается ориентира, определяющего его представления о себе и

¹ Шибутани Т. Указ. соч. С. 364.

² Там же. С. 366-367.

³ Там же. С. 185.

представления окружающих, подрывается его самооценка и чувство собственного достоинства в целом. Это тем более важно, что часто отношение к человеку определяется «тем положением, которое он занимает, совершенно независимо от его личных качеств»¹. Кроме того, место статуса в социальной иерархии тесно связано с понятием «престиж»: «...различные роли оцениваются с позиции их относительной важности и существуют правила о том, как обращаться к людям, занимающим различные позиции»².

Учитывая специфику личности специального субъекта преступления, которая в целом соответствует принятым в обществе меркам³, резонно предположить, что применение указанных видов наказаний направлено на возбуждение у виновного чувства стыда, раскаяния, осознания вины. Этот же вывод следует из того факта, что «полнота психических переживаний, связанных с осуждением за проступок, степень их влияния на поведение лица прямо пропорциональны степени его инкультурации»⁴.

Кроме того, указанные виды наказаний реально способны обеспечить достижение цели специальной и общей превенции, о чем неоднократно говорилось в науке⁵.

Ввиду невнимания судов к данным видам наказания их карательно-исправительный и превентивный потенциал, по сути, остается невостребованным⁶. Полагаем, что с целью изменения положения и

¹ Шибутани Т. Указ. соч. С. 185.

² Там же. С. 54.

³ Например, исследователи отмечают наличие чувства патриотизма у коррупционеров (См.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М., 2010. С. 203).

⁴ Бибик О.Н. Указ. соч. С. 38.

⁵ См., например: Карпец И.И. Указ. соч. С. 156–158; Цветинович А.Л. Дополнительные наказания: теория и практика. Фрунзе, 1986. С. 74; Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. М., 1990. С. 135; Гальперин И.М., Мельникова Ю.Б. Указ. соч. С. 17; Тютюгин В.И. Указ. соч. С. 32; Артеменко Н., Тищенко Е. Назначение дополнительного наказания за получение взятки врачом // Уголовное право. 2010. № 1. С. 9–12.

⁶ При этом по мнению 82% опрошенных судей районных судов г. Перми активное применение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является необходимым условием противодействия должностной преступности и преступности в профессиональной сфере.

привлечения к ним внимания правоприменителя необходимо соответствующим образом скорректировать отдельные уголовно-правовые положения и рекомендации высшей судебной инстанции.

Так, на наш взгляд, целесообразно ограничить дискреционные полномочия суда по назначению лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В этой связи необходимо включить указанный вид наказания в качестве дополнительного в содержание тех уголовно-правовых санкций, где он отсутствует. В первую очередь, это касается преступлений, совершаемых в профессиональной сфере умышленно, служебных и должностных преступлений. Например, санкции норм, устанавливающих ответственность за ряд преступлений против правосудия¹, не содержат данного вида наказания, оставляя возможность его назначения на усмотрение суда. При этом нельзя не принимать во внимание, что позиция суда может испытывать влияние таких факторов, как «судейская корпоративная солидарность и традиционная замкнутость судебной системы»², «личные знакомства в руководящих кругах, подкуп должностных лиц, криминальные связи»³.

Предложения о включении данного вида наказания в санкции норм Особенной части УК РФ высказывались и ранее⁴. Так, отмечая невнимание судов к применению наказания в виде лишения права занимать должности в качестве дополнительного наказания, А. Л. Цветинович объясняет его «психологическим влиянием груза традиций прежних лет»⁵. Решение проблемы

¹ Речь идет о преступлениях должностных лиц, осуществляющих судопроизводство: ст.299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности», ч.2, 3 ст. 301 УК РФ «Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей», ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний», ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта».

² Князьков М., Рожнов А., Синельников А. Об укреплении уголовно-правовых гарантий от злоупотребления судебной властью // Власть. 2012. № 11. С. 152-156.

³ Марлухина Е.О. Криминология. М., 2007. С. 372.

⁴ См., например: Цветинович А. Л. Указ. соч. С. 85.

⁵ Там же. С. 104.

автор связывает с включением соответствующих указаний в большее число санкций Особенной части¹.

Е. В. Благов, комментируя порядок назначения штрафа в качестве дополнительного наказания, признавал его в качестве «действительной позиции законодателя, которую нельзя не перенести на лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью»². Напомним, что, согласно ч. 4 ст. 46 УК РФ, штраф в качестве дополнительного вида наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего кодекса.

Представляется, что изменения должны коснуться именно санкций соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а не общих положений ст. 47 УК РФ, поскольку, как отмечает П. П. Осипов, указанный вид наказания может быть назначен независимо от наличия либо отсутствия непосредственной связи между преступным поведением виновного и выполняемыми им профессиональными функциями, когда «подсудимый утратил моральное право на выполнение трудовой функции, требующей высокого личного престижа, авторитета»³.

Внесение предложенных изменений, на наш взгляд, будет способствовать активизации назначения судами наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Из изучения материалов судебной практики следует, что неприменение судами дополнительных наказаний даже при условии их указания в санкции нормы происходит за счет механизма смягчения назначенного наказания в связи с исключительными обстоятельствами, установленными в порядке ст. 64 УК РФ. Анализ судебной практики показывает, что в качестве таких обстоятельств выступают положительные характеристики по месту работы и

¹ Этому же мнению придерживаются и другие ученые (см., например: *Непомнящая Т.В.* Указ. соч. С. 278–279; *Цветинович А.Л.* Указ. соч. С. 104; *Дуюнов В. К.* Указ. соч. С. 192).

² *Благов Е.В.* Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 358.

³ *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 90.

месту жительства, уровень образования, отсутствие судимости и административных взысканий, вредных привычек, предыдущая общепольная деятельность, наличие малолетних детей, совершение преступления впервые и т. д.

В совокупности перечисленные обстоятельства действительно создают образ однажды оступившегося человека. Однако, как отмечают ученые, «к сожалению, судебная практика свидетельствует, скорее, об их типичности, нежели исключительности»¹. Тем более это справедливо в отношении специальных субъектов преступлений, большая часть которых заведомо может быть охарактеризована обозначенным выше образом. Поэтому их учет в качестве исключительных малопродуктивен в деле противодействия преступной деятельности указанных субъектов.

Что касается наказания в виде лишения специального, воинского звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), то, на наш взгляд, следует согласиться с мнением В. С. Минской, признающей неоправданной позицию законодателя в части невключения указанного вида наказания в санкции норм об ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления и возможности его назначения только по усмотрению суда².

Полагаем, что необходимо ограничить пределы судебного усмотрения путем включения указанного вида наказания в санкции норм об ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления со специальным субъектом.

В целом, по нашему мнению, политика судов в части назначения наказания за преступления со специальным субъектом должна исходить из целесообразности сочетания видов наказания имущественного характера (штрафа) со специальными его видами. При этом в каждом случае распределение основного и дополнительного значения между ними должно

¹ Артеменко Н., Тищенко Е. Указ. соч. С. 9.

² См.: Минская В. Указ. соч. С. 48–53.

находиться в зависимости от характера и обстоятельств совершенного преступления, а также личностных особенностей виновного.

Что касается лишения свободы на определенный срок, то данный вид наказания предусмотрен в 86% случаев установления мер ответственности за преступления со специальным субъектом (учитывая кумулятивный характер санкций). В то же время количество осужденных к лишению свободы за преступления со специальным субъектом составляет незначительную часть от общего числа осужденных за преступления обозначенной категории.

При этом следует учесть «избирательный» характер российского правосудия, выражающийся в том, например, что противодействие коррупционной преступности направлено на ее низший, «бытовой» уровень. Это обуславливает фактический «некарательный» характер современной карательной политики, поскольку, как правило, совершаемые врачами, учителями, работниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения преступления в большинстве своем имеют небольшую и среднюю тяжесть, а личность виновного часто не относится к типу злостного преступника.

В то же время только тогда, когда уголовное преследование будет направлено против лиц, чьи деяния причиняют серьезный ущерб интересам государства и общества, можно требовать приоритетного назначения лишения свободы за указанные преступления со специальным субъектом. Карательно-устрашающее воздействие этого вида наказания делает его эффективным средством достижения целей уголовного наказания¹.

Таким образом, правотворческая составляющая современной уголовной политики Российской Федерации в отношении преступлений со специальным субъектом характеризуется продолжающейся специализацией уголовного закона, что отражает стремление законодателя изменить ответственность за указанные деяния, как правило, в сторону ужесточения. Вместе с тем

¹ См., например: *Шаргородский М.Д.* Указ. соч. С. 87.

правоприменительную составляющую характеризуют избирательный подход при выявлении и регистрации соответствующих деяний и чрезмерно мягкая оценка содеянного. В этой связи ее можно определить термином «неформальная патологическая декриминализация», введенным С. М. Иншаковым: «устранение наказуемости деяний – уголовный закон есть, но он по тем или иным причинам перестает работать», в то время как фактически общественно опасные деяния остаются¹.

Очевидно, что правоприменительная составляющая современной уголовной политики России не соответствует социальным потребностям российского общества, переживающего разгул коррупции, должностного беспредела и реанимации права силы. Однако эта составляющая вполне отвечает кризисным характеристикам фактической российской уголовной политики, описание которой, данное В. С. Овчинским, особенно актуально для рассматриваемого вопроса: «...с начала 90-х гг. строили... либеральную уголовную политику, которая игнорирует современную международную стратегию борьбы с коррупцией, базирующуюся на конфискации преступных доходов у коррупционеров и членов мафии, противодействии отмыванию “грязных” денег, поиске и возвращении похищенных активов»². На сословно-классовый характер современной уголовно-правовой политики России указывает С. Ф. Милюков, апеллируя к новеллам 2013 г., благодаря которым экономические преступники получили ряд законодательных «гарантий» лояльного отношения к ним правосудия³.

Вследствие этого представляется неоправданным подход законодателя, предоставившего широкие возможности для судейского усмотрения при назначении наказания. Будучи «инертным»⁴, оно, по-видимому, не способно выполнить задачи адекватной оценки общественной опасности отдельных

¹ *Иншаков С.М.* Криминология: учебник. М., 2000. С. 59.

² *Овчинский В.С.* Криминология кризиса. М., 2009. С. 129.

³ См.: *Милюков С.Ф.* Лжедемократизм российской уголовно-правовой политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1. С. 64-74.

⁴ *Севастьянов А.П.* Указ. соч. С. 98-103.

видов преступлений и назначения соответствующей меры наказания. Именно поэтому необходимо принять меры к сужению судебного усмотрения, при этом не исключая его из практики судопроизводства вообще.

Таким образом, содержание данного параграфа позволяет постулировать следующие основные выводы:

современная уголовная политика России в отношении преступлений со специальным субъектом характеризуется, во-первых, тенденцией дальнейшей специализации уголовного закона, зачастую необоснованной, и, во-вторых, – расхождением законодательной и правоприменительной оценок общественной опасности деяний, совершенных в связи с имеющимся статусом. С целью совершенствования уголовной политики необходимо:

А) вернуть нижний предел сроков наказания в виде лишения свободы в санкции статей Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления со специальным субъектом;

Б) наказание в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью включить в качестве дополнительного наказания в содержание тех уголовно-правовых санкций, где оно отсутствует. В первую очередь, это касается преступлений, совершаемых в профессиональной сфере умышленно, служебных и должностных преступлений;

В) включить в качестве дополнительного наказания лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственной награды в санкции норм Особенной части УК РФ 1996 г., устанавливающих ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления со специальным субъектом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатами проведенного диссертационного исследования являются следующие выводы и предложения.

1. Сущность криминолого-правового подхода заключается в криминологическом обосновании содержания конкретных уголовно-правовых институтов, а также целесообразности их существования с целью выявления особенностей, не поддающихся законодательной фиксации, но осознаваемых и учитываемых правоприменителем. Основу криминолого-правового подхода к изучению специального субъекта преступления образует теория социальных статусов и ролей, позволяющая обосновать криминогенный характер его статусно-ролевых признаков, закрепленных в уголовно-правовых нормах, и их место в механизме индивидуального преступного поведения.

2. В рамках указанной теории социальный статус следует понимать как совокупность нормативно закрепленных прав (полномочий), обязанностей, льгот и привилегий, вытекающих из правового положения лица, тогда как роль – как поведение, соответствующее статусу и ожидаемое обществом от субъекта.

Криминолого-правовое значение социальных статусов и ролей связано с их влиянием на общественную опасность специального субъекта преступления и совершенного им деяния. При этом повышение общественной опасности связано с тем, что следующие из статуса или роли возможности облегчают совершение посягательств на определенные уголовно-охраняемые объекты, недоступные неспециальным субъектам, или делают его совершение возможным в принципе, в том числе за счет ожиданий обществом определенного позитивного поведения от субъекта, соответствующего его социальному статусу или роли и, как правило, регламентированному нормативно.

3. Специальным субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности

и совершившее преступление путем использования своего социального статуса или роли.

Под преступлением со специальным субъектом понимается преступление, совершенное путем противоправного использования субъектом социального статуса или невыполнения (ненадлежащего выполнения) социальной роли вопреки установленным правилам поведения, в том числе нормативного характера.

Специальный признак субъекта преступления – это уголовно значимая характеристика социального статуса (роли) субъекта, содержащаяся в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

4.С учетом сфер реализации статусных и ролевых возможностей, характеризующих специального субъекта преступления, а также форм вины произведена следующая классификация его специальных признаков:

1) признаки, характеризующие социальный статус (роль) субъекта в сфере взаимоотношений с потерпевшим;

2) признаки, характеризующие социальный статус (роль) субъекта в сфере осуществления служебной деятельности:

2.1) в коммерческих и иных организациях (служебное положение);

2.2) в государственных и муниципальных структурах.

3) признаки, характеризующие социальный статус (роль) субъекта в сфере судопроизводства, включая исполнение наказания;

4) признаки, характеризующие социальный статус (роль) субъекта в связи с профессией или родом деятельности.

5.Исходя из анализа объектов посягательств, содержания статусно-ролевых характеристик и некоторых других обстоятельств, можно выдвинуть предположение о том, что составы, закрепленные нормами глав 23 и 30 УК РФ, образуют две различные группы служебных и должностных преступлений соответственно.

6.Квалифицирующий признак «совершение преступления с использованием служебного положения» нуждается в уточнении. В связи с тем,

что каждое такое деяние представляет собой частный случай злоупотребления должностными или служебными полномочиями, следующими из социального статуса (роли) субъекта, и так же направлено против интересов службы, как и преступления, помещенные в главы 23 и 30 УК РФ, необходимо адекватно оценивать их реальную общественную опасность. С указанными целями необходимо изложить формулировку признака в следующей редакции: «лицом с использованием должностного или служебного положения».

7. Уголовно-правовое значение статусно-ролевых признаков субъекта преступления выражается в их функциях, к которым относятся: ограничительная, функция определения оснований уголовной ответственности, функции дифференциации уголовной ответственности и ее индивидуализации.

8. Исторически в России подход к ответственности преступников с должностным социальным статусом ужесточался. Однако на сегодняшний день уголовная ответственность лиц с должностным и служебным социальными статусами характеризуется чрезмерно мягким подходом судебных органов. Поэтому следует дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» пунктом «с»: «совершение преступления лицом с использованием должностного положения», а пункт «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «совершение умышленного преступления сотрудником правоохранительного органа», что позволит в рамках индивидуализации наказания учесть повышенную общественную опасность указанных деяний.

9. Сущность личности специального субъекта преступления заключается в том, что уголовно значимые статусно-ролевые признаки субъекта в криминологическом смысле выступают характеристикой форм взаимодействия личности и социальной среды, в которых искажения ценностно-нормативной сферы, дефективность правосознания, характерные для личности преступника вообще, получают специфическое внешнее выражение. Вследствие этого можно выделить два типа личности специального субъекта преступления – «социализированного» и «несоциализированного».

10. Современная уголовная политика России в отношении преступлений со специальным субъектом характеризуется, во-первых, тенденцией к дальнейшей специализации уголовного закона, зачастую необоснованной, и, во-вторых, – расхождением законодательной и правоприменительной оценок общественной опасности деяний, совершенных в связи с имеющимся социальным статусом. С целью совершенствования уголовной политики необходимо:

А) вернуть нижний предел сроков наказания в виде лишения свободы в санкции статей Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления со специальным субъектом;

Б) лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью включить в качестве дополнительного наказания в содержание тех уголовно-правовых санкций, где он отсутствует. В первую очередь, это касается преступлений, совершаемых в профессиональной сфере умышленно, служебных и должностных преступлений;

В) включить в качестве дополнительного наказания лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственной награды в санкции норм Особенной части УК РФ 1996 г., устанавливающих ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления со специальным субъектом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. *Конвенция* о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
2. *Конституция* Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (в ред. Федерального конституционного закона от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Рос. газета. 2009. 21 января.
3. *Семейный кодекс* Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 марта 2017 г. № 39-ФЗ) // Рос. газета. 1996. 27 января; 2013. 10 июля.
4. *Уголовный кодекс* Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 апреля 2017 г. № 33-ФЗ) // Рос. газета. 1996. 18 июня; 19 июня; 20 июня; 25 июня; 2013. 26 июля.
5. *Уголовно-исполнительный кодекс* Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. Федерального закона от 15 ноября 2016 г. № 219-ФЗ) // Рос. газета. 1997. 16 января; 2013. 26 июля.
6. *Уголовно-процессуальный кодекс* Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 марта 2017 г. № 51-ФЗ) // Рос. газета. 2001. 22 декабря; 2013. 26 июля.
7. *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 апреля 2017 г. № 65-ФЗ) // Рос. газета. 2001. 31 декабря; 2013. 7 августа.
8. *О предупреждении* распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции): Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 149-ФЗ) // Рос. газета. 1995. 12 апреля.

9. *О гражданстве* Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. Федерального закона от 1 мая 2016 г. № 124-ФЗ) // Рос. газета. 2002. 5 июня.
10. *О правовом* положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2017 г. № 28-ФЗ) // Рос. газета. 2002. 31 июля.
11. *О системе* государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 143-ФЗ) // Рос. газета. 2003. 31 мая.
12. *О государственной* гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 276-ФЗ) // Рос. газета. 2004. 31 июля.
13. *О муниципальной* службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (в ред. Федерального закона от 30 июня 2016 г. № 224-ФЗ) // Рос. газета. 2007. 7 марта.
14. *О Стратегии* национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Рос. газета. 2015. 31 декабря.
15. *Типовой кодекс* этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол № 21) // Официальные документы в образовании, декабрь 2011 г. № 36.
16. *Уголовный кодекс* РСФСР 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.
17. *Уголовный кодекс* РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.
18. *О введении* в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

19. *О судебной* практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 9) // Рос. газета. 1999. 9 февраля.

20. *О судебной* практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 // Рос. газета. 2004. 7 декабря.

21. *О судебной* практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30) // Рос. газета. 2006. 28 июня.

22. *О практике* рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 // Рос. газета. 2007. 5 мая.

23. *О судебной* практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 22) // Рос. газета. 2008. 26 декабря.

24. *О судебной* практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 // Рос. газета. 2009. 30 октября.

25. *О некоторых* вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 (Постановлением Пленума

Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 признано утр. силу) // Рос. газета. 2009. 11 ноября.

26. *О применении* судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 // Рос. газета. 2012. 31 октября.

27. *О назначении* судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56) // Рос. газета. 2015. 29 декабря.

28. *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016 // Парламентская газета. 2016. 2-8 декабря.

29. *Доклад* Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год от 24 марта 2016 г. // Рос. газета. 2016. 24 марта.

Материалы судебной практики

30. *По делу* о проверке конституционности абзаца второго пункта 14 статьи 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” в связи с жалобами граждан А.Н. Хмары и В.Н. Шума: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2012 г. № 3-П // Рос. газета. 2012. 16 марта.

31. *Определение* Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 06.11.01 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 1.

32. *Кассационное* определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2011 г. по делу № 84-О11-19. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123315 (дата обращения 10.02.2016).

33. *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2009 г. Уголовное дело № 1-244/2009.
34. *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2009 г. Уголовное дело № 1-316/2009.
35. *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2010 г. Уголовное дело № 1-396/2010.
36. *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2010 г. Уголовное дело № 1-140/2010.
37. *Архив* Центрального районного суда г. Омска за 2011 г. Уголовное дело № 1-20/2011.
38. *Архив* Свердловского районного суда г. Перми за 2013 г. Уголовное дело № 1-362/2013.
39. *Приговор* Каменского районного суда Свердловской области от 6 октября 2010 г. по делу № 1-192-2010. URL: <http://kamensky.svd.sudrf.ru> (дата обращения 10.02.2016).
40. *Архив* Левобережного районного суда г. Воронежа. Уголовное дело в отношении Юрченко. URL: <http://levoberezhny.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 21.05.2013).
41. *Приговор* Центрального районного суда г. Читы от 7 ноября 2011 г. по делу № 11-42-2011. URL: <http://centr.cht.sudrf.ru> (дата обращения 14.05.2014).
42. *Приговор* Артинского районного суда Свердловской области от 23 ноября 2012 г. по делу № 1-126/2012. URL: <http://artinsky.svd.sudrf.ru> (дата обращения 14.05.2014).
43. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1249-О «По запросу Смольнинского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности части 2 статьи 20 Федерального закона “О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и абзаца третьего пункта 3 постановления Правительства Российской Федерации “Об установлении

окладов месячного денежного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

44. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1275-О «По жалобе гражданки Терехиной Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью 4 статьи 31, пунктом 6 части 1 статьи 33 и статьей 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Научная и учебная литература

45. *Антоян Ю.М.* Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996. 336 с.

46. *Антоян Ю.М.* Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 368 с.

47. *Аснис А.Я.* Уголовная ответственность за служебные преступления в России. М.: ЦентрЮрИнфор, 2004. 396 с.

48. *Афанасьев В.* Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 432 с.

49. *Ахметшин Х.М., Петухов Н.А., Тер-Акопов А.А., Уколов А.Т.* Военно-уголовное законодательство Российской Федерации. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации / под ред. Н.А. Петухова. М.: За права военнослужащих, 1999. 304 с.

50. *Бабаев М., Пудовочкин Ю.* Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект. 2014. 296 с.

51. *Бачинин В.А.* Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999. 607 с.

52. *Бельский В.Ю.* Социология для юристов: учебное пособие. 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2012. 399 с.

53. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права: части Общая и Особенная: в 2 т. Т. 1: Часть Общая. СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп, 1865. 940 с.
54. *Бибик О.Н.* Культурная обусловленность уголовного наказания: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 224 с.
55. *Благов Е.В.* Применение уголовного права (теория и практика). СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2004. 505 с.
56. *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд. М.: ЦентрЮрИнфор, 2004. 293 с.
57. *Бурлаков В.Н.* Личность преступника и назначение наказания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 88 с.
58. *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. 229 с.
59. *Владимиров В.А., Левицкий Г.А.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. Лекция: учебное пособие. М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1964. 59 с.
60. *Волженкин Б.В.* Экономические преступления. СПб.: Юрид. центр. Пресс, 1999. 299 с.
61. *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право. Общая часть: конспекты лекций и иные материалы. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. аграрн. ун-та, 1999. 280 с.
62. *Гальперин И.М.* Задачи совершенствования теории и практики применения наказаний, не связанных с лишением свободы // Наказания, не связанные с лишением свободы / под ред. И.М. Гальперина. М.: Юридическая литература, 1972. 151 с.
63. *Гальперин И.М., Мельникова Ю.Б.* Дополнительные наказания. М.: Юрид. лит., 1981. 120 с.
64. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1: 1762–1825. М.: Госюриздат, 1960. 384 с.
65. *Герцензон А.А.* Основные положения УК РСФСР 1960 года. М.: Госюриздат, 1961. 60 с.

66. *Герцензон А.А.* Уголовное право: часть Общая: учебник. М.: РИО ВЮА, 1948. 496 с.
67. *Герцензон А.А.* Уголовный закон и личность преступника. М.: Знание, 1968. 79 с.
68. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит, 1970. 286 с.
69. *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 127 с.
70. *Дагель П.С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. 132 с.
71. *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
72. *Дагель П.С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит, 1977. 144 с.
73. *Дуюнов В.К.* Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск: РОСИ, 2000. 504 с.
74. *Еникеев М.И.* Общая и юридическая психология: учебник в 2 ч. М.: Юрид. лит, 1996. 631 с.
75. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. 400 с.
76. *Желтов В.В.* История западной социологии: этапы, идеи, школы: учебное пособие. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2010. 862 с.
77. *Иванов Н.Г.* Уголовное право России: Общая и Особенная части: учебник. М.: Экзамен, 2003. 768 с.
78. *Игошев К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. 168 с.
79. *Иншаков С.М.* Криминология: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. 432 с.

80. *Каган М.С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., Политиздат, 1974. 328 с.
81. *Карпец И.И.* Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Наука, 1973. 287 с.
82. *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М.: Прогресс, 1992. 432 с.
83. *Кибальник А.Г.* Иммуниеты в уголовном праве. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. 176 с.
84. *Клейменов М.П.* Криминология: учебник: М.: Норма, Инфра-М, 2012. 431 с.
85. *Клейменов М.П.* Нераскрытая преступность: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2015. 208 с.
86. *Кон И.С.* Личность как субъект общественных отношений. М.: Политиздат, 1965. 48 с.
87. *Кон И.С.* Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
88. *Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В.* Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск: Изд-во Красноярского ун –та, 1991. 240 с.
89. *Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой.* М.: БЕК, 1998. 566 с.
90. *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.
91. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М.: Юристъ, 1999. 302 с.
92. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М.: Юристъ, 2001. 304 с.
93. *Кузнецова Н.Ф.* Избранные труды / с предисл. В.Н. Кудрявцева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 834 с.
94. *Курс советского уголовного права: Т.1: часть Общая: учебник / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 648 с.

95. *Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении. Общая часть: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. 624 с.*
96. *Лазарев А.М. Субъект преступления. М.: РИО ВЮЗИ. 1981. 63 с.*
97. *Лейкина Н.С. Личность преступника и основания уголовной ответственности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 128 с.*
98. *Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 2000. 400 с.*
99. *Линтон Р. Культурные основания личности // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры / сост. Л.А. Мостова; пер. Е.М. Галахов и др. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. 381 с.*
100. *Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.*
101. *Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т.: Т. 1: Общая часть. М.: Юрайт, 2011. 1003 с.*
102. *Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. 2: Особенная часть. М.: Юрайт, 2011. 872 с.*
103. *Мазаев В.Д. Публичная собственность в России. Конституционные основы. М.: Городец, 2004. 384 с.*
104. *Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия. Критика социологии. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. 301 с.*
105. *Макарова Т.Г. Уголовно-правовая характеристика соучастия в преступлении со специальным субъектом. СПб.: Нестор, 2002. 131 с.*
106. *Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. 2-е изд. М.: ЮрИнфоР, 2008. 255 с.*
107. *Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание: учебное пособие. Омск: Изд-во Ом. ВШ МВД СССР, 1986. 68 с.*
108. *Марлухина Е.О. Криминология: учебное пособие. М.: Дашков и К, 2007. 372 с.*

109. *Марцев А.И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права // Избранные труды. Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2005. 272 с.
110. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 880 с.
111. *Мид Дж.* От жеста к символу // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ 1994. 496 с.
112. *Милуков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: Знание, 2000. 279 с.
113. *Мониторинг* уголовной политики России: монография / под общ. ред. С.В. Максимова. М.: Институт государства и права РАН, 2014. 482 с.
114. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. 560 с.
115. *Немировский В.Г.* Социология человека: От классических к постнеклассическим подходам. изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ. 2008. 304 с.
116. *Непомнящая Т.В.* Мера уголовного наказания. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.
117. *Нечепуренко А.А.* Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования. Омск: ОМА МВД России, 2014. 175 с.
118. *Овчинский В.С.* Криминология кризиса. М.: Норма, 2009. 240 с.
119. *Орлов В.С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. 260 с.
120. *Орымбаев Р.* Специальный субъект преступления. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. 153 с.
121. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 134 с.
122. *Основания* уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 304 с.

123. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 339 с.
124. *Панько К.А.* Рецидив в советском уголовном праве: учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 1983. 120 с.
125. *Парсонс Т.* О социальных системах / Под ред. С.А. Белановского, В.Ф. Чесноковой. М.: Академический Проект, 2002. 830 с.
126. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
127. *Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева.* СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2008. 1133 с.
128. *Полубинская С.В.* Цели уголовного наказания. М.: Наука, 1990. 142 с.
129. *Прокументов Л.М.* Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 142 с.
130. *Прохоров В.С.* Преступление и ответственность. Л.: Изд.-во Ленингр.ун-та. 1984. 136 с.
131. *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве. М.: Статут, 1980. 92 с.
132. *Рашковская Ш.С.* Субъект преступления / Советское уголовное право: часть Общая / под ред. М.А. Гельфер, П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. М., 1960. Вып. 6. 24 с.
133. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 288 с.
134. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
135. *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. 279 с.
136. *Смолькова И.В.* Штраф как мера наказания по советскому уголовному праву: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1979. 86 с.

137. *Талапина Э.В.* Управление государственной собственностью. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 455 с.
138. *Теоретические основы* исследования и анализа латентной преступности: монография / под. ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 839 с.
139. *Тер-Акопов А.А.* Ответственность за нарушение специальных правил. М.: Юрид. лит. 1995. 176 с.
140. *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: Юркнига, 2003. 480 с.
141. *Трайнин А.Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. 388 с.
142. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 364 с.
143. *Тютюгин В.И.* Лишение права занимать определенные должности как вид наказания по советскому уголовному праву. Харьков: Вища школа, 1982. 144 с.
144. *Уголовное право: Общая часть: учебник* / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М.: Норма, Инфра-М, 1997. 516 с.
145. *Уголовное право России: части Общая и Особенная: учебник* / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2009. 1232 с.
146. *Уголовное право: в 2 т. Т. 1: Общая часть: учебник*: / под ред. М.А. Кириллова, В.И. Омигова. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009. 612 с.
147. *Уголовное право России: Общая часть: учебник* / под ред. В.А. Вайпан, В.П. Ревин. 2-е изд. М.: Юстицинформ, 2010. 392 с.
148. *Уголовное право России: Особенная часть: учебник* / под ред. И.Э. Звечаровского. М.: АНО «Юридические программы», 2010. 976 с.
149. *Уголовное право: Общая и Особенная части: учебник* / под ред. В.Ю. Малаховой. М.: Эксмо, 2011. 749 с.
150. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. М.: АСТ, 2006. 640 с.

151. *Цветинович А.Л.* Дополнительные наказания: теория и практика. Фрунзе: Илим, 1986. 240 с.
152. *Цветинович А.Л.* Дополнительные наказания: функции, система, виды. Куйбышев: Изд-во Саратов. ун-та Куйбышев. фил. 1989. 190 с.
153. *Шестаков Д.А.* Преступность политики. Размышления криминолога. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 224 с.
154. *Шибутани Т.* Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Дону: Феникс, 1999. 544 с.
155. *Шнитенков А.В.* Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях. СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2006. 311 с.
156. *Ядов В.А.* Социологические исследования: методология, программа, методы. М.: Наука, 1987. 240 с.
157. *Яни П.С.* Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. М.: Изд-во ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ, 2001. 48 с.

Научные статьи и публикации

158. *Авдеев В.А., Авдеева О.А.* Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 12-24.
159. *Авдеев В.А., Авдеева О.А.* Гармонизация уголовной политики в сфере назначения наказания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 1. С. 78-93.
160. *Авдеев В.А., Авдеева О.А.* Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни // Криминологический журнал

Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 301-312.

161. *Александров А.И.* Государственно-правовая политика в сфере уголовного судопроизводства: состояние, проблемы, решения // *Российский следователь*. 2008. № 15. С. 8-11.

162. *Анисимков В.М.* Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // *Российский следователь*. 2014. № 1. С. 32-35.

163. *Артеменко Н.* Назначение дополнительного наказания за получение взятки врачом // *Уголовное право*. 2010. № 1. С. 9-12.

164. *Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г.* Деятельность суда в сфере назначения наказания: новые законодательные решения и формирование судебной практики // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. № 2. С. 301-312.

165. *Бабаев М., Пудовочкин Ю.* Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // *Уголовное право*. 2010. № 4. 109-115.

166. *Бабаев М., Пудовочкин Ю.* Провокативная роль уголовного закона // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 78-90.

167. *Багмет А.М., Черкасова Л.И.* Криминалистические особенности расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // *Российский следователь*. 2014. № 1. С. 10-14.

168. *Басова Т.* Уголовно-правовая дефиниция «представитель власти» // *Уголовное право*. 2005. № 3. С. 8-10.

169. *Безверхов А.Г.* Служебные правонарушения (тенденции развития норм) // *Российская юстиция*. 2010. № 4. С. 26-30.

170. *Благов Е.* Принудительные работы // *Уголовное право*. 2012. № 2. С. 15-18.

171. *Борбат А.В.* Неисполнение обязанности по воспитанию детей как элемент антиобщественного образа жизни // *Российский следователь*. 2014. № 22. С. 35-38.

172. *Борков В.* Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. № 1. С. 16-21.

173. *Борков В.* Квалификация незаконного сбора начальником денежных средств с подчиненных // Уголовное право. 2015. № 6. С. 4-9.

174. *Босхолов С.С.* Российский либерализм и проблемы антикоррупционной политики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 31-43.

175. *Бриллиантов А.* Правовые проблемы применения принудительных работ // Уголовное право. 2012. № 6. С. 16-21.

176. *Буравлев Ю.М.* Особенности уголовной ответственности государственных служащих // Российский следователь. 2008. № 18. С. 12-14.

177. *Бурлаков В.Н.* Криминализация незаконного обогащения: теоретическая модель состава преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 1. С. 12-19.

178. *Бурлаков В.Н., Пряхина Н.И.* Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 85-95.

179. *Бутенко Т., Петров М., Татуров О.* Принудительные работы: самостоятельный вид уголовного наказания или альтернатива лишению свободы? // Уголовное право. 2012. № 4. С. 22-24.

180. *Быкова Е., Казаков А.* Ответственность должностных лиц за нарушение конституционного права на свободу передвижения // Уголовное право. 2014. № 1. С. 9-12.

181. *Варданян А.В.* Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 244-251.

182. *Варыгин А.* Особенности воздействия на преступность сотрудников органов внутренних дел // Уголовное право. 2003. № 3. С. 108-110.
183. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 171-173.
184. *Верченко Н.И.* Элитарная коррупция // Вестник НГУЭУ. 2014. № 4. С. 251-256.
185. *Виноградова А.Д.* Достоверность статистической отчетности как необходимое условие эффективного противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 172-176.
186. *Винокуров В.* Способы указания на субъект правоотношений и проблемы квалификации // Уголовное право. 2009. № 4. С. 12-16.
187. *Волженкин Б.В.* Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90-98.
188. *Волженкин Б.В.* Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 12-16.
189. *Габай П.Г.* К вопросу о детерминации неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи // Российский следователь. 2014. № 2. С. 25-29.
190. *Гай Е.В.* К вопросу характеристики условно осужденных // Российский следователь. 2014. № 8. С. 32-34.
191. *Гаухман Л., Максимов С., Жаворонков А.* Справедливость наказания: принцип и реальность // Законность. 1997. № 7. С. 2-6.
192. *Герцензон А.А.* Пути развития Советской науки уголовного права за 30 лет // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 73-81.
193. *Голик Ю.* Очередная модернизация Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2012. № 2. С. 29-34.
194. *Голик Ю., Коробеев А.* Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. 2013. № 2. С. 16-17.

195. *Головко Л.В.* Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business // Закон. 2015. № 8. С. 32-45.

196. *Голубев В.* Специальный субъект преступления // Советская юстиция. 1984. № 12. С. 7-8.

197. *Горбуза А.Д., Сухарев Е.А.* Структура преступления // Вопросы совершенствования норм уголовного законодательства на современном этапе: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1986. С. 10-22.

198. *Готчина Л.* О квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних со специальным субъектом // Уголовное право. 2014. № 5. С. 42-43.

199. *Гребенкин Ф.* Общественная опасность преступления и ее характеристики // Уголовное право. 2006. № 1. С. 22-26.

200. *Долгова А.И.* Преступление и личность преступника в свете изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 3-16.

201. *Егорова Н.* Субъект преступлений против интересов службы // Законность. 1998. № 4. С. 8-12.

202. *Загородников Н.И., Стручков Н.А.* Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 48-55.

203. *Звонин А.В., Дядькин О.Н.* Факторы формирования системы уголовных наказаний в современных условиях краткий аналитический обзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 1. С. 82-89.

204. *Землюков С.В.* Виды и способы измерения общественной опасности деяния // Вестник Алтайского государственного университета. 1999. № 2. С. 61-70.

205. *Зинченко И.А., Трапцын А.Ю.* Уголовная политика: понятие, проблемы, перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9. С. 86-92.

206. *Зубарев С.* Интересы службы как объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2003. № 4. С. 26-27.

207. *Изосимов С.В.* К вопросу о разграничении понятия должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной (некоммерческой) организации // Юрист. 1999. № 7. С. 21-23.

208. *Иншаков С.М.* Факторы коррупционной преступности и перспективы противодействия ей // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 4. С. 23-29.

209. *Карпец И.И., Ратинов А.Р.* Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 47-54.

210. *Клейменов М.П.* Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4. С. 27-29.

211. *Клейменов И.М.* Уголовно-правовое реагирование // Вестник ОмГУ. 2016. №3. С. 192-200.

212. *Князьков М., Рожнов А., Синельников А.* Об укреплении уголовно-правовых гарантий от злоупотребления судебной властью // Власть. 2012. № 11. С. 152-156.

213. *Коган В.М.* Образ преступника в социальном механизме уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: межвуз. сб. Владивосток, 1983. С. 15-20.

214. *Кон И.С.* Люди и роли // Новый мир. 1970. № 12. С. 168-191.

215. *Кондрат И.Н.* Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3. С. 105-109.

216. *Кондрашков Н.* Меры наказания в законе и на практике // Социалистическая законность. 1968. № 2. С. 20-26.

217. *Криминологические основы уголовного права: мат-лы X Российского конгресса уголовного права.* М., 2016. 568 с.

218. *Кудрявцев В.Н.* Взаимосвязь элементов преступления // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 25. С. 54-66.

219. *Кузнецов А.А.* Осознание общественной опасности использования лицом служебного положения при совершении хищений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1. С. 72-73.

220. *Куринова Я.* «Гуманность» освобождения от наказания и современная криминальная реальность // Законность. 2012. № 4. С. 54-56.

221. *Лопашенко Н.А.* Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2015. № 3. С. 504-513.

222. *Лунеев В.В.* Проблемы противодействия экономической преступности // Государство и право. 2014. № 2. С. 32-40.

223. *Маслов В.П., Чистяков Н.Ф.* Деформация уголовной политики в истории Советского государства // Из истории Советского государства и права. М., 1989. С. 95-111.

224. *Махоткин В.П.* Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью // Наказания, не связанные с лишением свободы / под ред. И.М. Гальперина. М., 1972. С. 63-74.

225. *Милюков С.Ф.* Лжедемократизм российской уголовно-правовой политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1. С. 64-74.

226. *Милюков С.Ф., Труфанов В.В.* Рецензия на книгу Р. Орымбаева «Специальный субъект преступления» // Правоведение. 1980. № 3. С. 109-110.

227. *Минская В.* Проблемы регламентации института наказания // Уголовное право. 2008. № 2. С. 48-53.

228. *Миньковский Г.М.* Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. Вып. 27. С. 18-35.

229. *Миньковский Г.М.* Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД РФ: Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. М., 1995. С. 25-37.

230. *Мирошниченко Н.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. 2014. № 1. С. 51-56.

231. *Мурадов Э.* Признаки специального субъекта как критерий классификации преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2003. № 4. С. 51-52.

232. *Номоконов В.А.* О проблеме изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 3-9.

233. *Осипов П.П., Исмаилов И.А.* О системе санкций и назначении наказания за преступления против личных интересов граждан // Вестник Ленинградского университета. 1973. № 23. С. 97-98.

234. *Павлинов А.* Мониторинг эффективности применения уголовного наказания за преступления коррупционной направленности // Уголовное право. 2011. № 3. С. 111-114.

235. *Панова Н.* Предоставление льгот и преимуществ или покровительство в иной форме как признак состава незаконного участия в предпринимательской деятельности (обобщение судебно-следственной практики) // Уголовное право. 2015. № 4. С. 46-51.

236. *Панченко П.Н.* Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч.ст. Ярославль, 1996. С. 104-112.

237. *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской политики // Уголовное право. 2004. № 3-4. С. 87-109.

238. *Побегайло Э.Ф.* Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Балтийского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 9. С. 6-15

239. *Прокументов Л.М.* Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 81-91.

240. *Рарог А.И.* Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88-95.

241. *Рашинов А.Р.* Личность преступника и проблема ценности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 101-113.

242. *Ревин В.П.* Современное реформирование уголовного законодательства как отражение уголовной политики России // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 120-123.

243. *Рогова Е.В.* Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30-32.

244. *Романова Н.П.* Социальный статус как интегративный показатель положения человека в обществе: гендерный аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 3. С. 132-138.

245. *Ростокинский А.В.* Стратегия борьбы с преступностью в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 5-9.

246. *Сатерленд Э.* Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности (современные буржуазные теории): сб. ст. М.: Прогресс. 1966. С. 39-55.

247. *Севастьянов А.П.* Проблемы судебного усмотрения при выборе наказания в рамках санкций // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 98-103.

248. *Семенов С.А.* Понятие специального субъекта преступления // Журнал российского права. 1998. № 7. С. 98-103.

249. *Соловьев О.* Понятие дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 5. С. 75-79.

250. *Тарасова Ю.В.* Специальный субъект преступления как элемент основных составов преступлений // Российский следователь. 2007. № 5. С. 21-24.

251. *Тенчов Э.С.* Общественная опасность личности преступника и основание специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Личность преступника и уголовная ответственность: межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. С. 98-106.

252. *Фокин М.С., Немцев М.Ю.* К вопросу о разграничении служебных и должностных преступлений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3. С. 149-152.

253. *Фонд ИНДЕМ.* Антикоррупционная политика. Экономика коррупции // Лоббист. 2010. № 1. С. 77-91.

254. *Фролова Е.В., Медведева Н.В., Сеничева Л.В., Бондалетов В.В.* Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 3. С. 525-537.

255. *Хан-Магомедов Д.О.* Санкции уголовно-правовых норм и практика применения наказаний // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 25. С. 67-77.

256. *Черкасов Л.* Обсуждаются реформы уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 131-135.

257. *Шестаков Д.А.* Фикция порождения преступлений законом. Криминологическое определение преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 59-65.

258. *Аветисян С.С.* Соучастие в преступлениях со специальным составом: теория и практика правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. 12.00.08 / Аветисян Сержик Сергеевич. М., 2005. 498 с.

259. *Бачурин Э.А.* Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Бачурин Эрнест Альбертович. Красноярск, 2005. 228 с.

260. *Жуковский В.И.* Субъект преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Жуковский Владимир Ильич. Ставрополь, 2002. 165 с.

261. *Захарчук С.И.* Неосторожные преступления со специальным субъектом: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Захарчук Сергей Иванович. М., 2007. 225 с.

262. *Идрисов К.Р.* Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов предварительного следствия и суда: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Идрисов Константин Романович. Н. Новгород, 2007. 262 с.

263. *Крюкова О.Ю.* Специальный субъект в преступлениях, посягающих на нормальное функционирование органов и учреждений, реализующих лишение свободы, арест, содержание под стражей: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Крюкова Ольга Юрьевна. Вологда, 2010. 211 с.

264. *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность: дис. ... докт. юрид. наук. 12.00.08 / Лейкина Нина Семеновна. Л., 1968. 450 с.

265. *Непомнящая Т.В.* Уголовная ответственность за профессиональную неосторожность: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Непомнящая Татьяна Викторовна. Омск, 1995. 216 с.

266. *Павлов В.Г.* Субъект преступления: история, теория, практика: дис. ... докт. юрид. наук. 12.00.08 / Павлов Владимир Григорьевич. СПб., 2000. 405 с.

267. *Санникова О.О.* Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна: дисс. ... канд. социол. наук. 22.00.04 / Санникова Ольга Олеговна. М., 2006. 173 с.

268. *Семенов С.А.* Специальный субъект преступления в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Семенов Сергей Александрович. М., 1999. 209 с.

269. *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 12.00.01 / Сенякин Иван Николаевич. Саратов, 1993. 371 с.

270. *Строков А.А.* Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Строков Алексей Александрович. Ставрополь, 2009. 195 с.

271. *Тадевосян З.А.* Штраф как мера уголовного наказания по советскому уголовному праву: дис. ...канд. юрид. наук. 12.00.08 / Тадевосян Зелим Атомович. М., 1973. 189 с.

272. *Тарасова Ю.В.* Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Тарасова Юлия Владимировна. М., 2006. 195 с.

273. *Устименко В.В.* Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Устименко Виктор Васильевич. Харьков, 1983. 172 с.

274. *Фомивко А.Ф.* Наказание как социальный феномен: философский анализ: дис. ... канд. юрид. наук. 09.00.11 / Фомивко Андрей Федорович. М., 2006. 151 с.

275. *Цараев А.А.* Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.11 / Цараев Арсен Алимбегович. М., 2003. 185 с.

276. *Цокуева И.М.* Уголовные наказания имущественного характера: виды, эволюция, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Цокуева Ирина Михайловна. Краснодар, 1997. 189 с.

277. *Черепашкин А.С.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками милиции

общественной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Черепашкин Алексей Сергеевич. Омск, 2004. 188 с.

Справочная литература

278. *Философский* энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. 1074 с.

Электронные источники информации

279. *Авария* на Саяно-Шушенской ГЭС. URL: http://www.nikitinskiy.ru/blog/avaria_na_sayano_shushenskoi_ges/2009-08-20-27.

280. *Богуш Г.И.* О «гуманизме» и «либерализме» российской уголовной политики. URL: [http://www.sartraccs.ru=Pub/\(08-02-07\).htm](http://www.sartraccs.ru=Pub/(08-02-07).htm).

281. *Бывший* губернатор Тульской области Вячеслав Дудка, приговоренный к 9,5 годам колонии за взятку, этапирован в исправительную колонию строгого режима в Тульской области. URL: http://www.rapsinews.ru/trend/dudka_16082011/#ixzz4OMZIdD2x.

282. *Галимова Н., Дергачев В.* Утратил чутье и чувство меры. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2015/09/19_a_7766051.shtml.

283. *Гордиенко И.* Когда пришли за центром «Э». URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/08/70826-kogda-prishli-za-tsentrom-e>.

284. *Губернатор Кировской* области Никита Белых задержан при получении взятки. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3023111>.

285. *Завершено следствие* по делу экс-губернатора Сахалина Хорошавина. URL: <http://www.vz.ru/news/2016/7/25/823309.html>.

286. *Затонул* теплоход «Булгария». URL: <http://www.gazeta.ru/news/seealso/1918221.shtml>.

287. *Зубов Г., Петелин Г.* Полковник взял не ту «Ноту». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/09/13/10191509.shtml>.

288. *Иванов А., Щербаков Д.* Лес рубили из кабинета. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2432675>.

289. *Кобзева Л.Е., Лопашенко Н.А. и др.* Тенденции реформирования российского уголовного законодательства на основе анализа внесенных в него изменений. URL: http://www.sartraccc.ru/print.php?print_file=Explore/refroslaw10.htm#_ftn1.

290. *Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации* (утв. Минюстом России 19.01.2016). URL: <http://base.consultant.ru>.

291. *Кривобок Р.* Поплавский не признался в растрате при строительстве океанариума в Приморье. URL: <http://www.ria.ru/incidents/20160614/1446990072.html>.

292. *Маракулин Д.* Из «трубного дела» вытек условный приговор. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3144646>.

293. *Общие сведения о состоянии преступности за январь–декабрь 2011 г.* // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://mvd.ru>.

294. *Общие сведения о состоянии преступности за январь–декабрь 2012 г.* URL: <http://mvd.ru>.

295. *Общие сведения о состоянии преступности в России за январь–декабрь 2013 г.* URL: <http://mvd.ru>.

296. *Общие сведения о состоянии преступности в России за январь–декабрь 2014 г.* URL: <http://mvd.ru>.

297. *Общие сведения о состоянии преступности в России за январь–декабрь 2015 г.* URL: <http://mvd.ru>.

298. *Панамский список: что держали в офшорах российские чиновники.* URL: <http://www.rbc.ru/politics/04/04/2016/5701767c9a7947743875c168>.

299. *Пожар в ночном клубе «Хромая лошадь».* Хроника событий. URL: <http://prm.ru/perm/42659/>.

300. *Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 07.03.2010 № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника*

Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации». URL: <http://genproc.gov.ru/documents>.

301. *Приказ* Следственного комитета Российской Федерации от 28 марта 2011 г. № 41 «Об утверждении статистического отчета “Сведения о деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по противодействию коррупции”». URL: <http://base.consultant.ru>.

302. *Пояснительная* записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>.

303. *Пояснительная* записка к проекту Концепции уголовно-правовой политики РФ. URL: <http://www.gosbook.ru/node/56448>.

304. *Сафронов И., Сергеев Н.* Дадут по траншее как следует. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3144806>.

305. *СК задержал* мэра Переславля-Залесского и руководителей «НТ-Фарма». URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/11/16/126653-sk-zaderzhal-mera-pereslavlya-zalesskogo-i-rukovoditeley-nt-farma>.

306. *Тихонов Д.* Владимир Путин освободил Алексея Улюкаева от занимаемой должности. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3143551?yclid=6921465193795685445>.

307. *Форма 10.3* «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2011 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

308. *Форма 10.1* «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2012 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

309. *Форма 10.3* «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2012 года» // Сайт Судебного

департамента при Верховном Суде Российской Федерации.
URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

310. *Форма 10.3* «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2013 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.
URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

311. *Форма 10.3* «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2014 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.
URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

312. *Форма 10.3* «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2015 года» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.
URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

313. *Форма 10.3.1* «Приложение к форме № 10.3 “Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 12 месяцев 2012 года”» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.
URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

314. *Чиновникам* пока не нашли места в коррупционном реестре.
URL: <http://www.izvestia.ru/news/645803>.

315. *Экс-губернатор* Брянской области получил 4 года колонии общего режима. URL: <http://www.bryansk.kp.ru/daily/26460.4/3330594>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ВИДЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК РФ 1996 Г.

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
1. Признаки субъекта, характеризующие его социальный статус и роль в сфере взаимоотношений с потерпевшим	
мать новорожденного	Ст. 106
материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного	ч.2 ст. 120
обязанность иметь об оставленном заботу	ст. 125
родители	ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151, ст. 156, ч. 1 ст. 157
иные лица, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего	ч 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151, ст. 156
совершеннолетние трудоспособные дети	ч. 2 ст. 157
заемные обязательства по договору кредитования	ч. 1,2 ст. 159.1, ст. 177
правомочие на получение пособий, компенсаций, субсидий или иных социальных выплат	чч. 1-2 ст. 159.2
наличие права на получение страховой выплаты по договору страхования	чч. 1-2 ст. 159.5
2. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере осуществления служебной деятельности	
2.1 Признаки, характеризующие служебный статус и роль субъекта в коммерческих и иных организациях (служебное положение)	
работодатель	ст. 145

выполнение управленческих функций в коммерческой и иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением (руководитель организации (филиала, представительства, иного обособленного подразделения организации))	ст. ст. 145.1, ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.5, 170.1, 171 ¹ , 172, 173.1, 173.2, ст. ст. 177, 178, 185.4, 185.5, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 199.2, 201, ч. 3,4 ст. 204, ч. 1 ст. 204.2, ст. 304
индивидуальный предприниматель	ст. ст. 145.1, 171, ч. 1 ст. 176, ст. ст. 178, 195, 196, 197, 199.2
обязанность по внесению информации в проспект ценных бумаг, утверждению или подтверждению проспекта или отчета, размещению ценных бумаг	ст. 185
обязанность по внесению информации в проспект ценных бумаг, утверждению или подтверждению проспекта или отчета, размещению ценных бумаг	ст. 185
обязанность по раскрытию информации о ценных бумагах	ст. 185.1
обязанность по совершению операций, связанных с учетом прав на ценные бумаги	чч. 1–2 ст. 185.2
обязанность по внесению сведений в реестр владельцев ценных бумаг	ч. 3 ст. 185.2
обязанность соблюдения законодательства о запрете манипулирования рынком	ст. 185.3
учредитель (участник) юридического лица	ч. 2 ст. 195; ст. ст. 196, 197
налоговый агент	ст. 199.1
собственник организации	ст. 199.2
капитан судна	ст. 270
осведомленность о сведениях, составляющих государственную тайну, в связи с доверенностью их лицу или в связи со службой	ч. 1 ст. 283

¹ Отнесение лица, фактически осуществляющего предпринимательскую деятельность в нарушение действующего законодательства о регистрации и лицензировании, к специальным субъектам преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, в науке является спорным вопросом. Мы склонны поддержать позицию авторов, решающих этот вопрос положительно (см., например: *Яни П.С.* Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. М., 2001. С 33; *Мурадов Э.* Признаки специального субъекта как критерий классификации преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2003. № 4. С. 51–52).

руководство деятельностью на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации	ст. 284.1
служба в кредитной организации	ст. 312
вверение имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации	ст. 312
служба в коммерческой или иной организации	ст. 315
<p>2.2 Признаки, характеризующие служебный статус и роль в государственных и муниципальных структурах:</p> <p>2.2.1 субъекта, занимающего должностное положение в сфере государственной гражданской, военной и правоохранительной службы</p>	
выполнение функций представителя власти или организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций (должностное лицо) в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.	ст. ст. 140, 149, 169, 170, 215.1, 237, п. «а» ч. 2 ст. 243.3, ст.ст. 285–287, 289–290, 291.2, 292–293, 315; ч. 2 ст. 354
представитель работодателя	ст. 145
прокурор; следователь; лицо, производящее дознание; судья	ст. ст. 299–302, ч. 2 ст. 303, ст. 305
наличие российского гражданства и осведомленность о сведениях, составляющих государственную тайну, в связи с доверенностью их лицу или в связи со службой	ст. 275
уполномочивание на проведение оперативно-розыскных мероприятий	ч. 4 ст. 303
осведомленность о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, присяжного заседателя, иного участника правосудия	ст. 311
сотрудник учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества	ч. 1 ст. 321
представитель начальствующего состава (начальник)	ч. 2 ст. 336
командир военного корабля	ст. 345

2.2.2 субъекта, занимающего недолжностное положение в сфере государственной гражданской, военной и правоохранительной службы	
обязанность хранить тайну усыновления (удочерения) в связи со службой	ст. 155
член избирательной комиссии, комиссии по проведению референдума	ч. 2 ст. 141.1, ст. 142
государственный служащий и служащий органа местного самоуправления, не относящиеся к должностным лицам	ст. ст. 288, 292, 292.1, 315
осведомленность о сведениях, составляющих государственную тайну, в связи с доверенностью их лицу или в связи со службой	ч. 1 ст. 283
осведомленность о мерах безопасности в отношении судей, присяжных и иных участников уголовного процесса в связи со служебной деятельностью	ст. 311
прохождение военной службы по призыву либо по контракту; пребывание в запасе во время прохождения военных сборов	ст. ст. 332–352
3. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта, не обладающего должностными полномочиями в судопроизводстве, включая исполнение наказаний	
участие лица в рассмотрении гражданского дела в суде	ч. 1 ст. 303
полномочия по представительству лица, участвующего в рассмотрении гражданского дела в суде	ч. 1 ст. 303
свидетель	ст.ст. 307, 308, 310
потерпевший	ст.ст. 307, 308, 310
эксперт	ст.ст. 307, 310
специалист	ст.ст. 307, 310
переводчик	ст.ст. 307, 310
отбывание наказания или нахождение в предварительном заключении	ст. 313, чч. 2–3 ст. 321
осуждение к ограничению свободы	ч. 1 ст. 314
осуждение к лишению свободы	ч. 2 ст. 314
обязанность подвергнуться принудительным мерам медицинского характера	ч. 3 ст. 314
установление административного надзора	ст. 314.1
4. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в связи с профессией или родом деятельности	
4.1 Специальные признаки субъекта, характеризующие социальный статус и роль в связи с профессией или родом деятельности, в умышленных преступлениях	
отсутствие высшего медицинского образования соответствующего профиля	ч. 1 ст. 123

член инициативной группы, уполномоченный представитель избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, кандидат или его уполномоченный представитель	ч. 2 ст. 141.1, ст. 142
педагогический работник	чч. 2 ст. ст. 150 и 151, ст. 156
работник образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанный осуществлять надзор за несовершеннолетним	ст. 156
обязанность по выплате страхового возмещения	ст. 159.5
обязанность по обеспечению сохранности вверенного имущества	чч. 1-2 ст. 160
кадастровый инженер	ст. 170.2
обязанность по соблюдению правил изготовления и использования государственных пробирных клейм	ст. 181
обязанность по неразглашению и неиспользованию сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, ставших известными в связи со службой или работой	ч. 2 ст. 183
спортсмен	ч. 3 ст. 184
спортивный судья, тренер, руководитель команд, другой участник профессиональных спортивных соревнований, организатор профессиональных спортивных соревнований, организатор зрелищных коммерческих конкурсов, член жюри зрелищных коммерческих конкурсов	ч. 4 ст. 184, ст. 230.2
наделение правом ведения внешнеэкономической деятельности	ст. 189
обязанность возратить на территорию Российской Федерации предметы художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран	ст. 190
обязанность по соблюдению правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней	ст. 192
физическое лицо, обязанное уплачивать таможенные платежи	ст. 194
налогоплательщик	ст. 198
частный нотариус	ст. 202
частный аудитор	ст. 202
частный детектив	ст. 203

работник частной охранной организации, имеющий удостоверение частного охранника	ст. 203
специалист по спортивной медицине, иной специалист в области физической культуры и спорта	ст.ст. 230.1, 230.2
исполнитель земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа)	ст. 243.3
обязанность по соблюдению правил охраны окружающей среды при производстве работ	ст. 246
обязанность по соблюдению правил обращения экологически опасных веществ и отходов	чч. 1–2 ст. 247
обязанность по соблюдению правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами	ч. 1 ст. 248
обязанность по соблюдению правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов	ч. 1 ст. 251
обязанность по соблюдению правил захоронения или сброса вредных веществ и материалов	чч. 1–2 ст. 252
обязанность по соблюдению законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации при осуществлении производственной или поисковой деятельности	ст. 253
обязанность по соблюдению правил обращения с опасными химическими или биологическими веществами	чч. 1–2 ст. 254
обязанность по соблюдению правил охраны и использования недр	ст. 255
обязанность по соблюдению правил охраны водных биологических ресурсов	ст. 257
обязанность по соблюдению правил международных полетов	ст. 271
обязанность по соблюдению правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей	ст. 274
обязанность неразглашения государственной тайны, которая стала известна или доверена по работе или учебе	ч. 1 ст. 283

4.2 Специальные признаки субъекта, характеризующие социальный статус и роль в связи с профессией или родом деятельности, в неосторожных преступлениях

наличие профессиональных обязанностей	чч. 2 ст.ст. 109 и 118, ч. 4 ст. 122
отсутствие высшего медицинского образования соответствующего профиля	ч. 3 ст. 123
обязанность оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правилом	ст. 124
обязанность по соблюдению правил техники безопасности или иных правил охраны труда	ст. 143
обязанность по соблюдению правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики	ч. 2 ст. 215
обязанность по соблюдению правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ	ст. 216
обязанность по соблюдению правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах	ст. 217
обязанность по соблюдению требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса	ст. 217.1
обязанность по соблюдению правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий	ст. 218
обязанность по соблюдению требований пожарной безопасности	ст. 219
обязанность по соблюдению правил хранения огнестрельного оружия	ст. 224
обязанность по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств	ст. 225
обязанность по соблюдению правил оборота наркотических средств или психотропных веществ	ст. 228.2
обязанность по соблюдению правил оборота сильнодействующих или ядовитых веществ	ч. 4 ст. 234
отсутствие лицензии на занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью	ст. 235
обязанность по соблюдению санитарно-эпидемиологических правил	ст. 236
обязанность по соблюдению правил обращения экологически опасных веществ и отходов	ч. 3 ст. 247
обязанность по соблюдению правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими	ч. 2 ст. 248

биологическими агентами или токсинами	
обязанность по соблюдению ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений	ст. 249
обязанность по соблюдению правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов	ч. 2–3 ст. 251
обязанность по соблюдению правил захоронения или сброса вредных веществ и материалов	ч. 3 ст. 252
обязанность по соблюдению правил обращения с опасными химическими или биологическими веществами	ч. 3 ст. 254
обязанность по соблюдению правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена	ст. 263
обязанность по исполнению требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах	ст. 263.1
обязанность по соблюдению правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	ст. 264
обязанность обеспечения надлежащего технического состояния транспортных средств	ст. 266
обязанность соблюдать правила, обеспечивающие безопасную работу транспорта, участником дорожного движения (пассажиром, пешеходом)	ст. 268
обязанность по соблюдению правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов	ст. 269
обязанность по соблюдению правил использования воздушного пространства Российской Федерации	ст. 271.1
обязанность неразглашения государственной тайны	ч. 2 ст. 283
обязанность по соблюдению правил обращения с документами и предметами, содержащими государственную тайну	ст. 284
5. Специальные признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в связи с противоправной деятельностью	
занятие лицом высшего положения в преступной иерархии	ч. 4 ст. 210

наличие судимости за ранее совершенные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего	ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135
привлечение лица к административной ответственности	ст.ст. 116.1, 158.1, 264.1, 284.1
наличие судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 204-204.2 УК РФ	ч. 2 ст. 204.2

Анкета «Коррупционные и иные должностные преступления»*

Уважаемые участники исследования!

С 2008 г. в стране объявлена война коррупции. Принято множество законов, реализован целый комплекс мер. Определить их эффективность должны помочь Вы.

Ответьте на вопросы анкеты, выбрав наиболее соответствующие Вашему мнению ответы.

При наличии собственного суждения укажите его. Анкету подписывать не нужно.

Спасибо за участие в исследовании!

1. По данным статистики МВД России, за 2014 г. выявлено 32 204 преступлений коррупционной направленности, что составляет около 5% от общего числа зарегистрированных преступлений. В то же время высказывается мнение, что фактический уровень указанных преступлений намного выше. Согласны ли Вы с этим?

а) согласен;	-
80,2	
б) скорее согласен, чем не согласен;	-
25,3	
в) затрудняюсь ответить;	-
9,1	
г) скорее не согласен, чем согласен;	-
4,9	
д) не согласен.	-
3,3	

2. Как Вы считаете, кто в большей степени формирует коррупционные отношения?

а) обыватели, стремящиеся решить свои личные проблемы;	-
4,2	
б) бизнесмены, которые считают деньги средством решения деловых проблем;	-
7,8	
в) чиновники, которые стремятся заработать на властных полномочиях;	-
41,8	
г) бизнесмены и чиновники, вступившие в сговор;	-
21,3	
д) все в равной степени.	-
24,9	

3. Существует мнение, что борьба с коррупцией будет эффективна только при условии, если она затронет высшие эшелоны власти. Согласны ли Вы с этим суждением?

а) согласен;	-
74,8	
б) не согласен;	-
20,5	
в) затрудняюсь ответить.	-
4,7	

4. Каковы, на Ваш взгляд, основные причины коррупции? (Укажите три):

а) низкая правовая культура чиновников;	-
17,0	
б) небольшая зарплата;	-
7,3	
в) нет надлежащего законодательства;	-
9,6	
г) отсутствие ответственности (безнаказанность);	-
16,1	

- д) так организована система власти; -
19,2
- е) в России так было всегда; -
5,4
- ж) криминализация политической элиты; -
9,4
- з) стремление бизнеса подкупить власть; -
5,6
- и) продажность руководителей; -
9,9
- к) иное (укажите) _____ -
0,5

5. Высказано мнение, что предоставление отдельным категориям должностных лиц гарантий неприкосновенности (особого порядка административного и уголовного производства) не способствует эффективной борьбе с коррупцией. Оцените это суждение:

- а) согласен; -
69,8
- б) не согласен; -
15,5
- в) затрудняюсь ответить. -
14,7

6. Как Вы относитесь к следующему суждению: «В деятельности органов внутренних дел распространена практика принуждения к даче показаний»?

- а) категорически не согласен; -
3,6
- б) скорее не согласен, чем согласен; -
15,3
- в) затрудняюсь ответить; -
19,3
- г) скорее согласен, чем не согласен; -
34,5
- д) полностью согласен. -
27,3

7. Существует мнение, что от уголовной ответственности можно откупиться. Согласны ли Вы с этим?

- а) категорически не согласен; -
4,3
- б) скорее не согласен, чем согласен; -
8,5
- в) затрудняюсь ответить; -
8,1
- г) скорее согласен, чем не согласен; -
38,9
- д) полностью согласен. -
40,2

8. Коррупционеров часто осуждают к условному лишению свободы. Как Вы относитесь к такой практике?

- а) положительно; -
16,0
- б) скорее положительно, чем отрицательно; -
5,9

- в) затрудняюсь ответить; -
8,3
- г) скорее отрицательно, чем положительно; -
21,9
- д) отрицательно. -
47,9

9. Какие действия властей заставили бы Вас поверить в то, что в государстве началось реальное противодействие коррупции?

- а) широкое обсуждение в прессе проблем борьбы с коррупцией; -
7,8
- б) создание антикоррупционных комиссий в органах власти; -
15,3
- в) введение уголовной ответственности за незаконное обогащение (служащий сам должен доказать законность превышения расходов над доходами); -
25,8
- г) осуждение к реальному лишению свободы нескольких высокопоставленных чиновников; -
33,3
- д) введение смертной казни за коррупцию; -
21,5
- е) иное (укажите) _____ -
3,9

10. Что, по Вашему мнению, способно удержать от коррупции?

- а) совесть, стыд; -
20,7
- б) нежелание нарушать общепринятые нормы; -
8,8
- в) контроль со стороны руководства; -
13,1
- г) осуждение со стороны коллег; -
5,5
- д) страх перед возможной оглаской; -
13,5
- е) страх перед возможным наказанием; -
38,5
- ж) иное (укажите) _____ -
3,3

11. Преступления, связанные с нарушением профессиональных обязанностей и неосторожным причинением вреда уголовно-охраняемым ценностям, представляют высокую общественную опасность, в связи с чем необходимо:

- а) ужесточить уголовную ответственность за указанные деяния; -
18,8
- б) ввести особые требования к профессиональной подготовке и психофизиологическим качествам субъектов, чья деятельность связана с источниками повышенной опасности; -
68,3
- в) оставить законодательство в прежнем виде, поскольку никакие меры не способны нейтрализовать действие «человеческого фактора». -
12,9

12. Как вид наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является необходимым условием противодействия должностной

преступности и преступности в профессиональной сфере, в связи с чем его применение судами должно быть более активным. Согласны ли Вы с этим?

а) согласен;	-
40,6	
б) скорее согласен, чем не согласен;	-
36,4	
в) затрудняюсь ответить;	-
13,2	
г) скорее не согласен, чем согласен;	-
7,5	
д) не согласен.	-
2,3	

В заключение укажите некоторые сведения о себе, что важно для статистической группировки исследования:

13. Пол:

а) мужской;	-
42,4	
б) женский.	-
57,6	

14. Род занятий:

а) студент	-
18,9	
б) служащий	-
26,4	
в) рабочий	-
23,3	
г) предприниматель	-
11,8	
д) пенсионер	-
10,2	
е) безработный	-
5,6	
ж) иной	-
3,8	

***Примечания:**

- 1.Опрошен 681 респондент в Омске и Перми в марте и ноябре 2014 года.
- 2.Сводка результатов анкеты приведена в столбцах анкеты (в %).
3. В случае, когда респондентам предоставлялась возможность отметить более одного ответа, сумма результатов превышает 100 %.